

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

Гомельский государственный университет
Институт славяноведения и балканистики АН СССР

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ,
ЛИТЕРАТУР, ФОЛЬКЛОРА
И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ**

Часть I

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
III республиканской конференции**

Гомель, 1985

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

Гомельский государственный университет
Институт славяноведения и балканистики АН СССР

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР,
ФОЛЬКЛОРА И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Часть 1

Тезисы

докладов и сообщений

III республиканской конференции

Гомель 1985

Редакционная коллегия:
Аниченко В.В., Гринчик Н.М., Толстой Н.И.
(ответственные редакторы), Никончук Н.В.,
Шакун Л.М., Штейнер И.Ф.

1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

И.М.АКУЛОВ, Г.И.ПОГУДИНА (Гомель)

КАЛЬКИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ РУССКИМ И БЕЛОРУССКИМ ЯЗЫКАМИ

1. Кроме заимствованных терминов и терминологических словосочетаний в русском и белорусском языках, обращают на себя внимание различного рода кальки, образованные по иноязычным моделям. Характерным в этом отношении является калькирование слов, восходящих к немецкому и английскому языкам-источникам. Важно при этом иметь в виду, что слова русского языка калькировались непосредственно из германских языков, а их белорусские соответствия в большинстве своем – по образцу русского языка.

П. При переводе литературы с немецкого на русский уже в метровские времена появилось значительное количество лексических, семантических и фразеологических калек по немецким образцам. Такие кальки возникали и в последующие периоды, особенно в переводной литературе. Очень большое количество общественно-политических, философских, экономических терминов калькировано по немецкой модели из произведений К.Маркса и Ф.Энгельса.

Ш. Среди лексических калек выделяются кальки производных слов: префиксальные образования (нем. **Überbau** – русск. надстройка – бел. надбудова, **Übermensch** – сверхчеловек – звышчалавек), суффиксальные (**Ganzheit** – целостность – цэласнасць), суффиксально-префиксальные (**Vergesellschaftung** – обобществление – абагульненне, **Anschaulichkeit** – наглядность – нагляднасць).

Самую большую группу среди лексических калек составляют кальки сложных слов. Поскольку словосложение является специфической словообразовательной чертой немецкого языка, в его словарном составе, по сравнению с другими языками, очень большое место занимают сложные слова. При калькировании этого разряда слов в русском и белорусском языках значение их передается в большинстве случаев также созданием сложных лексем, чаще всего построенных путем простого словосложения (**Selbstkosten** – себестоимость – сабекошт, **Selbstbewusstsein** – самоцель – самамета, **Arbeitsgeber** – работодатель, работадаўца,

allgemein - всеобщий - усеагульны, **Selbsterkenntnis** - самопознание - самапазнанне, **Halbfabrikat** - полуфабрикат - паўфабрыкат).

1У. Среди фразеологических калек с немецкого языка прежде всего следует отметить устойчивые словосочетания, которые передают значение сложных немецких слов (**Arbeitsmarkt** - рынок труда - рынак працы, **Ausgangspunkt** - исходная точка - выходны пункт, **Zeitgeist** - дух времени - дух часу, **Klassenstaat** - классовое государство - класавая дзяржава, **Mehrwert** - прибавочная стоимость - прыбавачная вартасць, **Weltmarkt** - всемирный рынок - сусветны рынак, **Wertgesetz** - закон стоимости - закон вартасці).

Устойчивым немецким словосочетаниям в русском и белорусском языках также соответствуют устойчивые словосочетания **konstantes Kapital** - постоянный капитал - пастаянны капітал, **Ding an sich** - вещь в себе - рэч у сабе, **das Rad der Geschichte zuruckkehren** - повернуть колесо истории вспять - павярнуць кола гісторыі назад).

У. Кальки с английского языка в области социально-политической терминологии в русском и белорусском языках в основном представлены устойчивыми словосочетаниями (такой же характер имеют и их прототипы в языке-источнике): (**Common Market** - общий рынок - агульны рынак, **brain trust** - мозговой трест - мазгавы трэст, **cold war** - холодная война - халодная вайна) и сложно-сокращенными словами, передаваемыми инициальными буквами (**UNO** - ООН - ААН, **NATO** - НАТО - НАТА, **UNESCO** - ЮНЕСКО - ЮНЕСКА).

У1. При калькировании с русского языка в родственном белорусском языке обычно наблюдается полное структурное соответствие калек их прототипам. Это значит, что в нем образуются аналогичные сложные слова или устойчивые словосочетания, и только в отдельных случаях сложное русское слово в белорусском языке калькируется словосочетанием (рус. здравоохранение - бел. ахова здароўя).

В пределах же односложных и двусложных номинаций в белорусском языке часто используются разнокорневые лексемы (труд - праца, стоимость - кошт, вартасць, самоцель - самамета, всеобщий - усеагульны).

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ ПОЛЕССКОГО ФОЛЬКЛОРА С БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Сравнительный анализ полесского фольклора с белорусской художественной литературой писателей, выходящей из Восточного Полесья, позволяет (пусть даже предварительно) проследить за удельным весом и влиянием народно-разговорного языка этой относительно древней, в определенной степени замкнутой территории на отдельные жанрово-стилевые разновидности белорусского литературного языка. Если до недавнего времени на этот вопрос в известной мере отвечала диалектная лексикография, то теперь некоторой опорой является фольклорный репертуар в сравнительном плане с художественной литературой, на основе которых начали создаваться региональные словари, в частности, "Народная лексика Гомельщины ў фольклоры і мастацкай літаратуры" (Мн., 1983). Этот лексикографический источник содержит большое количество региональных слов с различной характеристикой. Одни из них входят в глубь истории (таваран "рогатый скот", таварына "животное", чалядак "слуга"), другие ограничены локальным употреблением (арэўка "орел", бязвочы "слепой", вярнігор "силач", галавасеч "меч", аэжлямчаща "подродниться, подружить", зашлюбіць "окрутить, поженить на себе", зобалка "облако", медаед "медведь", панядзелкаваць "праздновать в понедельник, не работать", піунь "петух", пцішня "птичник", славец на "устно", табачыць "курить"), третьи характеризуются семантическим развитием известных в других диалектных массивах периферийных лексем (сравни: вадзянка "место (скамейка), где стоит ведро с водой" на Могилёвщине и "ведро с водой" на Гомельщине) или вообще разговорных (сравни: разг. баланда "постная редкая похлебка" – фольк. "пустослов", бацюшка "поп" – "отец", трасучка "лихорадка" – "удочка, уда"), а также дублетных нормативных вариантов белорусского и русского языков (сравни: лит. чарапіца "кровельный материал", "плитка" – фольк. "горшок", шпулька "катушка для ниток" – "шпилька", пашня "вспаханное поле" – "зерно"), четвертые сохраняют местные словообразовательные модели (карэбчык "уменьш. к кораб", корчык "уменьш. к карэц", харомак "уменьш. к хорам", кузенька – кошок, кусюлька – жарабя, памялішча – памяло, парасолік – парасон, нарушачка – пароша, ранесенька – рана, шкодачка – шкода), пятые различаются различными морфологическими и другими вариантами, проявляющимися в смешении форм рода су

ствительных: мужского и женского (фольк. абор – лит. абора, ачеп – адчэпа, эграй – эграя, дэпеш – дэпеша, пагонь – пагона), женского и мужского (акрайка – акравак, беражына – бераг, пагага – пасаг, патопа – патоп), женского и среднего (брова – брыво, дзіва ж. – дзіва с.), мужского и среднего (змярканак – змяр – анне), единственного и множественного числа (варотніца – вароты, тажон – дажынкi), шестые сохраняют акцентологические варианты (фольк. сако́л – лит. со́кал, го́ршчык – гаршчо́к, да́ляй – далей, дзя́нны – дзе́нны, за́пячак – запёчак).

Примечательно, что такие периферийные слова, встречающиеся в произведениях белорусских писателей, которые вышли из диалектно-разнородного Полесья, бытуют в этом фольклоре как народно-разговорные просторечные лексические единицы. Это закономерное явление обусловлено демократической языковой ситуацией, которую проповедовал в далёкие от нас времена наш земляк-полочанин, выдающийся учёный-просветитель, восточнославянский первопечатник Франциск (Георгий) Скорина, когда звучали его патриотические слова, высказанные им вдали от родины в предисловии к книге "Юдифь" о том, что "люди и где зьродилися и ускорьмлени суть по бозе къ тому месту великую ласку имають".

Независимо от степени употребления в полесском фольклоре можно встретить локальные лексические и словобразовательные тождественные по значению варианты типа вымчаць, выперці "вымчнуть силой (быстро)", вушца, вуля "утка", кукаўка, кукуля "ку-кушка", перазоў, перапой "взаимное посещение во время свадебных торжеств", баланда, балбатня "пустословие", відненька, відносенька "видно", канішанька, кашусенька "лошадка, конёк", матонька, матулька "мать", прала, пралушка "пряслице", свахна, свацёхна "свахна". Фольклорное словоупотребление подобного рода свидетельствует не только о традиционности многих лексических единиц с их внутренне замкнутой региональной системой, но и проникновении их в художественную литературу, где в зависимости от формы изложения они используются по-разному.

В одних случаях фольклорно-диалектная лексика под местным влиянием употребляется наряду с нормативными дублетными парами: барыла і бочачка, глухамань і глухмень, далеча і далёка, жалкаваць і шкадаваць, жытка і жыцце, млінец і блінец, падалка і анад, ростанькі і ростань, сплах і спалох і інш. В других случаях для придания художественному тексту регионального колорита писатели Гомельщины предпочитают пользоваться только периферийными

лексемами, представленными собственно лексическими диалектизмами (бязбацькавіч "сирота", пазіралкі "глаза", думалка "голова (разум)", крылацік "птушка", дымнуць "курнуть", плугар "пахарь", смяюн "хохотун", спявун "певец", шума "пена") и семантическими новообразованиями (летнік "дорога для пользования только летом", мякіш "чувствительный слабовольный человек", невідучы "отсталый, неграмотный", пастаялка "квартирант", седала "усадыба").

Поскольку фольклорные произведения обычно функционируют в устной форме с сохранением принципа экономного словоупотребления их авторы стремятся передавать различные понятия однословными наименованиями, которым в нормализованном языке нередко соответствуют не менее чем двусловные сочетания, например: валаад "тот, кто любит есть воловое мясо", выстрачка "прошивание в строчку", гасподка "дом и жильё хозяина". Такие однословные наименования широко используются писателями в своих художественных произведениях: выслухач "тот, кто подслушивает", гаваруння "говорливая женщина", дабрак "добрый человек", балонне "заливной луг", жаўтапес "жёлтый песчаник", катламый "рабочий, который моет котлы"; млынарышча "место, где стояла мельница", мокуць "заболоченное место", гуменнік "сторож гумна".

Значение фольклорно-диалектной речи для произведений белорусской художественной литературы является частным случаем общей проблемы языковой связи фольклора и литературного языка. Несмотря на то, что фольклорные традиции, основанные на народно-разговорной речи белорусского народа, оставляют заметный след в художественных произведениях, они не полностью имитируют языковую систему народного творчества белорусского народа. В то же время используемые в художественной литературе существенные и типичные особенности языка фольклора не позволяют считать этот стиль безоговорочным статусом литературной нормы, поскольку в нем нормативные элементы контрастируют с фольклорно-диалектными элементами на различных уровнях.

Л.А.АНТОНЮК (Минск)

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Прерывность процесса формирования белорусской терминологической лексики в результате исторических условий развития и фу-

монирования белорусского языка в ХУП–ХУШ вв. не только вызвала разрыв между традициями старобелорусского языка и традициями современного белорусского языка, оказав этим отрицательное влияние на преемственность развития терминологической лексики, но и обусловила некоторую специфику путей и принципов развития современной белорусской научной терминологии.

В значительной мере эта специфика нашла отражение в активном использовании диалектных слов в развитии новой белорусской терминологической лексики.

В первые послеоктябрьские десятилетия, когда происходила активная разработка понятийно-терминологического фонда белорусской научной терминологии, сложилась специфическая картина соотношения различных пластов лексики белорусского языка как источников формирования научной терминологии. Старобелорусская лексика по причине длительного перерыва в использовании была забыта и не могла быть существенным источником словесного материала. Хотя значительная часть общественно-политической, юридической, торговой, сельскохозяйственной, промысловой терминологии, закреплённой в памятниках деловой письменности ХIУ–ХУШ вв., с определёнными фонетическими и морфологическими изменениями вошла в новую белорусскую терминологию (держава, звычай, здрацца, листь, пильновать, прыгонь, сварка, свьдка, умова, гандель, рынок, крама, вага, ораньё, снопь, жито, ботвиньё, збожжэ, зерне, насеньё, стайня, садиба и др.), однако их было недостаточно для обозначения новых понятий социальной и экономической жизни, развивающейся науки.

Основным источником создания новых терминов явилась лексика нового белорусского языка. Однако многие лексемы нового белорусского языка обладали большой вариантностью и не имели стабильной практики использования, что усложняло их применение в качестве терминов. Ещё сложнее обстояло дело с разговорной лексикой как источником формирования терминологии, поскольку этот слой лексики практически ещё не был сформирован по причине слабого функционирования только рождающегося литературного языка в устной практике этого периода. Аналогичное явление представляла собой книжная лексика, которая также не могла стать существенным источником формирования научной терминологии. Все это стало важным объективным фактором активизации диалектной лексики как источника формирования белорусской научной терминологии.

Дополнительным фактором активизации диалектной лексики стали тенденции национального пуризма. Этими тенденциями в значи-

тельной мере объясняется, например, чрезмерное использование узкорегionalной лексики на страницах научных и научно-популярных изданий начала XX столетия: атпага (аддга), улева (лівень), маланья (маланка) и др., хотя общая положительная роль многочисленных белорусских и переводных изданий этого периода в формировании терминологической лексики не вызывает сомнения. Они содержали множество терминов различных областей знания и имели в определенном смысле нормативный характер, содействуя закреплению научной терминологии в языковой практике: высадкі, гародніна, гук, зык, маладзік, навалыца, надвор'е, павадка, драмень, працаўнік, пухліна, хвароба и др.

Тенденции национального пуризма, характерные всем народам в период национального возрождения, нашли отражение в чрезмерной активизации узкорегionalной лексики и в первые десятилетия терминологической работы послеоктябрьского периода. Так, в двадцати четырех выпусках "Беларуской навуковай тэрміналогіі", изданных Научно-терминологической комиссией в 1922-1930 годах, наряду с основной частью лингвистически и содержательно оправданных и прочно вошедших в практику терминов (дадатковы паказчык, залежная велічыня, сапраўднае значэнне, шасціграннік, сумножнік, клічнік, пыталнік, канчатак, будучы час и т.д.) встречаются узкие регионализмы, которые были впоследствии отсеяны терминологической практикой (зельнік (гербарый), машанец (гібрыд), кіяхі, юргіня, астача, вогнішча (фокус), куля (шар), кут (вугал), рысунак (малюнак), прарэз (профіль), паверх (ярус) и т.д.). При этом нужно отметить, что значительная часть народно-диалектной лексики, включенной в терминологические сборники 20 - 30-х годов, прочно вошла в современную научную терминологию. Это преимущественно широко распространенная в народных говорах ботаническая, зоологическая, сельскохозяйственная, промысловая, строительная, медицинская, природоведческая, геологическая, музыкальная, математическая лексика (ажына, быльнік, варанец, верас, гарбуз, дзівасіл, дзяцеліна, аполак, верталіца, вушак, кроква, астача, велічыня, дужкі, дуга, задача и т.д.).

Таким образом, диалектная лексика явилась одним из существенных источников языкового материала в период становления белорусской научной терминологии.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УКРАИНСКО-
БЕЛОРУССКИХ ПОРУБЕЖНЫХ ГОВОРОВ

1. На украинско-белорусском языковом пограничье существует довольно широкая полоса смешанных, переходных говоров, определение генетической основы которых вызывает ряд затруднений. Для определения этой основы Е.Ф.Карский принимал во внимание только характер произношения рефлексов древних /e/, /и/, /i/ и расположенных перед ними согласных (см. Карский Е.Ф. К вопросу о разграничении русских наречий. – Труды Археологического съезда в Харькове 1902, т. П, М., 1905, с. 430–436). Согласно этому критерию белорусские в основе говоры характеризуются палатализацией согласных перед этими гласными (исключения составляют лишь отдельные слова типа сэрце, уздэчка и формы на –эй в некоторых местностях, как элэй, а украинские – отсутствием палатализации (см. Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 408–409). Руководствуясь данным критерием, Е.Ф.Карский определял и разграничительную линию между белорусским и украинскими языками (см. там же, с. 409–410; см. еще “Этнографическую карту белорусского племени”, приложенную к его работе Белорусы. Т.1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903; см. также: Дыалекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, с.Ш).

2. Дальнейшие исследования (см., напр., и “Диалектологическую карту русского языка в Европе. 1914”, составленную Н.Н.Дурново, Н.И.Соколовым и Д.И.Ушаковым), а также созданные диалектологические атласы белорусского и украинского языков смогли внести лишь незначительные коррективы в общие выводы Е.Ф.Карского, что говорит только в пользу критерия, выведенного им, который оказался весьма существенным, хотя, вполне понятно, и не совсем достаточным для решения данного вопроса. Необходимо, очевидно, и привлечение других признаков, служащих в качестве различительных черт между этими языками.

3. Из фонетических признаков говоров, расположенных на украинско-белорусском пограничье, которые свидетельствуют об их украинской генетической основе, необходимо в первую очередь иметь в виду такие, изоглоссы которых находят продолжение в украинской языковой области и отсутствуют в белорусской. К ним прежде всего

- относятся: 1) отсутствие дзеканья и цеканья – черта, которая теснейшим образом связана с критерием, выдвинутым Е.Ф.Карским;
- 2) наличие оканья соответственно белорусскому аканью, хотя в крайних северных левобережнополесских (восточнополесских) украинских говорах наличествует и аканье;
- 3) наличие гиперического оканья как результат отталкивания от аканья белорусских говоров;
- 4) наличие фонемы (и), которая реализуется в виде специфического звука переднего ряда высокого подъема с несколько обниженной артикуляцией в направлении к среднему подъему (и);
- 5) отсутствие фонемы (ы), которая, сблизившись с древней фонемой (i), дала специфически украинское новообразование – фонему (и) (см. предыдущий пункт);
- 6) наличие дифтонгов типа /yo/, /ya/, /yi/, /yі/ и др. или монофтонгов типа /y/, /yі/, /i/, /iі/ в позиции под ударением соответственно к былым удлиненным этимологическим /o/, /e/ в новообразованных закрытых слогах, которым в неударенной позиции обычно отвечают /o/, /e/ (имеется в виду известное специфически украинское чередование этимологических /o/, /e/ с другими звуками, в литературном языке с /i/);
- 7) специфическая рефлексия древнего /ъ/ в позиции под ударением как дифтонга /e/ или монофтонгов /i/, /iі/.

4. К упомянутым фонетическим чертам необходимо прибавить еще ряд морфологических, которые опять-таки имеют продолжение только в украинской языковой области. К ним в первую очередь нужно отнести: 1) возможность перенесения флексии -ові или -ови с родительного падежа на местный, что является среди восточнославянских специфически украинской чертой в направлении морфологической аналогии склоняемых слов;

2) наличие в местном падеже ед. числа имен прилагательных и местоимений форм, совпадающих с формами дат. пад. (на молодому, на тому и др.), что также является специфически украинской чертой.

3) наличие, особенно в западной части говоров, инфинитивов на -т от глагольных основ на гласный;

4) наличие твердого /т/ в окончании 3-го лица ед. и мн. числа настоящего и будущего времени (ходит, ход'ат), несут, принесут и др.);

5) употребление синтетических форм будущего времени типа ходитиму, розбитиму и др.

5. Очень важными являются также различия на синтаксическом

лексическом уровнях, но они, к сожалению, не могут быть в настоящее время определены со всей достоверностью из-за крайне-скудной их изученности.

ЖИЕ БЕЛСКУРСКАЯ (Минск)

РЕГИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕНАРОДНОЕ В ЛЕКСИКЕ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЯКУБА КОЛАСА

1. Диалектная лексика как часть общей лексической системы национального языка не изолирована от лексики общенародной, на-лится с нею в определенной связи, и установление характера этой связи — одна из важнейших задач науки о языке, способствующих глубже раскрыть специфику творчества того или иного писателя.

Интересный материал в этом отношении дает анализ лексики произведений Якуба Коласа, включенных в книгу "Другое читанне для дзяцей беларусаў" (Петербург, 1909). В произведениях, которые создавались в данный период творчества Якуба Коласа, "отразилось то письмо, тот стиль, который гнал дальнейшую эволюцию в его крупных эпических произведениях" (А.Каврус).

Книжка является важным источником исследования особенностей формирования и становления лексических средств современного белорусского литературного языка.

2. Лексика книги отличается разнообразием тематических пластов, отражающих жизнь и быт крестьян дореволюционной деревни. В составе этой лексики зафиксировано 420 слов (около 10% от всего количества), которые ретроспективно можно рассматривать как укороченно-диалектные (диалектные). Собственно диалектных слов в книге сравнительно немного, около 90: спорка, цёска, куцэзерка. Некоторые общенародные слова употребляются в своеобразном, необычном значении: палянкi "малодой сосновый лес", бруканаць "ворко-вать", разам "вдрут" и др.

Значительное количество общенародных слов употребляются автором в диалектном оформлении; это так называемые акцентологи-чески (хляпшы, таўсты, галуб и др.), фонетические (вазёры, гара-тай, вакно и др.), словообразовательные (слошь, жытэйка, узбачыў и др.) диалектизмы.

Все эти слова обозначают реалии быта крестьян, орудия и процессы сельскохозяйственного производства, называют атмосферные

явления, действия и процессы, некоторые отвлеченные понятия.

3. Употребляя разнообразный лексический материал, Якуб Колас стремился к выработке интердиалектной нормы. Об этом свидетельствует наличие в книге таких типичных для белорусского языка в целом общеизвестных слов, как прыпынак, поўдзень, маршчынышко, фігура, муканне, бульба, турма и др., при широком употреблении в его родном говоре узкоместных соответствий супынак, полудзень, маршчакі, сцякло, хвігура, рыканне, картофля, цюрма.

4. Региональный характер некоторых слов ощущался самим автором. В своей книге он использует разнообразные способы введения диалектной лексики в текст: способ непосредственного объяснения, способ графического выделения одновременно с объяснением, способ развернутого описания, аналитико-контекстуальный способ и др.

5. Причины употребления диалектных слов – их возможность “вписаться” в контекст, построенный на материале деревенской жизни, яркая стилистическая маркировка, с одной стороны, а с другой – этимологическая прозрачность, смысловая выразительность. Естественно, что при отсутствии стабильных литературных норм поиски выразительных средств для номинации узкорегionalных реалий, для создания местного колорита открывали пути проникновения диалектизмов в произведения художественной литературы. Художественная литература и в настоящее время остается одним из важнейших каналов, по которым диалектная лексика попадает в литературный язык.

Изучение диалектных слов в произведениях Якуба Коласа связывается, таким образом, с проблемой пополнения выразительных средств белорусского литературного языка.

6. Коласовские диалектизмы лишены в своей общей массе узкой локальной привязанности. Они зафиксированы в различных областных словарях. Некоторые из этих слов на протяжении долгого времени в белорусских лексикографических трудах квалифицировались как диалектные, однако постепенно приобрели статус общенародных и закрепились в ТСБЯ: палясоўшычк, борзда, борзды, проці, напроці і др., ТСБЯ впервые в практике белорусской нормативной лексики графически закрепили такие слова, употребленные Якубом Коласом в ранних произведениях, как мата, пала, прычытанне, аграмадны, рваны, вятрак, дзяржаць, радзіць, замыславата и др. также вошли в этот словарь, но с пометой разговорное.

7. Процесс перехода региональной лексики в слова общенарод-

славливается некоторым расширением ее функций, а также ином архаических языковых структур.

С.К.БЕРДНИК (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯКУБА КОЛАСА

1. Фразеология – одна из молодых областей белорусского языковедения. Как отдельная лингвистическая дисциплина она сложилась в последние 2–3 десятилетия. При разработке каждой новой проблемы в науке возникает необходимость в создании научной терминологии. Появилась и фразеологическая терминология, которая пока еще не всегда отличается точностью и однозначностью. Очень распространен в белорусском языковедении термин народная фразеология. Однако содержание его довольно невыразительно. Если конкретно исследовать языковой материал, то прежде всего возникает вопрос: что же включает в себя народная фразеология? Допустим тождество: общеупотребительные фразеологические единицы /ФЕ/ = народные ФЕ. Это тождество распадается, когда мы принимаем во внимание происхождение общеупотребительной фразеологии, куда включаются и многочисленные заимствования из других языков. Отсюда вытекает, что белорусская народная фразеология – это общеупотребительные ФЕ непосредственно белорусского происхождения, к которым примыкают региональные ФЕ. Поскольку термин народная фразеология не соответствует основным своим требованиям – однозначности и точности, мы считаем необходимым весь фразеологический запас белорусского языка строго дифференцировать на общенародные (общеупотребительные) ФЕ и региональные ФЕ. Безусловно, при таком разграничении будут возникать определенные трудности, которые обусловлены: а) историческими путями развития белорусского литературного языка; б) неизученностью вопроса.

2. ФЕ в языке художественной литературы и публицистики рассматриваются в основном в аспекте творческих приемов их стилистического использования. При этом ФЕ, употребленные в произведениях художественной литературы, почему-то принято считать общеупотребительными уже по той одной причине, что они использованы писателем и смысл их общепонятен. Бесспорно то, что региональные ФЕ, если они употребляются, занимают незначительное место в художественном произведении в сравнении с общенародными.

3. Глобальным признаком региональных ФЕ является ограниченность их употребления определенным регионом. В связи с этим языке художественной литературы региональные ФЕ реализуют семантику только в определенном контексте. В произведениях Я. Коласа нами зафиксированы два употребления ФЕ не ў яйцы пішчы со значением "о том, что представляет ценность; не мало". ФЕ возникла на основе образного переосмысления словосочетания ў яйцы пішчыць, которое в прямом значении связывалось с маленьким существом – птенцом, а в переносном – с чем-то небольшим, незначительным, мелким. В обоих случаях автор употребляет ФЕ не ў яйцы пішчыць, когда разговор идет о деньгах, что делает фразеологизм более понятным читателю. Например, в трилогии "На ростанях" Андрей Лабанович, получив за работу от инженера Блока десять рублей, рассуждает: "Прынізіў мяне кадэт, – разважаў Лабановіч, выходзячы з кіраўніцтва чыгунак, а на вуліцы сам сабе сказаў: – Дзесяць рублеў не ў яйцы пішчаць" (1X, 622 – по собранию сочинений в 12 томах). Семантика ФЕ руп і дзве ноздры круп также реализуется только в специально организованном контексте: – І многа ж ты зарабіў? – пачуў Лабановіч запытанне мешчаніна, адраславнага селяніну. Селянін уздыхнуў... і сур'эзна адказаў: – Руп і дзве ноздры круп (1X, 612). ФЕ имеет значение "очень мало, незначительно". В произведениях Якуба Коласа нами зафиксировано около ста региональных ФЕ. Вот еще некоторые из них: брод весці со значением "некачественно косить, оставляя траву"; зрэзаць спіну со значением "поставить банки"; пусціць жука со значением "выска – заться с хитростью, с намеком"; свяргатаць капусту і гарох со значением "говорить, болтать"; яго там пуп завязан со значением "место рождения, родные места"; завесці катрынку со значением "читать мораль, упрекать"; толькі стрыбалкі бурчаць со значением "быстро убежать" и другие. Широко представлены в творчестве народного поэта и региональные варианты общеупотребительных ФЕ. К региональным фразеологизмам примыкают жаргонные, появление которых в произведениях со словлено определенной ситуацией. ФЕ из тюремного жаргона встречаем в статьях, где Якуб Колас рассказывает о времени, проведенном в тюрьме, а также в трилогии "На ростанях", где разговор идет о тюремном заключении Лабановича. Это такие, как сядзець на маліне со значением "сидеть отдельно в тюрьме, чтобы быть охраняемым от других арестантов"; ставіць банкі со значением "бить деревянной ложкой по оттянутой коже живота"; падбіраць аў со значением "позванивать цепями"; заліваць кулі со значением "вра"

и другие. К жаргонным можно отнести также ФЕ из сленговой терминологии: мост класці – "не дать платной карты"; закладаць банк – "вносить определенную сумму денег для игры" и т.д.

4. Рассмотренный нами материал показывает, что региональные ФЕ имеют смысловую индивидуальность. Обладая общими с литературным языком категориальными признаками, некоторые из них отличаются характерными особенностями в структуре и грамматическом плане, в компонентном составе и т.д.

О. И. БЛИНОВА (Томск)

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Значительную часть региональных особенностей того или иного языка составляют лексика и фразеология. И не только потому, что лексико-фразеологический уровень языка характеризуется тысячами единиц, но и в силу своей внеязыковой обусловленности: в лексике и фразеологии находит отражение многовековая жизнь народа, его этнографические и социально-культурные явления. Поэтому лексика и фразеология представляют интерес как для лингвиста, так и для историка, этнографа, литературоведа.

2. Одним из источников изучения региональных особенностей языка является художественная литература, отражающая жизнь того или иного народа посредством языка, включая и его региональные черты. Региональные явления языка художники слова привлекают с различными целями: как одно из средств реалистического воспроизведения действительности, создания местного колорита, социально-речевой стилизации, речевого портрета и речевой характеристики крестьянских персонажей, как одно из средств лаконичности, экспрессивности, образности художественного повествования.

В изучении региональных элементов языка писателя до сих пор ведущим является стилистический аспект. Для решения же вопроса о правомерности использования художественного произведения как источника изучения региональных особенностей языка нужен углубленный источниковедческий анализ.

3. Необходимым этапом в изучении региональных особенностей словарного состава языка на базе художественного произведения является лексикографирование. Известно, что вопрос о языке художественного

венных произведений как источнике диалектной лексикографии принадлежит к числу дискуссионных, хотя лексикографы уже обращаются к данному источнику в качестве дополнительного (например, составители "Словаря русских говоров Среднего Урала" (Свердловск, 1964, т. 1; 1971, т. 2; 1981, т. 3) и некоторых других); особенно интересен опыт лексикографирования диалектных слов и фразеологизмов, извлеченных из произведений писателей-выходцев из Гомельщины, в издании "Народная лексика Гомельщины в фольклоре и мастацкай літаратуры. Слоўнік" (Пад рэд. У.В.Анічэнка. (Мн., 1983), включившего около 3500 единиц (!).

Источниковедческий анализ языка художественных произведений как базы для диалектной лексикографии призван выявить достоинства и недостатки данного источника, степень его достоверности.

3.1. На значительном материале выяснено, что язык художественного произведения представляет собой один из важных источников диалектной лексикографии. Достоинства этого источника определяются следующим: 1) богатством лексико-фразеологических единиц местных говоров. Так, в двух повестях В.Астафьева "Последний поклон" и "Царь-рыба" - Т.М.Черняевой выявлено свыше 600 диалектных слов и выражений; в четырех произведениях И.З.Елагчева - "Остров", "Моя Воронина пашня", "Сказ о двух охотниках", "Бга" - Н.Н.Ивановой обнаружено более 400 областных единиц; весьма красноречива в этом плане и вышеприведенная цифра из словаря "Народная лексика Гомельщины..."; 2) новизной лексико-фразеологического областного материала; отдельные художественные произведения поставляют лексикографам до 20% и более ранее не зафиксированного в областных словарях материала, как правило, за счет слов таких лексико-грамматических разрядов, как глаголы, прилагательные, наречия, за счет слов эмоционально-экспрессивной, сленговой лексики, сбор которых затруднен в условиях ограниченного пребывания в диалектологических экспедициях; 3) дополнительными данными, позволяющими пополнить сведения о вариантных функциях областных слов, их дублетах, дериватах, об ареальных характеристиках ранее лексикографированных слов, которые подтверждаются, либо уточняются, либо дополняются и т.д.

3.2. Недостатки анализируемого источника заключаются в том, что язык художественного произведения, как правило, не дает возможности выявить такие важные характеристики слова, как акцент его парадигму, иногда родовую принадлежность, а в произведениях не "ориентированных" на определенную местность, и ареальную ха-

рактистику; имеется опасность смешения регионализмов с индивидуально-авторскими образованиями.

4. Степень достоверности языка художественного произведения как источника диалектной лексикографии корректируется такими факторами, как тема произведения, творческий метод писателя, его биография, целенаправленность использования диалектизмов для тех или иных художественных задач, внимание к региональным элементам языка, находящее свое выражение в приемах подачи диалектизмов (курсивом, в разрядке, в кавычках и т.д.), в способах их семантизации (толкование посредством литературного эквивалента, энциклопедического типа и т.д.), в разного рода примечаниях и рассуждениях.

Степень достоверности извлеченных из языка художественного произведения диалектных слов и выражений может быть определена и подтверждена соответствием (несоответствием) фонетико-морфологических явлений диалекта в речи крестьянских персонажей, обращением к другим источникам — словарям, другим художественным произведениям, к автору, к этнографической и специальной литературе, наконец, уточнением в очередных диалектологических экспедициях в соответствующий регион страны.

5. Разные жанры художественных произведений — проза, драма, поэзия — обладают разными информативными возможностями.

В.А.БОБРИК (Гомель)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ЯНКИ КУПАЛЫ

Поэтическое словотворчество народного поэта Янки Купалы сочетает в себе общелитературные, народно-поэтические и региональные элементы. Значительное место в словаре Купалы занимают не только лексические, но и семантические неологизмы — слова, существующие в языке, но употребляемые автором в определенном контексте со значением или оттенком значения, не являющимися узусальными. Семантические индивидуально-авторские неологизмы видострируют лексические единицы в переносных метафорических значениях. Метафорические переносы наименований основываются на сходстве различных признаков обозначаемых ими реалий.

Среди лексем, которые приобрели в языке Купалы новые значения, наиболее употребительными являются существительные. Так, в "Толковом словаре белорусского языка" лексема лёс зафиксирована в следующих значениях: "стечение обстоятельств", "доля", "условие дальнейшего существования, будущность". Все значения этого существительного поэт реализует в своих произведениях, но, кроме того, обнаруживается новый дополнительный оттенок "жребий". Аж тут кажа камандзір наш кінуць жэрабя ўсім нам... Вось мы лёсы пацягнулі. Ах, каб цёмны на іх вір! Гэй, гэі, лёсы, лёсы.

У существительного лёх, употребляющегося в современном белорусском литературном языке в значениях "склеп, подземелье"; "подземный ход", развились повсе переносное значение "заточение, тюрьма". Кавалі яго (Шаўчэнку), як звяра, ланцугамі і кідалі ў лёхі, каб згінуў, не жыў. Приведенные примеры показывают, что новые значения слова развивают на основе переноса по ассоциации, общности эмоциональных восприятий.

Некоторые семантические неологизмы в определенном контексте часто приобретают шутливую эмоциональную окраску. Существительное латы "металлические доспехи, броня, защищающая от холодного оружия" употреблено Купалой в переносном значении "наружное покрытие тела животного". Кіўнула з іх (п'явак) адна лгнату, Як ёсць уся ў бліскучых латах. В этом случае перенос названия осуществляется на основе внешнего сходства реалий, когда наружное покрытие животного сравнивается с металлическими доспехами на основе признака "блестящий".

Широко употребляется в языке поэта слово кветка "часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками, и являющаяся органом размножения"; "растение (трава), имеющее органами размножения цветки". В поэтическом языке на основе внешнего, зрительного восприятия реалий оно приобрело новый оттенок "ласкательное отношение к ребенку". Спі, засні, мая дзетка, Птушкі ўжо заснулі, Спі, засні, мая кветка. В поэтических купаловских текстах выявлено расширение семантического объема у существительного вуж с основным значением "одна из неядовитых змей семейства ползучих". Качественная характеристика человеку дается в сравнении с пресмыкающимися. Так, блудзяці, валіцца ў сеткі, Расстаўленыя спатайка, 1 сілаў не раз апаслякі Ссуць п'яўкі, вужы з бедака. Существительное вочка в современном белорусском литературном языке имеет несколько значений, но в языке Купалы благодаря умелому авторскому употреблению и соче-

танию его с другими словами развилось в нем значение "звезда". Перенос наименования осуществляется на основе сходства предметов по форме, размеру. 1 галубіць шлях бледны (млечны шлях) зямлю існавідай, Сочыць вочак мільёнамі долю людскую. Семантические новообразования в языке Купалы формируются в результате переносов на основе общности функционального назначения предметов. Дзе-нідзе глянула нясмелая Пралеска вочкамі на божы двор.

Лексема ключ в белорусском нормативном языке имеет значение "металлический стержень особой формы для отпирания и заперания замка"; "приспособление для отвинчивания или завинчивания гаек, откупоривания, завода чего-нибудь"; "перен. то, что служит для разгадки, ловимания чего-нибудь"; "наиболее важное в военных отношениях место, овладение которым открывает доступ куда-нибудь, обеспечивает победу"; " спец. выключатель для быстрого замыкания и разрыва цепи передатчика при телеграфной и радиотелеграфной связи"; "знак в начале потной строки, определяющий значение пот"; "верхний камень, замыкающий свод сооружения"; "стая птиц, летящих клином". В купаловском поэтическом тексте образно употреблено первое ее значение: Ой, брала вясна ў сонца ключы, Алчынала сырую зямельку.

Таким образом, семантический объем многих лексических единиц расширился в языке Купалы за счет метафорических переносов по сходству внешних признаков, функций реальных, а также образного, ассоциативного сравнения предметов. Эти лексемы способствуют увеличению семантических ресурсов белорусского языка, его качественного развития в определенные периоды его истории, а также обогащению образных средств, которые достойны занять надлежащее место в словарной системе нашего нормативного языка.

С.В.БГОМЛЕЙ (Москва)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИХ РАЗВИТИЯ

1. Известно, что восточнославянские языки очень близки по своему строю. Но существенно, что даже то особенное, что каждому из них свойственно, зачастую в качестве диалектных черт проявляется в других (одном или двух) языках, иногда в виде небольших ареалов, но в части случаев также и в виде значительных тер-

риториальных массивов (ср. оканье и аканье – явления, противопоставляющие соответственно украинский и белорусский языки и в то же время являющиеся одной из существенных черт, которыми различаются два основных наречия русского языка – северное и южное).

Эта особенность в членении восточнославянского языкового пространства связана со спецификой его истории, с тем, что процессы, приведшие к образованию отдельных восточнославянских языков, были во времени близко связаны с теми, которые обусловили их диалектное членение. Неудивительно поэтому, что в разных частях восточнославянской территории можно наблюдать явления, обусловленные общностью элементов языкового строя и их организации, а также одинаковой направленностью потенциалов его развития.

3. Поиск общих закономерностей, связывающих разные регионы восточнославянской территории, приводит к существенности разного соотношения в них черт вокальности и консонантности.

4. Значительная степень вокальности как черта, искони свойственная древнерусскому языку, обуславливает общность многих архаических региональных черт современных восточнославянских языков, часть которых возникла в эпоху диалектного членения восточнославянской территории той поры, которая предшествовала обособлению отдельных восточнославянских языков.

В докладе рассматриваются некоторые явления исторической фонетики и современные фонетические закономерности, которые объединены в своем происхождении высокой степенью вокальности, сохраняющейся в территориально друг от друга оторванных регионах восточнославянского мира (в разных его языках) и поныне.

5. Процессы консонантизации строя восточнославянских языков, неравномерно реализующиеся на разных частях территории их распространения, наиболее активно проявляются в центральных говорах русского языка. Охватывая и говоры, легшие в основу русского литературного языка, тенденция к консонантизации получила на русской почве в современной языковой ситуации мощную поддержку внеязыковых факторов для своего распространения.

Эта тенденция менее активно, но все же достаточно существенно проявляется и в пределах двух других восточнославянских языков, формируя явления, составляющие лингвистическую оппозицию тем, которые связаны с сохранением традиционных черт вокальности.

6. Различия по признаку вокальность–консонантность, которые

Четливо обнаруживаются в строении восточнославянских языковых систем, могут служить критерием их типологического сопоставления и быть тем самым включены в общую шкалу типологических различий славянских языков по этому признаку.

И. А. БУКРИНСКАЯ (Москва)

НАЗВАНИЯ РАДУГИ В РУССКИХ ГОВОРАХ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

1. Названиям радуги в различных славянских языках посвящено большое количество исследований. Вопрос о названиях радуги был включен во многие национальные атласы и в Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. Обобщающей весь накопленный славянский материал по этому вопросу является статья Н. И. Волстого "Из географии славянских слов: "радуга" (см. ОЛА. Материалы и исследования. М., 1976).

2. Материалы Диалектологического атласа русского языка, на основе которых составлена соответствующая карта по этому вопросу в разделе "Лексика", могут внести свой вклад в сумму уже накопленных знаний, а также определить лингвогеографическую специфику русских названий радуги.

3. Особенностью русского ареала является довольно слабая лингвогеографическая противопоставленность названий, разорванность четкость ареалов. Почти повсеместно распространено слово радуга (варианты: радуга, радуга, радуга), во многих говорах оно существует с каким-либо другим названием. Архаическое, по мнению многих ученых, название дуга отмечается в отдельных говорах (при сосуществовании с радугой) по всей территории атласа, лишь на самом северо-востоке, в Архангельской области, данное название образует небольшой ареал. Как известно, архангельские говоры являются архаичными по многим диалектным признакам. В этих же говорах единично отмечены составные названия: богова дуга, божья дуга.

Название райдуга (и его варианты райдуга, райдуга, рай-дуга, дуга-рай) образуют несколько ареалов, не локализующихся четко в пределах какой-либо группы говоров. Самый большой ареал находится в северо-западной диалектной зоне, небольшие ареалы — в Костромской, Орловской, Брянской, Воронежской, Белгородской обл., т.е. в основном, на периферии территории атласа. В говорах,

где оно распространено, данные названия, как правило, являются единственными.

От корня рад- отмечены еще названия: *ра́да*, *ра́лива*, *ра́дова*, *ра́довица*, *ра́дуга*, *ра́дуга* (возможно фонетическое объяснение последних двух слов). Данные названия встречаются в отдельных населенных пунктах, а иногда образуют небольшие ареалы на территории восточных говоров.

Интересным, специфически русским является название *ладуга* образующее небольшой ареал в Вологодской обл., которое могло возникнуть на базе фонетической близости сонорных (р-л) в данном говоре, связанной с высокой степенью их вокализованности. Вероятно также народно-этимологическое сближение с корнем *лад*.

Названия с корнем *весел-* представлены двумя лексемами: *весе́лка*, *веселуха*, образующими небольшие ареалы в Смоленской и Брянской обл. (при сосуществовании с названием *радуга*).

Небольшой ареал в Воронежской обл. образует название *грабница* (*грабничка*), не отмечавшееся ранее. Этимология его не ясна, возможно, оно связано с глаголом *грабаться* "лезть, взбираться, да-либо" (СРНГ).

5. Характерной чертой русского ареала названий радуги является обилие сложных наименований, занимающих значительную территорию. Названия *дуга-радуга* (восточные среднерусские говоры), *радуга-дуга* (северо-восточная диалектная зона) распространены одинаково широко, образуют многочисленные равные, иногда перекрывающиеся ареалы. Небольшими ареалами на тех территориях распространены названия: *дуга́-ра́да*, *ра́да-дуга́*, *ра́дова-дуга́*, *дуга́-ра́дла́дуга-дуга́*, *дугора́дуга*; отмечены в отдельных населенных пунктах: *дуга́-дугари́ца*, *дугора́*, *ра́д-дуга́*, *ра́дуга́*, *га́рдуга́*, *дуга́-ра́вдуга*, *га́-ра́дужка*.

6. Названия, так или иначе связанные с народными поверьями о радуге, в русских говорах встречаются единично и при сосуществовании с другими названиями. Это - *зна́мя*, *знаме́нье*, *бо́гова дорóжка*, *дорóга*, *волосóс*, *коромы́сло*, *струя́*, *мо́рок*, *бо́лаки*, *смо́ло* ("коровье вымя" - В. Даль).

7. Лингвогеографический анализ русских названий радуги в сопоставлении с данными других славянских языков позволит уточнить этимологию и степень архаичности некоторых из них. Например, распространение названия *ра́йдуга* в северо-западной диалектной зоне может свидетельствовать о его сравнительно древности. В целом названия с корнем *рай-* характерны для западных территорий; на

не почти не встречаются сложные наименования. Они в основном распространены на востоке, на территории бывших Ростово-хмельских земель. Некоторые из сложных названий, вероятно, образованы путем вторичной этимологизации.

А.Н.БУЛЫКО(Минск)

ОДНОЗНАЧНЫЕ И МНОГОЗНАЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ХІУ–ХУШ в.в.

Заимствование иноязычной лексики было одним из наиболее действенных способов обогащения словарного состава белорусского языка на протяжении его многовекового развития. В процессе его многие неизвестные ранее лексические средства, вызванные нуждами номинации, пополняли ассортимент наименований реалий и понятий старобелорусской административно-государственной, юридической, военной, социально-экономической, профессионально-производственной, научной сфер и предметов быта. В результате заимствованные слова образовали в лексической системе белорусского языка ХІУ–ХУШ в.в. довольно крупный слой – около 4000 самостоятельных словарных единиц, связанных происхождением более чем с десятком языков.

С точки зрения семантической структуры большая часть заимствований старобелорусского периода представляла собой однозначные лексические единицы. Это объясняется как проявлением общих закономерностей семантического освоения иноязычных слов языком-рецептором, так и специфическими особенностями лексико-семантических систем языков-источников и языков-посредников, из которых белорусский язык брал новые лексические средства.

В числе старобелорусских однозначных заимствований прежде всего необходимо отметить ряд слов, которые были однозначными уже в языках-источниках и в этих значениях перешли в белорусский язык. Как правило, они имеют узко специальный терминологический характер или являются наименованиями конкретных реалий и тесно закреплены за конкретными функциональными сферами. Образцом могут служить многие научные и литературно-искусствоведческие термины (вершь, грамматика, елиграма, капелла, концерт, лютня, ортокграфия, химия), наименования лиц по профессии, специальности, роду занятий (дойлидь, кухарь, муляр, рымарь, слесарь, столляр, фурмань), а также названия конкретных предметов и орудий

труда (виделець, зедель, кноть, ковадло, лихтарь, торба, шуфляда), одежды (жупань, капелюшь, каптурь, кафтань, колнерь, кутась, пончоха), животных (делфинь, индыкь, кобань, леспардъ, малпа, пелікань, шпак), растений (гарбузь, кминь, лилия, пальма, салата, фиалка, цыбуля) и т.д.

Не менее многочисленными представляются и однозначные заимствования, происходящие из многозначных иноязычных лексем. Дело в том, что иноязычные слова, проникая в язык-рецептор, обычно подпадают под общую закономерность их семантического освоения. Последняя же проявляется в том, что они в большинстве случаев отрываются от широкого круга значений, свойственных им в родном языке, и закрепляются в одном специфическом значении. Примерами подобного упрощения семантической структуры иноязычных слов в старобелорусском языке могут служить многие латинизмы типа авторь, апаратъ, аргументь, дефектъ, кондиция, традиция или германизмы вроде гербь, кгрунтъ, моркгъ, труна, фальшь, фрасунокъ, заимствованные непосредственно и через посредничество польского языка, ср. ст.-бел. авторь "автор, творец, изобретатель" $\angle$ лат. **auctor** "автор, творец, изобретатель, основатель, виновник, защитник, борец, свидетель, советник, авторитетный источник, руководитель и др."; ст.-бел. кгрунтъ "земля, основание, земельная собственность" $\angle$ с.-в.-н **grund** "дно, почва, земля, земельная собственность, участок земли, долина, ложбина, глубина, фон, фундамент, основание, причина".

В то же время на первом этапе усвоения заимствований возможны случаи их закрепления в нескольких значениях, являющихся звеньями семантической структуры этих слов в языках-источниках. В отношении к старобелорусскому языку можно утверждать, что в нем среди лексем такого типа обычно преобладают двузначные единицы, заимствованные, как правило, из развитых европейских языков, в том числе латинизмы (бурса "бурса", "компания, артель", докторь "ученый богослов", "доктор, лекарь", кадукъ "эпилепсия", "выморочное право", трактъ "дорога", "беседа", форма "форма, облик", "деталь печатного станка"), германизмы (барва "цвет", "либрея", спижа "провиант", "бронза", трибь "порядок, обычай", "просека", шнурь "шнур, полоса земли", шрють "дробь", "кусочек мяса"), полонизмы (жродло "источник", "начало", колыбка "колыбель", "каре́та", пахолокь "слуга", "солдат", рокь "год", "срок", члонокъ "член, конечность", "параграф"), слова чешского происхождения (пушка "пушка", "коробка").

Лексические заимствования с более широким семантическим диапазоном занимали в старобелорусском словаре менее заметное место и своим происхождением были связаны с довольно узким кругом языков. Среди них отмечаются полонизмы (баранокъ "молодой баран", "овчина", "символическое имя Иисуса Христа", "медальон с фигурой ягненка", важити "весить, иметь вес", "звешивать", иметь значение, "ценить", "иметь намерение, посягать", рожай "вид, сорт", "род", "пол"), а также заимствованные через польское посредничество слова немецкого происхождения (бунть "мятеж, бунт", "толпа", "связка", вага "вес", "весы", "система взвешивания", "завятка весовщика", "пошлина за взвешивание", "важность", "часовая ирия", мистрь "правитель", "учитель", "палач") и латинизмы (кграить "минерал гранат", "плод гравата", "темно-синяя ткань", титуль "заглавие, название", "надпись", "титул", "звание", характер "характер, нрав", "знак, черта", "способ письма", "почерк").

Количественный перевес однозначной заимствованной лексики над многозначной сохранялся в словарном составе старобелорусского языка постоянно. Однако не мог быть неизменным семантический объем отдельных слов. Семантические сдвиги находились в прямой зависимости от коммуникативных нужд белорусского населения.

Н.И. ВАСИЛЮК (Брест)

НАЗВАНИЯ БОЛОТ В ГОВОРАХ БРЕСТЧИНЫ

Предметом нашего исследования является материал, собранный путем полевых записей в 1982-1983 годах на территории Брестского, Жабинковского, Малоритского, Каменецкого, Ивановского, Березовского районов Брестской области.

Все зафиксированные здесь названия болот можно разделить на несколько семантических групп: 1) общие названия болот; 2) названия топких, непроходимых болот; 3) названия кочковатых болот; 4) моховых болот; 5) болот, заросших кустарником и другими видами растительности; 6) торфяных болот; 7) горелых болот.

В качестве общего названия болот на всей территории употребляется лексема болото (булото), которая в брестско-пинских говорах является многозначной и называет не только болото вообще, но и низкую, незначительно заболоченную местность, и вязкую дорогу после дождя - любое грязное место. Болота небольших разме-

ров обычно называют деминутивными формами этой лексемы: болотцэ (Черни Брестского), бульщэ (Бульково Жабинковского), болуцэ (Коренная Ивацевичского), болытэчко (Яковчицы Жабинковского), или ее дериватами: прыболоте, заболоте (Гвоздь Каменецкого), заболоть (Смуга Брестского), забулыткі (Войская Каменецкого), подбулотте (Малечь Березовского). Эти слова употребляются и как микротопонимы.

Для наименования заболоченных низин используются существительные долина (Дедовичи Ивановского), поплаво (Застаринье Барановичского), смуга (Тышковичи Ивановского), прилагательные гразкэ (Коренная Ивацевичского), нызьке (Скопи Брестского) и словосочетание луговое болото (Кривляны Жабинковского).

Названия топких, непроходимых болот очень разнообразны по образованию. Это белорусское литературное слово дрыгва (Залесье Кобринского), разные фонетические варианты русских наименований – трясина (трасына) (Черни Брестского), трэсіна (Каменюки Каменецкого), его дериваты трасянына (Тумин Каменецкого), трыслэвына (Новоселки Каменецкого). Очень распространенным названием топких болот на Брестчине является слово багно (Ляховны Малоритского) и его грамматико-фонетические варианты багна (Минки Березовского), багнэ (Харсы Брестского), багма (Ляховичи Дрогиченского), часто употребляется слово прорва (прурва) "непроходимое болото с окнами воды" (Мухавец Брестского), реже – плав "заболоченная местность возле реки" (Новый Двор Пинского), тягва "засасывающее болото" (Вулька Заставская Брестского), провалле (Одрижин Ивановского), отока (Малые Шитники Брестского) – в других местностях это слово употребляется со значением "остров" или как гидрологический термин "глубокий рукав реки или озера".

Гнилые болота называются словами гныльща (Спорово Березовского), гнылуха (Ставы Каменецкого); болота, которые поднимаются, "дышат", – вздымки (Запруды Кобринского), здымки (Перелумье Жабинковского), болота с непроточной водой – стыло (Бушмичи Каменецкого), стыгля (Комаровка Брестского), локно (Тышковичи Ивановского).

Со значением "кочковатое болото" употребляются апеллятивы с корневой морфемой куп-: купына́ (Дубовое Каменецкого), кúпына (Леницкий поселок Жабинковского), купы́на (Рудавец Брестского), куп'е (Бармуты Березовского), куп'ё (Семино Ивацевичского), куп'я́нне (Алексеевичи Дрогиченского), купы́нне (Осовцы Дрогиченского).

Названия моховых болот соотносятся с лексемами мох, омха, мшарына: мох (Теляки Жабинковского), моховник (Яковчицы Жабинковского), мшарык (Минки Березовского), омх (Микашевичи Лунинецкого).

Лесистые болота обычно называются словами, в основе которых лежат названия зарослей, кустарников и отдельных пород деревьев, растущих на этих болотах: лузына (Знаменка Брестского), хмызняк (Сомини Ивацевичского), хмэз (Харсы Брестского), заросля (Новый Двор Пинского), корчі (Одрижин Ива́новского), ольхівка, сосныўка "болота с ольховым или сосновым редколесьем (Лышкы Кобринского), бырэзына (Козловичи Брестского).

Болото, заросшее ольхой, на Брестчине называют еще гаем (Дубовое Каменецкого), альсом (Цна Лунинецкого), один раз в этом значении зафиксированы лексемы гулёса (Масевичи Малоритского) и трыбыза (Новоселки Каменецкого). Такую же семантику в некоторых говорах имеет термин погонь (Озяты Жабинковского), однако чаще он употребляется как название заболоченного луга (Яковчицы Жабинковского). С таким же значением засвидетельствована эта лексема на Дрогичинщине Ф.Д.Климчуком.

Торфяные болота повсеместно называют словом торфянык (торфи́к, торпянык), а также словами торфяне́ско (Ляховцы Малоритского), торфовы́ско (Дубовое Каменецкого). Так называют и осушенные торфяные болота.

Названия горелых болот образованы от корней гар-, жар-, пал-, смал-: выгор (Синкевичи Лунинецкого), выгарыны (Осовцы Дрогиченского), згарэнь (Масевичи Малоритского), згарыско (Логиншии Пинского), выжарышча (Новоселки Каменецкого), выжар (Клейшики Брестского), выпалянка (Черни Брестского), смаляне (Куршица Малая Брестского). Такие лексемы широко представлены и в микротопонимии Брестской области. Часто даже трудно отличить, где общий термин, а где — микротопоним.

Г.Ф.ВЕШТОРТ (Минск)

МЕСТО ДИАЛЕКТИКОЙ ЛЕКСИКИ В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

Белорусский литературный язык в период своего становления и нормализации активно впитывал и впитывает в себя лексические элементы местных диалектов. Это нашло свое отражение и в языке

художественной литературы и в лексикографических работах. Диалектная лексика – источник обогащения литературного языка новыми номинациями, стилистическими синонимами, экспрессивно-эмоциональными словами и выражениями. Пополнение словарного состава литературного языка проходит в основном через язык художественной литературы. Слова диалектного происхождения используются для характеристики особенностей областной речи действующих лиц, для точного описания специфических особенностей местной жизни, для усиления художественной выразительности и т.д. Будучи употребленным в языке художественного произведения, диалектное слово сохраняет свой местный колорит и остается только фактом языка художественной литературы. Диалектизмы, имеющие значительную территорию распространения и употребляющиеся в источниках словаря, имеют “тенденцию к вхождению в литературный язык” и фиксируются толковыми нормативными словарями. Неоднократное использование многими авторами, многоцветная обработка в творческих лабораториях писателей может привести их в систему литературного языка.

Вопрос о правах вхождения диалектной лексики в толковые словари неоднократно дискутировался. Отмечалось, что “белорусские нормативные словари недостаточно полно отражают современный лексический состав белорусского языка” (В.В.Аниченко, Д.А.Леонченко). С другой стороны, “основное назначение деятельности лингвистов языковедческих учреждений заключается в том, чтобы поддерживать стабилизацию литературного языка” (А.И.Журавский). Нормативный характер словаря достигается многими его параметрами, в том числе и системой стилистических помет. В русской лексикографии слова диалектного происхождения маркируются пометой обл., в Словаре польского языка наряду с пометой *regionalne* для слов, ограниченных территориально, употребляется помета *gwarowe* для слов, обозначающих реалии сельского быта. Составители Голковского словаря белорусского языка (далее ТСБМ) использовали в этом отношении опыт толковых словарей русского языка. Давать в нормативном толковом словаре подряд все обнаруженные диалектизмы невозможно, да в этом и нет надобности, особенно в то время, когда успешно решаются задачи составления диалектных словарей. В словник ТСБМ включались только те из диалектизмов, которые стали своеобразным приобретением нашей литературы и встречаются в произведениях нескольких известных авторов. Те из диалектизмов, которые сравнительно редко встречаются в литературных источниках

имеют достаточного употребления в устной разновидности литературного языка, как и диалектные варианты общелитературных слов с местными фонетическими чертами, остались за реестром нормативного словаря.

Диалектная лексика, включенная в ТСБМ, разнообразна по семантическому содержанию и функционально-стилистическим признакам. В ней могут быть выделены:

- а) названия тех этнографических реалий и понятий, которые не имеют параллелей в литературном языке (бомала, кломя, кука, латушка, подплетка, прытыка, путра, рулі, ступак);
- б) синонимы к литературным соответствиям с дополнительными семантическими признаками (варэйка "глиняный горшок", каліта "походная сумка", карчук "небольшой корч", раліна "один большой сук", скарач "полотенце с длинными кистями");
- в) номинативы, которым нет однословного эквивалента в литературном языке (алёс "низкий заливной луг", віша "трава, оставшаяся на зиму нескошенной", кашар "тот, кто плетет коши", кволіцца "жаловаться на нездоровье", луща "молодые липы", раёк "радужная обочка");
- г) территориальные синонимы к общепринятым литературным наименованиям (асвер, варыўня, гарышча, ёмка, касаўё, качур, полуднік, агач, скачка);
- д) номинативная лексика отвлеченного значения (ашука, даўніца, пространь, роўніца, рызыка, сутонец, сцішны);
- е) экспрессивно-эмоциональная лексика (варушкі, вымерхацца, калыбаць, лотра, сербануць).

По отношению к нормам современного литературного языка диалектные слова в ТСБМ делятся на лексико-фонетические (гаплік, іхны, подпірка, рожа, скрыгітаць, сяродак, тагды), лексико-словообразовательные (ашука, воддалек, грызь, дашак, карчагаваты, куткавы, пужальна, пячайка, соснік), лексические (асвер, варыўня, гайня, гзымс, куліда, пелька, ровар, тырса), семантические (бухта "глубокое место в реке", імпэт "запах, дух", патрава "кушанье", пячора "нора", разак "пила", стругаць "чистить картофель"). Принципы толкования областных слов не могут быть одинаковыми для всех разрядов диалектизмов. Фонетические и словообразовательные регионализмы всегда имеют дефиницию в виде литературного синонима-перевода. Такую же дефиницию могут иметь и лексические диалектизмы, имеющие точные семантические эквиваленты в литературном языке. Некоторые лексические и лексикословообразовательные

диалектизмы не имеют литературных соответствий. В особенности это касается терминологических названий хозяйственных построек, приспособлений, кушаний и т.п. Такие слова в ТСБМ сопровождаются соответствующими самостоятельными толкованиями, часто включающими в себя сведения энциклопедического характера. "Толкование в этом случае неизбежно переходит от определения значений слова к раскрытию идей, понятий, к описанию предметов и явлений" (Ф.П.Сороколетов).

История развития языка показывает, что отношения диалектных и литературных слов не остаются неизменными. Многие слова, ранее принадлежавшие отдельным говорам белорусского языка, введены в ТСБМ без всяких ограничительных помет или отнесены к разговорному пласту лексики (борзды "быстрый", пруткі "быстрый, скорый", галас "крик, гам", гожи "красивый", праставаць "идти прямо", прастарэкаваць "рассуждать"). Некоторые слова, квалифицированные в Белорусско-русском словаре 1963 года как областные, через 20 лет в ТСБМ уже отнесены к общеизвестной лексике или маркированы как разговорные (галянасты, дашчанік, гламазда, гурма, дзівавацца, каляны). Те областные слова из Белорусско-русского словаря, у которых "вхождение" в литературный язык не состоялось, исключены из словника ТСБМ (гагавіца, гайно, гавэндзіць, густаваць, дзейкі, дзейкаць).

А.В.ВЛАСОВ (Гомель)

К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАНТНОСТИ И НОРМАТИВНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Вариантность, понимаемая как универсальное свойство языка, предполагает наличие различных типов отношений между языковыми единицами: условной и формальной эквивалентности, корреляции (Э.В.Кузнецова) и др. По мнению большинства ученых-лингвистов, вариантность в терминологии относится к негативным явлениям. Однако для употребления терминов в целом характерна гораздо большая, чем для общелитературного словоупотребления, вариантность форм (В.П.Даниленко, Л.И.Скворцов).

Наиболее актуальной с точки зрения нормы является проблема лексической вариантности терминов лингвистики. В докладе рассматриваются около 120 пар лингвистических терминов, находящихся в отношениях условной эквивалентности. Материалом для анализа по-

служили термины, извлеченные из "Предметных указателей" "Русской грамматики" (М., 1982).

Как показывают наблюдения, многие лингвистические термины в русском языке являются дублетными, поэтому в сфере функционирования встает проблема выбора варианта. Например, коррелятом к термину спрягаемые формы глагола является термин неспрягаемые формы глагола; в "РГ-82" в качестве доминирующего использован, однако, термин атрибутивные формы глагола, а неспрягаемые формы глагола приведен в качестве условного эквивалента, в то время как вариант предикативные формы глагола является условным эквивалентом к термину спрягаемые формы глагола.

Несовершенной с точки зрения нормы употребительности служит и такая фраза в "РГ-82": "Формы, образующие парадигму глагола, делятся на три группы: 1) спрягаемые (или предикативные) формы..; 2) инфинитив (или неопределенная форма глагола)..; 3) причастия и деепричастия (или атрибутивные формы глагола)..;

В лингвистической терминологии можно выделить несколько групп оппозиции, в которых термины вступают в отношения условной эквивалентности: а) к родному термину в качестве условного эквивалента выступает заимствованный или образованный на его основе: завершительный - комплективный, изъявительное наклонение - индикатив, обратная обусловленность - обратная мотивация, отрицание - негация, распределительный - дистрибутивный, сравнительная степень - компаратив; б) к родному термину - родной (своеязычный) термин: двустороннее соотношение частей - взаимонаправленное соотношение частей, исходная форма - словарная форма, местоименные слова - указательные слова, неотрицание - утверждение, порядковые прилагательные - счетные прилагательные, простые союзы - однословные союзы; в) к заимствованному или образованному на его основе термину - родной термин: абстрактные существительные - отвлеченные существительные, адвербиальное значение - наречное значение, атрибутивная форма - неспрягаемая форма, инфинитив - неопределенная форма глагола, опорный компонент - опорное слово; г) к заимствованному или образованному на его основе - заимствованный или образованный на его основе: каузативные глаголы - фактитивные глаголы, конкретизирующая роль контекста - дифференцирующая роль контекста. Отдельные заимствованные термины не имеют вариантов или потенциальные лексические варианты их крайне ограничены в употреблении, ср.: адъективное значение причастия, но адъективное склонение и прилагательное склонение, последний

употребляется очень редко.

Встречаются неоднословные лингвистические термины, у которых каждый компонент имеет по два и более вариантов, напр., указательные (соотносительные) слова (корреляты, определители), а также однословные, имеющие до четырех вариантов основного знака: общность – сходство, соответствие, согласованность, синхронность; повторяемость – неоднократность, регулярность, обычность, узувальность.

Проблема выбора варианта термина сводится к проблеме выбора наиболее употребительной лексики, причем нередко употребительными с точки зрения нормы оказываются оба термина, находившихся в отношении условной эквивалентности, ср.: вводные слова – модальные слова и модальные слова – вводные слова.

Т.М.ВОЗНИЙ (Львов)

РЕГИОНАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В современных восточнославянских языках наиболее продуктивными являются деадъективные глаголы с суффиксами *-и-*, *-і-* (*-ы-*), менее продуктивными с аффиксами *-ну-*, *-а-* (*-'а-*), *-ува-* (*-'ува-*), русск. *-'ова-*, бел. *-ава-* (*-'ава-*). Глаголов с аффиксом *-а-* (*-'а-*), мотивированных прилагательными, наиболее в современном украинском языке, меньше в русском и белорусском. Это объясняется тем, что в современном украинском языке насчитывается более 120 глаголов с аффиксом *-а-*, мотивированных прилагательными сравнительной степени с аффиксом *-іш-*: *білішати*, *багатішати*, *білішати*, *зеленішати*. В украинском языке функционируют параллельные формы сравнительной степени прилагательных, мотивирующие параллельные формы глаголов, одна из которых обычно является литературной, а другая – разговорной или диалектной. Например: *багатішати* и *багатшати*, *молодішати* и *молодшати*, *слабішати* и *слабшати*. Образования на *-а(ти)*, мотивированным прилагательными сравнительной степени, в русском, а частично и в белорусском языках соответствуют дериваты с аффиксом *-е-* (*-э*), словосочетания с глаголами: русск. *становиться*, бел. *становіцца* или префиксально-суффиксальное образование: укр. *вужчати*, русск. *становиться уже*, *суживаться*, бел. *становіцца вузейшым*, *звуживацца*; укр. *білішати*, русск. *белеть*, *становиться более белым*, бел. *бялець*, *становіцца больш белым*.

Дериватов, мотивированных прилагательными положительной степени, в современных литературных восточнославянских языках немного. Значительно больше их в разных диалектах. Такие глаголы имеют значения "становиться или быть относительно внутренних качеств таким, как на это указывает мотивирующая основа": укр. диал. чуждатися, русск. дичать, бел. чужацца; "делать высший вид таким, как на это указывает образующая основа": укр. рівняти, русск. ровнять, бел. раўняць; "находиться в состоянии, названном мотивирующей основой": укр. диал. кривати, русск. хромать, бел. дужаць; глаголы речи: укр. величати, русск. величать, бел. велічаць. Этим украинским глаголам на -а(ти) в русском, частично и в белорусском языках соответствуют дериваты и с другими суффиксами: -и-, -і-: укр. ладнати, русск. ладить, бел. ладзіць; -е-: укр. диал. убожати, русск. беднеть, бел. бяднець или словосочетания: укр. рівняти, русск. делать ровным, бел. раўняць.

Непродуктивность глаголов этого типа в современных восточнославянских языках объясняется некоторыми причинами.

1. На месте некоторых древнерусских, староукраинских, старобелорусских глаголов с суффиксом -а-(-'а-) теперь употребляются общекорневые лексемы с другими суффиксами. Например, д.-русск. мудряти, чужати, ширяться, укр. мудріти и мудрувати, чужитися, ширитися, русск. мудрить, чуждаться, ширить, бел. мудроваць, чужацца, шырыць. 2. Некоторые древнерусские глаголы, образованные от прилагательных положительной степени, мотивируются теперь прилагательными сравнительной степени: д.-русск. вышати, ширяться, укр. вишати, ширшати, русск. крепчать, легчать, мельчать, бел. шырэць, цішэць, шырачэць. 3. На месте прежних глаголов без префиксов в современных языках часто употребляются префиксальные или префиксально-суффиксальные дериваты. Например: д.-русск. тишати, тужати, чужати, укр. стишити-стишувати, натужити-натужувати, відчужити-відчужувати, русск. - натужить - натуживать, упрощать-упростить, бел. натужыць-натужваць, адчужаць-адчужыць, спрашчаць-спрасціць.

4. Среди этого структурного типа глаголов нет новообразований, почти отсутствуют образования от иноязычных основ, много из них употребляется в разных говорах восточнославянских языков.

ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В белорусском поэтическом синтаксисе обнаруживаются многочисленные синтаксические особенности, характерные для русского и украинского языков. Это закономерное явление обусловлено общностью происхождения культуры восточнославянских народов, происхождением их языков из общего источника – древнерусского языка, а также тем, что каждый из них обладал и обладает развитой синтаксической системой. Это особенно бросается в глаза, если сравнить поэтические переводы из белорусского языка на русский и украинский. Скажем, в поэме А.Кулешова "Сцяг брыгады" содержатся строки (я табе абяцаю і попелам родным клянуса, Што з дарогі ўначы не саб'юся), которые без существенных изменений воссоздал М.Исаковский в переводе на русский язык (Я тебе обещаю, Родным попелищем клянусь, Что с дороги нигде не собьюсь), а также И.Вырган – на украинский (Я тобі обіцяю і попелом рідним клянуса, Шо з дороги вночі не зіб'юся).

Вместе с тем, в поэтических переводах не всегда обнаруживается дословное синтаксическое совпадение с подлинниками. Здесь можно выделить два типа синтаксических несоответствий.

Первый тип можно рассматривать как стилистический прием, которым пользуется переводчик для сохранения соразмерности рифмы. Так, в белорусском и украинском языках возвратные глаголы с основой на гласный употребляются с частицей –ся при соответствии в русском языке в данном случае вариантной частицы –сь. Поэтому в целях сохранения соразмерности рифмы в русском переводе кулешовской поэмы "Сцяг брыгады" М.Исаковский вставляет личное местоимение "я": сравн. у А.Кулешова: З дарогі ўначы не саб'юся, Вярнуся, вярнуся!...; у Выргана: З дарогі вночі не зіб'юся, Вернуся, вернуся!...; но у М.Исаковского: С дороги нигде не собьюсь. Я вернусь. Я вернусь.

Второй тип синтаксических несоответствий сводится к специфике синтаксического строя восточнославянских языков, основанной на влиянии разных факторов. В русском языке сложились, например, многие синтаксические модели под влиянием книжного употребления, в то время, как в белорусском и украинском языках обнаруживается

заметное сходство под влиянием народно-разговорного синтаксиса. Не случайно поэтому в поэтическом синтаксисе белорусского и украинского языков чаще обнаруживаются сходные синтаксические явления по сравнению с русским языком. Для подтверждения этой мысли достаточно сослаться на украинскую "Энеиду" И.Котляревского и ее переводов на белорусский и русский языки. И если оригинальный украинский текст характеризуется бережным использованием народной синтаксической основы (Він швидко поробивши човни, На синє море спуускав, Троянців насаджавши повні, І куди їм понухрав), а белорусский переводчик А.Кулешов передал его по причине: точность и музыкальность текста (Ён, хутка парабіўшы човны, На хвалі мора іх спуасіў, Троянцаў насаджіўшы поўна, Куды гаязелі воць, плыў), то русская переводчица В.Полтавова сделала творческий перевод, заменив некоторые образные выражения подлинника книжными языковыми элементами, в результате чего видоизменились и некоторые синтаксические особенности оригинала (Челны сварганив, разместились, Весельцами взмахнуая в лад, Ватагой по морю пустились Чесать куда глаза глядят). Воссоздавая национальный колорит украинского текста и сохраняя его поэтический синтаксис, А.Кулешов исключал иногда словосочетания оригинала и заменял их белорусскими соответствиями. Синтаксическая структура русского перевода и в этом случае заметно отличается наличием книжного словоупотребления: укр.: Ёней був тяжко не по серцю Юноні, — все її гнівив; Здавався гірчийший їй від перцю, Ні в чім Юноні не просив; бел.: Эней не даспадобы сэрцу Юноны — ён не ўгнявіў; Ён быў гарчэйшы ей ад перцу, Яе спагады не прасіў; русск. Был не по нраву, не по сердцу Богине илавна Эней: Он ей казался горше перцу, Но хаживал с поклоном к ней.

Рассмотренные иллюстративные примеры поэтического синтаксиса восточнославянских языков дают основания считать, что наряду с параллельными явлениями в синтаксисе белорусского и украинского языков наблюдается больше сходства сравнительно с русским языком. Это зависит от степени влияния на них народно-разговорной и книжной синтаксической системы.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАЗЕМ С
КОМПОНЕНТАМИ-АНТРОПОНИМАМИ

Генетическая связь компонентов фразем с конкретными антропонимами бесспорна во многих случаях (ср., например, обороты античного и книжно-литературного происхождения муки Тантала, Тришкин кафтан и под.). Вместе с тем в ряде фразем компоненты-антропонимы выполняют "ложноориентирующую" функцию: они либо приобретают обобщенное, символическое значение (ср.: при царе Горохе, куда Макар телят не гонял и др.), либо соотносятся со своей деривационной базой лишь формально, на основе паронимического сходства (ср.: Митькой звали - Минькой звали - поминай как звали). Нередко, однако, при выяснении происхождения фразем их компоненты связываются с именами определенных лиц даже в тех случаях, когда такая связь является чисто случайной (ср. сведения о происхождении фразем гонять лодыря, праздновать труса, как на Маланьину свадьбу и др.). К подобным лингвистически неаргументированным гипотезам относятся и сведения о происхождении оборота кондрашка хватил (стукнул, пришиб, ударил) "об апоплексическом ударе, смерти". Неубедительность связи этого устойчивого словосочетания с именем Кондратия ("Кондрашки") Булавина, руководителя восстания на Дону в 18 веке, проявляется, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, историками фразеологии этот оборот зафиксирован в более ранних текстах. Во-вторых, семантическая связь, устанавливаемая в данном случае между внезапными, смелыми действиями донских казаков и обозначением болезни (смерти), представляется необоснованной, надуманной. В-третьих, как в говорах, так и в литературном языке этот оборот отмечается с вариантной формой женского рода - кондрашка хватила (ударила, стукнула). В-четвертых, слово кондрашка (в свободном употреблении) обозначает в русских говорах названия различных болезней: "кровавый или нервный удар, паралич, прострел", "обморок"; "лихорадка"; "болезнь, вызывающая понос". Кроме того, чрезвычайно важен в данном случае учет приведенных В.И.Далем пословиц Хватит Кондрашка (или Мирошка) - далеко не уйдешь, Хватит Мирошка (смерть), далече уйдешь. Варьирование слов Кондрашка и Мирошка, а также отождествление последнего со словом смерть указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с намеренной антропонимизацией - явлением, весьма характерным для фразеологии.

Эти факты со всей очевидностью указывают на необходимость

поиска других, более надежных оснований для выяснения происхождения рассматриваемого оборота. При решении этого вопроса следует, очевидно, исходить из того, что обозначает данный оборот и как могло восприниматься обозначаемое им явление в далеком прошлом. Характерным признаком аполексического удара (паралича) является утрата частью тела или всем организмом двигательных функций либо искривление конечностей (туловища). В связи с этим логично предположить, что именной компонент фраземы кондрашка хватил должен соотноситься со словами, объединенными общей идеей затвердевания, выпрямления; искривления, кривизны. Именно такую семантику имеют в восточнославянских языках и их говорах слова с корневыми морфемами -конд- (-кондр-), (-канд-), (-кандр-). Ср.: русск. конда, кондач, кондаш "дерево с крепкой, мелкослойной, смолистой древесиной", кондеть "стареть (о дереве)", кондовый (лес) "лес с прочной, плотной древесиной", кондовать "обрубать сучья на дереве" (т.е. делать ствол прямым, ровным. - В.К.), кондырь "стоячий или прямой воротник рубашки, мундира"; "kozyрек у фуражки"; "небольшой навес над крыльцом", кандыба "хромой человек", кандыбать "хромать", кандык "гортань", кандюря "неловкий, неуклюжий человек"; бел. кандыба "высокорослый человек", кандыбы "ходули", кандзюравы "кучерявый"; укр. кандзюба "кривизна, крючок", кандыба "плохая лошадь, кляча", кандийка "миска с вогнутыми краями". На базе прямых значений в словах с этими корнями формируются переносные и фразеологически связанные значения. Ср.: русск. кондовый "серьезный, честный"; "здоровый, крепкий (о пожилom человеке)", кондовый "живой, веселый", кондриться "зазнаваться, заноситься", кандричиться "упорствовать, артачиться"; "тосковать, печалиться", кандибобером "важно, с форсом", "изгибаясь, ломаясь, рисуясь", кандык "конец, смерть", кандычиться "мучиться в предсмертных муках, умирать", кондра "шум, крик, содом", в кондры поставить "вызвать вражду, неприязнь", пойти в кондру "ссориться, скандалить"; бел. кандзібоберам "торчком", хадзіць кандзібоберам "ходить важно, зазнаваться", кандубы завярнуць "умереть"; укр. кондричитись "капризничать", кандибити "скаредничать".

Стабильность семантики образований с указанными корнями и наличие основы для их образного переосмысления представляется достаточно последовательным обоснованием внутренней формы оборота кондрашка хватил - представления о затвердева-

нии, выпрямлении тела или его искривлении при параличе (смерти). Характерно, что многие фраземы со значением "умереть", "погибнуть" содержат именно этот признак – затвердевание, выпрямление тела покойника. Ср.: русск. дать дуба (← задубеть, "затвердеть"), прстянуть ноги; бел. ногі працягнуць (выцягнуць, выпруціць, выпрастаць), старчом стаць, пластом лажыцца; укр. витягти (простягти, відкинути, випростати) ноги; болг. истягам крака.

Использование же в этом случае компонента кондрашка, совпадающего с антропонимом, связано с табу на название тяжелого недуга или смерти, причины которых были неизвестны людям. Как варианты этого слова-компонента словарями фиксируются и формы с большей степенью антропонимизации – Кондратий и Кондратий Иванович.

Таким образом, происхождение оборота кондрашка хватил неразрывно связано с проявлением двух тенденций – названием явления по определенному характерному признаку (затвердевания, выпрямления, искривления тела) и табуистической "маскировкой" этого явления в слове-компоненте с уменьшительно-ласкательным суффиксом (ср. аналогичные образования: Алексашка, Ивашка, Степашка; дурашка, коняшка и под.).

Л.Т.ВЫГОННАЯ (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И СТАНОВЛЕНИЕ ФОНЕТИКИ РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ-БИЛИНГВОВ

1. Сопоставительное изучение фонетики восточнославянских языков представляет значительный интерес как с точки зрения общетеоретической в связи с тем, что дает возможность исследовать организацию фонетических систем большой группы близкородственных языков, так и для решения ряда прикладных проблем, среди которых самой актуальной остаётся проблема поиска наиболее рациональных путей эффективного обучения второму языку в условиях близкородственного билингвизма.

2. Изучение особенностей фонетики русской речи белорусов-билингвов показало, что при ее становлении важными оказываются не только общебелорусские фонетические черты, но и региональные особенности речи, ранее усвоенные билингвами. Языковое прошлое говорящего находит, как правило, последовательное отражение в целом ряде фонетических черт структурного характера, к которым относятся такие, как особенности реализации категорий твердости-мяг-

кости, глухости-звонкости согласных, особенности организации акцентно-ритмической структуры слова, просодической и интонационной систем. При овладении вторым близкородственным языком билингвы переносят в него целые динамические модели из области фонетики родного языка.

3. Модельные представления, почерпнутые из родного языка и диалекта, оказываются устойчивыми как на артикулярном, так и на перцептивном уровне, что убедительно показали проведенные нами психолингвистические эксперименты по аудированию белорусами-билингвами межъязыковых русско-белорусских омонимов и паронимов, а также лексем, фонетическое оформление которых сложилось в результате языковой интерференции. Было установлено, что по целому ряду характерных черт слушатели — выходцы из полесской группы говоров — отличались от аудиторов, связанных с другими белорусскими диалектами. Последовательное, всестороннее освещение фонетических процессов, наблюдающихся в речи белорусов-билингвов, требует дополнительного изучения диалектных фонетических систем, а также особенностей просодии и интонации белорусских говоров. Акцентно-ритмическая структура фонетических слов, значительно отличающихся в разных белорусских говорах, устойчиво сохраняется в русской речи выходящей из этих говоров. Кроме того, она постоянно оказывается связанной с интонированием фразы, которое во вторично изученном языке проводится так же, как и в ранее усвоенном родном диалекте.

4. В разных белорусских говорах одни и те же просодические характеристики имеют разную значимость для организации фонетического слова и фразы. Длительность гласных и движение частоты основного тона в белорусском языке оказываются существенными как для формирования фонетического слова, так и для организации фразы. Исследование ритмической организации литературной белорусской речи показало, что долготы слогообразующих звуков в ритмогруппе и долготы опорных звуков ритмогрупп во фразе располагаются по ступеням лада (Якушев). Это обстоятельство обуславливает особую значимость в литературном языке мелодического контура для формирования фразы.

В то же самое время в ряде белорусских говоров, в частности, в полесских, обнаруживается иное использование просодических средств, при котором временной параметр более значим для организации фразы, а для просодии слова более важным оказывается движение частоты основного тона. Изучение просоди-

ческих и интонационных характеристик диалектной речи помогает избежать обедненного, а в некоторых случаях даже искаженного описания существующей диалектной дифференциации, а также позволяет проследить особенности ее отражения в речи белорусов-билингвов.

О.Г.ГЕЦОВА (Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФОРМ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НА -МА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, всем восточнославянским языкам свойственна форма тв.п. множ.числа на -МА (с предшествующими, разными гласными или без гласного вообще: -ама, -ыма (-има), -ома, -ма). Среднерусские диалектные: рукама, жёныма, конима, двуама, тема, какима, красныма, большыма и т.д., украинские (литературные и диалектные) двома, п'ятьма, скількома, усима, очима, плечима, граблема, зубомовкома и др., белорусские: двуама, ушыма, плячыма и т.д. В русском языке указанные формы являются собственно диалектными и в литературном языке не употребляются, в украинском и белорусском языках они употребляются, кроме говоров, также и в литературных языках.

2. Формы на -МА охватывают различные части речи, они характеризуют тв.п. мн.ч. существительных, прилагательных, местоимений, числительных. Однако распределение этих форм по частям речи в системах разных восточнославянских языков и их диалектов различное. В одних грамматических системах эти формы характеризуют все указанные части речи, в других — лишь часть их, напр., числительные, местоимения, числительные, местоимения и прилагательные. При этом в отдельных системах такие формы могут охватывать не всех представителей той или иной части речи, только некоторые из них (напр., часть числительных).

3. В объяснении появления форм на -МА среди источников русского языка в общем нет никаких расхождений — все сходится на то, что источником таких форм послужили формы утратившегося в целом двойственного числа, в парадигме которого формы тв.п. оканчивались на -МА у всех имен. Однако как шел процесс распространения форм -МА в парадигмах мн.числа у разных имен, остается до сих пор неясным (ср. точки зрения акад. А.А.Шахматова, акад. С.П.Обновского и др.).

4. В русском диалектном языке формы тв.п. мн.ч. на -МА характеризуют определенную территорию - они локализованы главным образом в говорах Архангельской диалектной зоны. Поэтому изучение архангельских говоров в отношении употребления указанных форм представляется перспективным - оно может пролить свет и на их историю.

5. Обследование архангельских говоров действительно представляет нам интересный материал как с точки зрения лингвогеографической, так и с точки зрения объяснения происхождения, а также и дальнейшего распространения интересующих нас форм в этой и других диалектных зонах.

6. Итоги изучения распространения форм на -МА в архангельских говорах приводят к следующим выводам: а) широта распространения этих форм неодинакова в отношении разных частей речи - от одних частей речи эти формы образуются во всех архангельских говорах (во всех диалектных зонах архангельской территории), от других - лишь в отдельных ее зонах; б) по употреблению форм на -МА архангельская территория разделяется на ряд зон.

7. Общая картина распространения и употребления форм тв.п. мн.ч. на -МА в архангельских говорах зримо вырисовывается следующим образом.

1) Шире всего по этой территории (практически во всех говорах) распространены формы на -МА от собирательных числительных (двое, трое и т.п.): двойма, троима, четверыма и т.д.

2) Следующими по широте распространения являются числительные количественные и порядковые и местоимения личные, указательные, определительные и притяжательные: двуама, одныма, первыма, (с) има, тема, всема, оныма и под.

3) На 3-ем месте находятся прилагательные и местоимения-прилагательные: большама, злыма, какыма, такыма, всякыма.

4) Наконец, на последнем месте располагаются существительные. При этом из существительных как правило употребляются формы с предшествующим конечному -МА гласным /И/, /Ы/ при условии безударности окончания: довгыма при деньгами, служыма, коровыма при руках, стенами и т.п.

8. Что касается лингвогеографической стороны изучаемого вопроса, то по распространению форм на -МА выделяется ряд изолированных областей, в одних из которых а) формы на -МА употребляются во всех возможных случаях - от всех частей ре-

чи; в других б) формы на -МА употребляются от числительных, местоимений и прилагательных, но не употребляются от существительных; в-третьих в) эти формы употребляются только от числительных и местоимений. Изученное диалектное различие является одним из показателей, по которым вся территория архангельских говоров в целом разделяется на северную и южную части.

9. Выделение по указанной черте диалектных зон архангельской территории подтверждается также данными других уровней языка — лексическими, словообразовательными и фонетическими.

10. История появления и распространения рассматриваемых форм по данным архангельских говоров представляется следующей.

1) Самые ранние формы на -МА относятся (что и вполне естественно) к числительному ДВА (ДВОЕ).

2) Под воздействием этого числительного формы на -МА подчиняют себе остальные числительные (три, четыре и т.д.).

3) Дальнейшее распространение этих форм связано с собственно местоимениями.

4) В процессе распространения форм на -МА втягиваются прилагательные.

5) И последними усваивают формы на -МА имена существительные.

В.А.ГОРПИНИЧ (Кировоград)

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В АДЪЕКТОНИМИИ СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Морфемной основой адъектонимической системы современных восточнославянских языков является суффикс -ск-ий (исконский, снятинский, кобынский) — единственное средство образования прилагательных от географических названий, не имеющее синонимических эквивалентов.

2. Суффикс -ск-ий в катюконимии известен всем славянским и некоторым германским и прибалтийским языкам. В других языках индоевропейской группы его нет. В древнерусский язык пришел из общеславянской адъектонимической системы, в которой тоже был единственной ядерной морфемой.

3. Образовался на базе древнего суффикса -к- в результате переразложения основ на -с-. Индоевропейские суффиксы были

слишком кратки и малозначащи, чтобы сохранить свое значение до эпохи общеславянского языка. Поэтому они замещаются новыми образованиями с более долгим и ясным суффиксальным элементом. Если сравнить морфему -к- со значением отношения и суффикс -ск-, возникший на ее основе, то можно полагать, что он сформировался в общеславянскую эпоху, т.к. является более долгим и ясным, чем краткий -к-.

4. А. Мейе (вслед за В.Бругманом) утверждает, что, по всей вероятности, славянский суффикс -hSKъ был взят у слов, заимствованных из германских языков (Общеславянский язык., М, 1951, с. 292). Но такое утверждение не имеет реальной основы, оно никак не может быть подтверждено языковым материалом. Исконно славянский характер суффикса -ск-, формирование его на праславянской почве убедительно аргументируется такими фактами: 1) суффикс -ск- употребляется во всех славянских языках; 2) он является основой адъектонимической системы славянских языков; 3) в славянских языках не обнаруживается даже реликтовых явлений адъектонимической системы на базе какого-нибудь другого суффикса, существовавшей до появления морфемы -ск-; 4) во всех славянских языках издревле суффикс -ск- взаимодействовал со всеми известными тогда структурными типами топонимических основ; 5) его функционирование ни в одном славянском языке как ранних, так и поздних эпох не дифференцируется ни территориально, ни стилистически, ни сферально, ни хроникально, оно не связано и никогда не было связано с диалектным или региональным членением славянских языков.

Все это дает основание полагать, что адъектонимическая система праславянского языка на базе суффикса -ск- сложилась на раннем (начальном) этапе формирования черт, которые отличали праславянский язык от других индоевропейских, еще задолго до того, как славяне стали непосредственными соседями германцев, что собственно исключает возможность возникновения адъектонимической системы праславянского языка на иноязычной морфемной основе.

5. В современных восточнославянских языках сохранились древние общеславянские значения суффикса -ск-: 1) отношение к месту, территории, пространству и т.д. (римский, болгарский, галицкий); 2) происхождение (римский - римлянин, псковский - пскович). Но они разошлись по сферам употребления: адъектоним-

мы со значением отношения употребляются во всех языковых сферах, а со значением происхождения – главным образом в разговорной речи.

6. Для общеславянской адъектонимической системы характерен один единый словообразовательный тип – основа топонима + суффикс –ск-ий. Он характерен и для каждого славянского языка. Катоиконимическая же словообразовательная система сложилась в разных языках на базе различных морфем, порой нескольких (в восточнославянских – суффиксы –ц-ы и –ан-е, в польском –ан-, –ак, в болгарском –ц-ы, –ан-е), хотя и имеет с адъектонимической общую семантическую основу – топонимы. Из этого следует, что праславянская адъектонимическая система древнее катоиконимической.

7. В современных восточнославянских языках функционируют сложные производные адъектонимические суффиксы –овск-ий, –энск-анск-ий, –инск-ий, –ийск-ий и др., используемые в основном в тех случаях, когда производящая основа оканчивается несколькими согласными, препятствующими сочетаемости с простым суффиксом –ск-ий. Поскольку до падения редуцированных в праславянском языке действовал закон открытого слога, то в процессе словообразования острых морфонологических ситуаций не было. И поэтому не было надежности в сложных суффиксах. Она появилась после падения редуцированных, на завершающем этапе праславянского единства, в результате чего в производящей основе возникли группы согласных. Следовательно, сложные адъективные суффиксы в современных восточнославянских языках – явление относительно новое.

Е.И.ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Ю.Ф.МАЦКЕВИЧ.
Е.М.РОМАНОВИЧ, Е.И.ЧЕБЕРУК (Минск)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Исследование животноводческой лексики на фоне всех диалектов белорусского языка не проводилось. Есть отдельные работы, в которых анализируется часть этой лексики в региональном аспекте (В.И.Шур, Р.М.Козлова и др.).

Материалы Лексического атласа белорусских народных говоров расширяют и углубляют сведения о животноводческой лексике, дают системные данные о ее географическом распространении.

Лексика указанного тематического ряда отличается многообразием. Она включает названия домашних животных, в том числе

гиппологическую лексику, народную анатомическую и физиологическую терминологию, названия, характеризующие внешний вид животных, названия болезней и т.д.

Значительную группу составляет лексика с общим значением "крупное домашнее молочное животное", в которую входят следующие лексемы: карова, ялаўка, перадойка, первацёлка, первацел, першацёлка, першака, першынка, першачка, першатка, первосцінка, дроўка, дровіца, цялуха и др. Только слово карова соответствует указанному объёму значения. Остальные имеют дополнительные семантические нагрузки:

1) "бесплодная корова" (ялаўка, перадойка, цялуха); 2) "корова, которая телилась первый раз" (першачка и др.).

К гиппологической лексике относятся: цяля(ё), цялюк, цялёнак, цялёнка, а также названия этого молодого животного в зависимости от времени рождения, периода жизни и содержания: сяничук, летнік, сялетнік, сегалетнік, гэтараўнік, летаўнік, гавявік; сысун, мякіннік, гуменак и др.

Как показывает приведенный выше материал, для животноводческой лексики характерна словообразовательная пестрота.

Лексико-семантическая группа со значением "стадо животных" включает следующие синонимы: стада, статак, чарада, чэрадзе, табун, чарга, плойма, грумуда и др. Существует дифференциация названий в зависимости от вида животных, входящих в стадо (С.Н.Трубачев, В.В.Шур).

Из антонимической терминологии синонимические ряды образуют названия: 1) пищевода: горла, гарляк, гардзель, гардзёла, еча, кішка; 2) диафрагмы: плява, запона, балона, затвора, перагародка и др.; 3) желудка: каўбух, кіндзюк, кэлэндзюх, кельбух, цельбух, юшь и др.; 4) прямой кишки: кутніца, гузетніца, группа слов с корнем **сѣг-** и др.; бедра у коровы: купро, маслак, кульша.

Физиологическая терминология представлена группой лексики со значением "отделить послед": ачысціцца, счысціцца, хорошыцца (при названии последа: пасцель, паслед, хорошыло).

Лексическую группу составляет название перхоти - чешуйчатого образования на коже в результате ее заболевания: паршы, кашута, кошасць, перхась и т.д.

Худая корова определяется следующими прилагательными: хлябістая, перахлябістая, ахляблая, тошчая, худая и др.

В приведенной лексике находятся разные по происхождению

слова. Ее основную часть составляют славянизмы (дроўка, горла, еча, гузетніца и др.), некоторые из них относятся к праславянской эпохе (*sr-*). В ряде случаев локальная лексика восходит к балтийским языкам (кашута, кошасць, кіндзюк, кэлэндзюх, кульша).

Анализируемая лексика очень разнообразная по словообразованию и фонетико-морфологическим особенностям.

Наиболее распространенным является морфологический способ словообразования. Значительное количество лексем образуется при помощи общелитовских суффиксов и префиксов, разных по своему значению.

В некоторых случаях в составе слова находятся отдельные элементы других языков (ср. гардзель, польск. *gardio* ; цялюк, гд-ук уменьшительный суффикс литовского языка).

Границы распространения междиалектных синонимов в основном совпадают с пучками изоглосс, которые делят белорусские говоры на диалекты, зоны и группы на уровне фонетики и морфологии. Частично лексем образует микроареалы (юць, плейма, гумёнак, хорошыло и др.).

Лингвистические карты, посвященные животноводческой лексике содержат много интересных географических данных для оценки взаимоотношений между отдельными славянскими языками, а также отношений к соседним неславянским языкам, что является существенным в решении проблем сравнительно-исторического языкознания.

А.Н.НИКОНЧУК (Киев)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ЧЕРЕМУХИ

В числе восточнославянских названий черемухи имеются слова различного распространения: общеславянские, восточнославянские с широким ареалом и локально ограниченные.

К первой ареальной группе принадлежат черёма (русск. диал. тверск.) 1); черёмка (русск. диал.), укр. диал. лемковск. *čeremka* ; черемша (русск. диал.), черемша (укр. диал.), цярэмха (бел. диал.), черёмха (укр. литер. и в говорах), черемха (русск. диал.), черём (русск. диал.), чяр'омха (новее, чем қалакуша (левобережное Полесье), черемша (среднее укр. Полесье), черёмух (русск. диал.), черему (укр. литер. и в говорах), чяр'емуха (левобережное Полесье), черемуха (русск. литер., восточное Полесье, бел. Полесье), черемуха (точное Полесье), ч'яр'омуха (восточное Полесье), чаромуха (бел. Полесье), черемиха (среднее укр. Полесье), чаромха (бел. литер.)

в говорах, укр. юго-зап.), черамха (укр. юго-зап.), чиремха (укр. юго-зап.), черемшина (укр. литер. и в говорах), чарэмшына (бел. лит. и в говорах), оч'еремха (укр. диал. Ровенск. обл.), очере-муха (укр. вост. и среднее Полесье), ачеремуха (укр. восточное Полесье), очеремшина (укр. среднее Полесье).

Этимология названий, образованных от корня *čerm, с небольшими особенностями в реконструкции первоначальной семантики считается окончательно решенной.

Названиями восточнославянского распространения (русские говоры, Белоруссия, укр. и бел. Полесье без западного арعала) являются: колока "черемуховая роша" (русс. диал.), калакала "черемуха" (вост. Полесье), калакалуга "то же" (русс. диал. смол.), какалуга (бел. диал.), колоколуха "черемуха" и "ягоды черемухи" (русс. диал.), калакалуха "то же" (русс. диал. смол. псковск., бел. диал.), какалуха (бел. диал.), калакалуша (русс. диал., бел. диал.), калакалуша (укр. диал.), кылыкалуша (бел. диал.), калоколуша (русс. диал. брянск.), какалуша (русс. диал. брянск., бел. диал., укр. Полесье Житомирск. обл.), какелуша (там же), кукалуша (бел. диал., укр. среднее Полесье), калакушка (бел. диал.), колоколуша (русс. диал. смол. зап., курск., тул.), калокав'ина (бел. диал. гродненск. и *з ан з* алужа (укр. вост. Полесье) — все со значением "черемуха".

Предложенная этимология названий "черемухи", возводящая посл. этимон *kalokalga* к редупликации корня **kal-* (Этимологический Словарь славянских языков. Вып. 9. — М.: Наука. 1983, с. 125) *небезупречна* в лексемном отношении. Она базируется на корне **kal-* и не учитывает распространенного в говорах его варианта *kol-*, который доселе не приводился в практику и не был известен этимологам. Поэтому мы предполагаем, что учет всех вариантов корня в названиях черемухи будет стимулировать поиски в направлении уточнения этимона, а также исходной семантики, которая, очевидно, будет отличаться от мотивации черемухи как влаголюбивого дерева.

Кроме отмеченных названий широкого распространения, в говорах зафиксированы локальные лексемы: кошорба (укр. диал. лемковск.), кочарібка? (укр. юго-зап.), бул'дон'еж (укр. диал. Херсонщина), зацв'іт (укр. диал.) и смородина (укр. диал.).

Зацв'іт и смородина имеют ясную мотивацию. Остальные лексемы требуют дополнительного материала для своей этимологизации.

ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Общеславянское ласка, образованное от ласый при помощи суффикса -ка (см. А.Н.Шанский, В.В.Иванов. Т.В.Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка М., 1971, с. 234), известно белорусскому языку со времени его образования как самостоятельное слово с только ему присущими значениями, так и в качестве составного компонента ряда фразеологизмов и лексикализованных словосочетаний. Однако те из них, в составе которых существительное ласка является семантическим центром, сравнительно немногочисленны. К их числу относятся зь ласки, за ласкою "по чьему-л. разрешению, приказанию и т.д.", зь божей (божое) ласки, за божиею (божей) ласкою "по божьей милости".

Фразеологизм *z łaszej łaski* известен польскому языку и употреблялся в языке старобелорусской письменности. Более широко представлены в ней отглагольные фразеологические единицы с разными падежными формами существительного ласка (преимущественно винительного падежа единственного числа) в качестве зависимого компонента. Это ласку вчинити (вделати, уделати) "оказать милость, благожелательность; доброжелательность по отношению к кому-н."; заховати у ласце "не изменить, оставить в прежнем виде, состоянии; найти ласку, найти ласку передь обличьем -кого-л., найти ласку передь очима кого-л., найти ласку въ (во) очахъ кого-л. "удостоиться чьего-л. признания".

Не исключено, что распространение перечисленных выше фразеологизмов в языке белорусской письменности (современному белорусскому языку они неизвестны) обусловлено влиянием польского языка. Особенно это касается фразеологизма найти ласку въ (во) очахъ кого-л., который по значению и структуре соответствует известному современному польскому языку *znaleźć łaskę u czyichś oczach*.

Как эквивалент современному русскому слаться на милость победителя и польскому *zdać się na łaskę* в языке старобелорусской письменности sporadически отмечается поддаться на ласку. Лексикографическими справочниками современного белорусского языка он не фиксируется. Трудно однако согласиться с тем, что отмеченный фразеологизм ему действительно не присущ.

Из других фразеологических единиц старобелорусского языка следует отметить приняти въ ласку, приняти до ласки "принять в

подданство, взять под свою власть, опеку", просити ласки (ласку), который со значением "просить чьей-л. помощи или милости" сохранился до наших дней. Фразеологизм прыняць ласку известен современному белорусскому литературному языку. Однако, учитывая его значение "оказать честь, уважение" (см. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, Минск, 1980, 1У, стр. 459), нельзя определенно утверждать, что он развился именно на основе того варианта, который присущ старобелорусскому языку.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что процесс преобразования исходных словосочетаний с существительным ласка в качестве основного и зависимого слов в устойчивые языковые единицы, которые в старобелорусском языке функционируют как эквиваленты отдельного слова, в основном связан с переосмыслением таких словосочетаний в целом или только с семантическими сдвигами в значении отдельных лексических компонентов их. Некоторая часть таких устойчивых неразложимых единиц была заимствована из польского языка или употреблялась под его влиянием. Со временем большая часть приведенных выше фразеологизмов утратилась. Что касается фразеологизмов с существительным ласка, известных современному белорусскому языку (полностью зафиксированы в Тлумачальным слоўніку беларускай мовы, т. III, Минск, 1979, с. 23), то в основном они оформились в период складывания языка белорусской нации и в известной мере под непосредственным воздействием близкородственного русского языка как языка межнационального общения и сотрудничества русского и белорусского народов в процессе их совместной жизни в пределах одного государства.

О.А.ГУЛИЦКАЯ, Е.А.ЕЛИСЕЕНКО
(Гомель)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕГИОНАЛЬНОЙ ГИДРОНИМИКОЙ ПОЛЕСЬЯ

Несмотря на то, что гидронимы как древний и консервативный пласт региональной лексики являются историческими памятниками, исследований по гидронимике БССР написано очень мало, а названия малых водных объектов (речек, озер, болот, родников, ручьев и т.п.) совсем не изучены. Не описаны также и гидронимы Полесья, территории давнего славянского заселения. Природные условия этого региона (очень большая заболоченность,

наличие множества водных объектов) содействовали оседлости населения, что способствовало сохранению многих архаических славянских и дославянских гидронимических названий.

Предметом нашего наблюдения явились гидронимы (1345 названий) Житковичского района Гомельской области. Гидронимы этого региона составляют в основном прозрачные в семантическом отношении архаические названия славянского происхождения. Этимонами таких гидронимов являются прежде всего собственно-гидронимические термины (канавы Брод – д. Переров, озеро Вірок – д. Кремное, болото Крыніца – д. Гричиновичи, озеро Роў – д. Озераны, озеро Рэчышча – д. Хвонск и др.), а также апеллятивы, как правило, относящиеся к древнейшей части восточнославянского словарного состава (болото Абалоня(а) – д. Пасека – и абалонь “приречный поймаемый луг” ‘Этымалагічны слоўнік беларускай мовы), река Волхва – д. Гричиновичи – и волхва “чародейка, колдунья” (Словарь русского языка XI–XIV вв. – (СРЯ), озеро Каліта – д. Погост – и калита “кожаная сумка, мешок, кошель, пришиваемый или пристегивающийся к поясу” (СРЯ), озеро Калішча – д. Дворец – и калише “грязь” (СРЯ), болото Корван – д. Бережы – и корван – “крылатый змей” (СРЯ), болото Купчая – д. Грбово – и купчий “связанный с купчей-продажей” (СРЯ), канал Улука, ручей Залучча – д. Погост – и лука “побережье реки, изгиб реки” (В.А.Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии) и другие.

Многие гидронимы можно соотносить с определенными личными именами, фамилиями, распространенными на данной территории (озеро Адамава ← Адам – д. Ельня, речка Васільеўка ← Василь – д. Гричиновичи, озеро Гапон ← Гапон – д. Науть, канава Жылінская ← Жылін – ст. Старушки, ручей Майсоеўскі ← Майсей – д. Замошье и др.)

Часть водных объектов имеет однокоренные названия с названиями рядом находящихся населенных пунктов (озеро Будаўскае – д. Буда, речка Вароніна – д. Воронино, пруд Рудзенец – д. Рудня, озеро Хваэнскае – д. Хвонск.).

Сохраняют внутреннюю форму, мотивированность лексического значения и гидронимы, соотносимые с названиями:

а) растений (болото Дубавуха – д. Знаменка, болото Дубок, канава Лаза – д. Знаменка, болото Ліна – д. Людзевичи, речка Пазышчын – п. Хвонск и др.);

б) животных (река Лань – д. Гричиновичи, болото Куница – д. Н.Залютичи, озеро Конское – д. Переров, озеро Сьвіное – д. Колонский Млынск и др.);

в) птиц (озеро Гусенец – г.п. Туров, болото Канэва – д. Лог-
вище, болото Ластаўка – д. Юркевичи, речка Пугач – п. Ленино,
болото Целярук – ст. Старушки);

г) рыб (озеро Караша – д. Черничі, озеро Ліскае – д. За-
песочье, болото Лешчанак – д. Кожановичи, озеро Яршоўка – д.
Старожевы и др.);

Некоторые гидронимы указывают на месторасположение вод-
ного объекта (озеро Задубраўнае – за дубровай – д. Вороино,
болото Зарэчча – за ракой – д. Бечанские Буды, канава Залес-
ская – за лесам – д. Ветчын, пруд Міжлесе – між лесам – д.
Людзевічы, болото Запрыстань – за прыстанню – д. Хильчицы и
др.).

Многие гидронимы – результат тонких наблюдений человека
над природой. По названиям водных объектов можно судить об их
форме, величине, заболоченности, конфигурации, цвете воды, ее
движении, температуре и т.п. (болото Каромысел – д. Ляховичи,
озеро Бялікае – д. Хочень, озеро Глеэваха, болото Штаны – д.
Рычев, озеро Залатое – д. Пасека, озеро Невесель – д. Подвостье,
озеро Студзенец – д. Н.Залютічы и др.).

Лингвистический анализ гидронимов свидетельствует о том,
что большинство их образовалось на базе слов родного языка
при помощи его словообразовательных элементов, причем одноко-
ренные названия водных объектов повторяются в разных населен-
ных пунктах, образуя многочисленные словообразовательные вариан-
ты (озеро Старына – д. Хочень, озеро Старык – д. Дворец, ру-
чей Старыкі – д. Бечанские Буды, озеро Старое – д. Погост;
болото Свінці – п. Ленино, болото Свінохі – д. Бечанские Буды,
озеро Свіное – д. Пасека, речка Свінавод – п. Хвоенск и др.).

В гидронимике Житковичского района преобладают следую-
щие способы образования: семантический (озеро Вір $\angle$ вір –
д. Погост, канава Язда $\angle$ язда – п. Хвоенск, озеро Дуга $\angle$ дуга
– д. Переров, болото Калоша $\angle$ калоша – д. Хлуин и др.), аф-
фиксальный (ручей Балбуцьха – д. Черничі, речка Ясянэўка –
д. Грышнічын, озеро Прыглушак – д. Черничі), синтаксичны
(озеро Канатога $\angle$ ковай тапіць – д. Погост, речка Свінавод $\angle$
–свінай вада – п. Хвоенск, болото Сенажатка $\angle$ сена жаць – д.
Бечанские Буды и др.), морфолого-синтаксический (озеро Крыў-
скае $\angle$ прилаг. крыўскі – д. Найда, озеро Пясчанае $\angle$ прилаг.
пясчаны – д. Погост и др.). Продуктивны также составные назва-
ния гидронимов (озеро Крывы рог – д. Черничі, озеро Доўгая

тона – д. Кремное, болото Славінскі мох – д. Н.Залютичи, болото Ярмацкі брод – д. Гричиновичи и многие другие).

Таким образом, названия водных объектов Полесья разнообразны в этимологическом, семантическом и словообразовательном отношениях. Гидронимы Житковичского района – это только частица белорусского гидронимического богатства, сбор и анализ которых в белорусском и других славянских языках представляет интерес для решения проблем этно- и глоттогенеза, для решения вопросов диалектного членения языка, языковых групп, а также праславянского языка.

Н.Ф.ГУЛИЦКИЙ (Гомель)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО И БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ КАК ИСТОЧНИКИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Начало изучению лексических особенностей говоров белорусского пограничья было положено в конце ХУШ в., когда этнограф А.Мейер подготовил в 1786 году "Описание Кричевского графства", в котором содержалась глава, посвященная лексике.

2. В XIX – начале XX в. научный интерес к этому вопросу возрастает, о чем свидетельствуют труды историков К.Каладовича, И.Горюновича; этнографов и фольклористов Е.Романова, П.Шейна, В.Добровольского, языковедов И.Носовича, Е.Карского, П.Расторгуева и др.

3. Традиция изучения переходных говоров нашла свое органическое продолжение и углубленное развитие в послеоктябрьский период, когда отдельные белорусско-русские, белорусско-украинские пограничные регионы усиленно исследуются как белорусскими, так и русскими специалистами. В результате последние десятилетия ознаменовались выходом в свет дифференциальных диалектных словарей, в числе которых такие наиболее крупные лексикографические труды, как "Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны" (КСУМ) И.Балькевича, "Дыялекты слоўнік Лоеўшчыны" (ДСЛ) Т.Янковой, серия лексико-фразеологических собраний из Мстиславщины Г.Юрченко, "Словарь народных говоров западной Брянщины" П.Расторгуева, "Словарь брянских говоров" (СБ "Словарь смоленских говоров", "Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны" и др.

4. Богатый фактический материал, зафиксированный в перечисленных и других словарях, к сожалению, медленно вовлекается в сферу лексикологических и социолингвистических исследований, хотя научи

ценность его очевидна.

Лексико-семантический анализ и сопоставление словарных статей таких региональных словарей со статьями исторических словарей и словарей русского и белорусского литературных языков позволяет сделать следующие выводы:

а) в переходных говорах полнокровной жизнью живут, полностью или частично сохраняя прежние значения, некоторые древнерусские слова, вышедшие из употребления в белорусском и русском литературных языках: вено: - 1. деньги, скот, земля, дававшиеся невесте родителями в приданое, плата жениху, 2. деньги, которые дарят молодым во время свадебного обряда родственники и гости (СБГ), пасак (ДСЛ); гасціць - 1. быць, знаходзіцца ў гасцях, 2. частаваць, прымаць гасцей (КСУМ); свесць - шварка (ДСЛ).

б) некоторые восходящие к древнерусскому языку слова в говорах употребляются с видоизмененными или совершенно иными значениями: борашна - мука (ДСЛ); пазорный - 1. ганэбны, 2. адметны (Юрч.), відны, статны (КСУМ); чалядка (Челядь) - наймічка, хатняя работніца (ДСЛ); чысленік - каляндар (ДСЛ); чэрня - чорная фарба (Юрч.); віра - частаванне, якое наладжвае клопец, што дайшоў, дасягнуў сталага ўзросту, сваім старэйшым гаварышам (КСУМ).

в) словари фиксируют общеславянские по происхождению или собственно русские слова, не закрепившиеся в белорусском литературном языке, но активные в устной речи носителей переходных говоров вследствие влияния русского языка: абіда, баня, кірпіч, комната и т.п.

г) наблюдается и явление обратного порядка: многие общеславянские или белорусские по происхождению слова составляют активную часть лексического запаса русских говоров: взимку, взгорок, взважить, взбочь, вечера, вечерять, веселуха и т.п.

д) словари содержат слова, несвойственные ни белорусскому, ни русскому литературным языкам, но отражающие в говорах важные понятия быденной жизни народа: атавіць - пралускаць траву пры касьбе (ДСЛ); балькавое - пачаотунак цеслярам пасля ўкладання бэлек для столі (ДСЛ).

е) некоторые слова отражают родственные связи белорусского языка с польским: абрэч (польск. **obrzec**); акропна - жудасна, страшна (польск. **okropnie**); буяні - бусел (польск. **rosian**); прырамак - каўнер; палоскі, накладкі на плячах

мужчинскай кашулі (ср. польск. *ramię* – плечо); адсотак – працэнт (ср. польск. *odsetek* с украинским: байдужа – усё роўна, хоць б і што) (ДСЛ); гарба – воз, калёсы (ДСЛ); людзіна – чалавек (ДСЛ); чарнабрыўцы – аксаміткі (ДСЛ);

ж) богата синоніміка пераходных гаворав: арадай – плугатар “пахарь” (ДСЛ); парняты – двойня “блізнецы” (ДСЛ), бліскавіца – бліскаўка – вясёлка – радуга (КСУМ).

Изданные региональные словари помогают решать актуальные вопросы лексической нормализации белорусского и русского литературных языков, позволяют успешнее вести этимологические исследования, могут быть незаменимыми пособиями для переводчиков художественной литературы.

З.П.ДАНИЛЬЧИК (Гродно)

СПЕЦИФИКА КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ АНТОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ РЕЧИ

1. В литературно-художественных произведениях, в устном народном творчестве наряду с языковыми антонимами, которые служат для выражения разных видов противопоставления и семантическая противоположность которых проявляется регулярно и не зависит от контекста, значительное место занимают и так называемые антонимы речевые, или контекстуальные, авторские: Вось так хлопец, вось ты ён, слухай яго, голь! На славах – магутны слон, а на дзеле – молад (Я.Кушала); На губах мядок, а на сэрцы лядок (Пословица); Саладка спявае, ды горка слухашь (К.Чорны).

2. Контекстуальные антонимы, как отметил Л.А.Новиков, далеко не всегда максимально возможная противоположность, а всего лишь данное в определенной речевой ситуации противопоставление.

3. Для лексических единиц, которые употребляются в речи в качестве контекстуальных (авторских) антонимов, характерны следующие черты, стлечающие их от языковых антонимов:

а) в антонимические связи могут вступать слова с конкретно-предметным значением, что не характерно для антонимов языка: Я пазычашь, то вочы як у сокала, а як аддаваць, то як у сабы (Пословица);

б) они не обладают исходной сочетаемостью: Корань навукі гукі, ды плады яго саладкія (Я.Колас); на ранняй ралліцы родзіць жата ды пшаница, а на позняй ралліцы родзіць кукаль ды мятліца (По

ловица);

в) не имеют возможности вступать в антонимические отношения вне контекста: Песня мая не ўзышла сярод кветак, кветак цвітучага вечна паўдня... Поўначы сумнай забыты палетак даў ёй жыццё пасярод палыння (Я.Купала). В своем обычном смысле, без конкретного контекста лексемы кветка и палын не являются антонимами. Но под кветкай Я.Купала имел в виду богатую, легкую жизнь, среди которой могла родиться "чистая" поэзия для поэзии. Поэт с детства был далек от такого образа жизни, потому что имел тесную непосредственную связь с народом, с крестьянским трудом, с горем. Поэтому автор и отмечает, что его песня взошла среди палыння;

г) не употребляются в языке в готовом виде, закрепленном общенародным употреблением, а в каждом контексте образуются по-новому. Речевое противопоставление ограничено рамками только данного контекста: Есць – пацее, а працуе – мерэне (Пословица);

д) они обычно противопоставляются в антонимическом ряду не по своему главному (первичному) значению, а по значению вторичному, переносному, образному: Масты старыя спалены – старыя ланцугі; паложаны падваліны пад новыя сцягі (Я.Купала). Поэт употребляет эти единицы (вместе с определениями к ним) в качестве символов: стары ланцуг – прошлое, тяжелая жизнь белорусского народа до Октября; новы сцяг – свободная жизнь, светлое будущее. Слова ланцуг и сцяг употреблены в переносном значении.

4. Контекстуальные антонимы соотносятся, как правило, с "узואальнымі антонімамі, ібо в іх значэнні на першы план выступаюць прызнакі, якія свайствены паняццям, выражэнным антонімамі языка" (Л.А.Введенская). Иначе говоря, авторские антонимы имеют определенные соответствия среди языковых лексических (разнокорневых) и грамматических (однокорневых) антонимов: Прэтэнзій у яго – хапіла б на слаца, заслуг жа – як у зайца (К.Крапіва); Ты – панна, і любіш мужыцкага сына, убогага хлопца – пасажна дзяўчына (Я.Купала). В приведенных примерах авторские антонимы слон – заяц имеют соответствия с определенными языковыми антонимами: (претензий) многа – (заслуг) мала, а антонимы убогі – пасажны – с бедны – багаты.

5. Авторские антонимы – одно из важнейших стилистичес-

И.А.ДЗЕНДЗЕЛЕВСКИЙ (Ужгород)

К ИЗУЧЕНИЮ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ ЗАПАДНОГО ПОЛЕСЬЯ

Западнополюсские говоры для украинской и вообще для славянской диалектологии представляют значительный интерес не только тем, что они самобытные и древней формации, находятся в зоне длительного интенсивного контактирования с белорусскими, польскими, а в прошлом и балтийскими группами, но и тем, что в силу известных историко-экономических обстоятельств и природных условий здесь сохранилось немало традиционных элементов, особенно в лексике, фонетике и т.п. Эти же историко-экономические обстоятельства обусловили, во всяком случае в XIX и в первой половине XX в.в., широкое развитие отхожих промыслов и большее количество ремесленнических средоточий, что в свою очередь способствовало появлению в Западном Полесье такого интересного диалектологическо-этнографического явления, как тайные языки.

В конце 60-х годов в с. (в прошлом местечке) Новая Выжва Старовыжевского р-на мы записали довольно богатое (свыше 1100 слов) оригинальное арготулушников, а в с.с. Штунь, Шанк, Кусница, Глинянка Любомльского р-на - волынский вариант арготулушников, имеющее свыше 1000 слов.

В поселке (в прошлом местечке) Колки Маневицкого р-на в 1981 г. обнаружено арготулушников, которое (как и арготулушников) было актуальным до 1939 г. В 30-х годах колковские портные в своем окружении свободно разговаривали "портновским языком". Теперь лишь некоторое количество "портновских слов" помнят единичные представители старшего поколения. Наиболее хорошо это арготулушников знал основной наш информатор Х.Г.Каразия (1896-1982). Мы успели записать около 450 слов этого арготулушников.

Арготулушников обнаруживает значительную близость к арготулушников нововыжевских тулушников и в большей или меньшей степени к другим украинским, белорусским, русским и польским арготулушников системам:

а) названия, связанные с портняжничеством: шнайдер "мастер-портной", чел'адник "ученик, подручный мастера", гундаш, шкахел "хозяин-заказчик, в доме которого шьет мастер", "мужик", шивилити "шить", швило "шитье, работа вообще", дивант, гивант "сукно",

бискавиця "кожа", мейсери "ножиці", нудел "игла", худим "нить", напізнік "наперсток" и др.;

б) названия одежды, обуви: антуб "сапог", верезун "лапоть", с'уранка "рубаша", сурмена "сермяга", куцак, куцакевус "пиджак", еба, таша "карман", комірчях "воротник", пйатерниц'а "рукавица" и др.;

в) названия еды, напитков: хилка "еда", гейтка "хлеб", стапиха "колбаса", кіто "яйцо", кирха "сало", сметанчык "сметана", нитер "масло", ус'уток "селедка", рөгеша "каша", с'убер "пирог", с'обрік "вареник", артиха "водка", нбїр "пиво", гаква "вода", г'уфтїй "суп", балц боршчевус "борш", трусиха "мука", цукревус "сахар" и др.;

г) названия сельскохозяйственных культур: гейтка "рожь", субер "овес", дул'ас "картошка", крейт "капуста", моракевус "морковь", бурдел "огурец", буракевус "свекла", барлах "груша" и др.;

д) названия животных: бейма, ревуха "корова", ревушен'а "тенецок", ревус "бычок", овцеуса "овца", хрул'а "свинья", ферт "конь", сїшел "курица", дзингел "петух", скїл "собака", котернаус "кот" и др.;

е) анатомические названия: московн'а "голова", лобеус "лоб", нкро "глаз", ушейла "уши", хилач "язык", "зуб", бега "нога", пйатерн'а "рука", пал'чак "палец", кулакевус "кулак" и др.;

ё) названия родства и пр.: баштей "отец", маниц'а "мать", криса, харс'учка "жена, женщина", крал'уса, каравона "девушка", ннейд "сын", лопцук "парень", куба "баба", хусин "жених" и др.;

ж) названия, связанные с расчетами и др.: шихоти "деньги", бона "мелкая монета", цевевуса "цена", шмон "обыск" и др.;

з) названия дней: божел'анка "воскресенье", понедїл'чак "понедельник", вторнїкеус "вторник", сердиha "среда" и др.;

и) глаголы: бед'лати "быть", вшчирити "дать", живонати "жить", савтнїчїти "говорить", кірити "пить", кухт'орити "варить", пандити "идти", пізати "бить", зікрити "смотреть, видеть", скалїти "жечь", сурити", хватати "хотеть", хїлати "есть", чмушити "спать" и др.;

й) прилагательные: гал'обний "большой, высокий", йорн'охий "черный", учий "плохой, нехороший", чирий "хороший" и др.;

к) наречия: дубос'ано "холодно", зікр'ано "видно", нейспит "нет", скал'ано "горячо", требник "нужно" и пр.;

л) имена числительные, заимствованы из идиш: ейн - 1, цвей - 2, драй - 3, фір - 4, фейниф - 5, зекс - 6, зим, зібин - 7, хт - 8, нан' - 9, цен - 10, елеф - 11, цвелеф - 12, драйшик - 13,

фіршк - 14, фіфшк - 15, зексим - 16, зибеншк - 17, ахшк - 18, нан'шк - 19, цвоншк - 20.

В докладе лексемы исследуемого аргю сопоставляются с соответствующими единицами других арготических систем, анализируется их словообразование и этимологический состав.

На территории Западного Полесья и смежных районов диалектологам и этнографам следовало бы продолжать поиски остатков тайных языков, которыми в свое время пользовались ремесленники других специальностей, например, сапожники и др.

М.В.ДОБРЯН (Минск)

ОБЩЕНАРОДНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX в.

1. Социально-политическая лексика в системе лексических средств белорусского литературного языка XIX в. занимает сравнительно незначительное место, поскольку его общественно-публицистические стили в то время еще только зарождались. На белорусском языке публикации общественно-публицистического содержания появлялись не так часто; они ориентировались на восприятие широкими массами трудящихся, в первую очередь, разумеется, крестьянскими. Ориентация на такого читателя требовала от авторов отбора соответствующих выразительных средств. Эти средства и в силу своего характера были привязаны главным образом к реалиям повседневной жизни крестьянина.

2. Возникшая на белорусском языке публицистика предопределила необходимость специализации определенного круга лексических средств. Так как источником их служила бытовая речь, отчасти фольклор, происходил процесс присоединения бытовой лексики к общественно-политическому словарю. На основе метафорических преобразований и других семантических сдвигов в смысловой структуре слов бытовой лексики и вырабатывалась в значительной мере белорусская общественно-политическая лексика. Слова такого рода занимают довольно заметное место в общественно-политическом словаре XIX века. Большинство этих слов на протяжении этого времени сохраняло наряду с социальным и свое первоначальное, бытовое значение (бунт, бяда, вольнасць, воля, людзі, народ, нядоля и др.). Многие бытовые слова переосмыслились и приобрели со-

нальное значение благодаря той эмоционально-экспрессивной окраске, которую придавал им контекст. Употребляясь в образном переносном смысле, они как бы освобождались от груза своих основных конкретных значений. Так, новые дополнительные оттенки при известных номинативных значениях дают возможность словам *гумішэлі, гультаі, дармаеды, здзерцы, злосвікі, крукі* синонимизироваться с общественно-политическими терминами, которые выражали понятие "эксплуататор".

3. Не использовались и другие пути пополнения специфической лексики белорусской публицистики XIX ст., в частности - освоение тогдашней общегосударственной терминологии, возникшей на базе русского языка (гасударства, закон, казначэйства, правіцельства, прыказ и др.).

Такие слова, естественно, по своему характеру были общенациональными; в региональном плане они варьировались несущественно, разве только фонетически (*маніхвест, пасярэднік (пасрэдні,к), слаода, юрнста* и др.).

4. В лексике, заимствованной из народно-разговорных источников, региональные особенности проявлялись в большей мере (срвни. форму *начал* в значении "начальник", *судавы, судзэбнік* в значении "чиновник судебного ведомства" и др.). Однако и в отрыве от этой лексики явно ощущается стремление белорусских писателей ориентироваться в первую очередь на общераспространенные, доступные всему народу выразительные средства.

Г. А. ДОВГЯЛО (Гомель)

НАБЛЮДЕНИЯ НАД НЕКОТОРЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ

1. В последнее десятилетие наблюдается системное изучение лексико-семантического уровня народных говоров. Одним из важных вопросов этого направления является синонимия говоров. Диалектная речь характеризуется обилием синонимов, о чем говорили исследователи еще в конце XIX - начале XX века. Однако углубленное изучение данного явления относится к послеоктябрьскому периоду и особенно активизировалось в последние десятилетия.

2. Всеми исследователями признается системность диалектной синонимии. Наиболее достоверный материал, подтверждающий это положение, может быть извлечен из говора отдельного населен-

ного пункта. Диалектная синонимия выполняет те же функции, что и синонимия литературного языка, — идеографическую и экспрессивно-стилистическую. Однако при изучении диалектной синонимии необходимо учитывать особенности, отличающие ее от синонимии литературного языка. К ним относятся: 1) экспрессивная функция синонимов; 2) широкое бытование синонимов-дублетов; 3) использование синонимов представителями разных возрастных групп.

3. Народно-разговорной речи известно много средств для передачи разнообразных чувств и эмоций. Синонимы, характеризующиеся оценочным моментом, мы относим к эмоционально-экспрессивным. Одним из основных средств передачи чувств и эмоций является широко распространенная в говоре эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика. Яркой иллюстрацией этому служат синонимические ряды, состоящие из слов этого ряда с возможным при этом нейтральным компонентом.

Приведем примеры синонимических рядов из говоров деревни Деражичи Лоевского района Гомельской области: морда — пуца — пыса — пыка — храпа. 1. Передняя часть головы животного (Собака морду разбіў. Кова пуцаю мене талкае да ліжа. Пыка е і ў вала. Бувае лузне па пысі, па голаве сабаку. Ударыў па храпі кабана). 2. Лицо (Памый сваю морду, бач, упэцкалася. Чого ты пыку завернаеш, харашэ не гаворыш? На морду чалавека гавораць храпа); кроў — пасека (пасака) — юшка "жидкость красного цвета циркулирующая по кровеносным сосудам организма") Білі кабана, дак не усю кроў сабралі, вуцекла багата. Як дам пад зубы лі па ноздрам, дак і паплыве пасека. Хто ета табе пасаку пусціў із носа? Он юшка пацекла із носа і із рота, мабыць, жыць не будзе). хатылле — рызве — рымонне — латызве — лахмошце — стар'е "старые, бывшие в употреблении вещи, поношенная одежда" (Свехар за ег тое хатылле — вукідае, за патрэты над карващю — зрывае. Діравле, падранае аденне — рызве. Маг рымонне пагладце. Рванае называюць рызве, латызве. Хатылле — лахмошце тое: трапкі да латкі. Етага стар'я ў кожным вуглу хватае); убачыць — угледзець — узрэць — укмеціць "воспринять зрением кого-что" (Убачыў цебе шчэ ле плота. Далека сваю ўгледжу. Іді міне прывеці первага мужа, я его узру. Добра ўкмеціў, як на вечоркі хадзіла).

В говоре широко распространены синонимы эмоционально-экспрессивного значения, образующиеся с помощью аффиксации: сюда относятся образования с приставкой папа-, усиливающей лексичес-

кое значение, выраженное основой: пабегаць – папабегаць, пагама-
ніць – папагаманіць, пагаласіць – папагаласіць, паглуміць – папа-
глуміць, а также образование прилагательных при помощи суффик-
сов: –энн (–энн): паганы – паганенны, красівы – красівенны, зда-
ровы – здаравенны, добры – дабрэнны, бальшы – бальшэнны; –юч-:
злы – злючы, гідкі – гідючы; –еньк, –енечк-, –есенечк-, –юпесенечк-,
–юпесенечачк-: маленькі – маленечкі – маленечачкі – малесенечкі
– малюпесенечкі – малюпесенечачкі.

Для выражения экспрессии употребляются парные синонимы, один из которых (второй) усиливает экспрессию синонимического ряда. Выделяется несколько типов таких парных конструкций (использована классификация Т.С.Коготковой):

а) конструкции функционально-коммуникативной направленности, разнообразные по составу грамматических категорий, свободные по спаянности компонентов, характеризующихся номинативным характером: Вучонаму ўсёгда дорога і шлях аткрыты. Я, мамка, у Гомелі ніде не заблуділася, не спералася. Тая жонка удаленная да прыстойная, а эта скупчая;

б) конструкции с изменением лексического значения (усиливается семантика интенсивного действия, оценочности и др.): Прыбралась, прынараділася, як лялька. Дзеці паднімуць стукат-грукат на ўсю хату;

в) конструкции с разнообразными тавтологическими сочетаниями, состоящими из глагола и однокоренного наречия, в творительном или винительном падеже: валам валіць, гульма гуляць, легма лежашь, бегма бегці.

4. В говоре зафиксировано большое количество синонимов – дублетсв, характерных не для всех пластов диалектной лексики. К ним относятся слова, неодинаково звучащие, но тождественные по смыслу: вярэўка – шворка (Пабралі на шворкі сабак. Узьяў сабаку на шворку, на вероўку); нецель – цяліца, телка (Летась купіла цяліцу. Здаравенныя нецелі ходзяць, як коровы. Нецелі двухгодкі, трохгодкі – у п'яць год нецелі нема); каўтоб – яма (От азерына – небаўшая, а глыбокая яма – каўтоб. У ямы закацувалі ўсе пры немцах); шчыт – верх дерава (Он там седзіць на самым шчыту воруна. Де? – На верху дерава.); браціха – ятрук (У нас старыя гавораць ятрук, а маладыя – браціха.).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМЫ
ГАДЗІНА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Общеславянская лексема година образована суффиксальным способом от существительного год. В древнерусском языке она означала "время, пора", "назначенная, определенная пора чего-л., срок", "час (60 минут)", "годовщина смерти, годовое поминовение умерших", "время церковной службы и церковная служба", "весть, известие (о событии, которое должно произойти в известную пору, время)", "судьба". От существительного година в результате адвербиализации образовалось наречие годами "иногда, порою".

В старобелорусском языке из семи древнерусских значений номинации година (годинка) сохранилось только два, в том числе: "неопределенный промежуток времени", "час (60 минут)". Известны были старобелорусскому языку также существительное полгодини, образованное в результате слияния двух слов (поль и година), в значении "полчаса", а также наречие штогодина "ежечасно, каждый час".

Распространенными в старобелорусский период были и устойчивые словосочетания, в состав которых входила лексема година: долгая година "продолжительное время", злая година "тяжелое время, беда, несчастье", до нешпорное години "до наступления сумерек", въ тую годину "в то время".

В белорусских народных говорах, по сравнению с древнерусским и старобелорусским периодами, существительное гадзіна расширило свои семантические и деривационные возможности и бытует как в темпоральном, так и в невременном значениях: "час (60 минут)", "секунда, мгновение", "короткий (неопределенный) промежуток времени", "неделя", "время вообще", "ненастье, непогода".

В брестском диалектном массиве отмечаются фонетические варианты гудэна "время, пора", "погода (плохая)", годына "время, пора", "час (60 минут)", "ненастье, непогода", "буря".

В народных говорах Гродненщины исходной форме гадзіна "погода (хорошая)" противопоставляется образование с отрицательной частицей ні нігадзіна "непогода, ненастье", "время суровых испытаний".

На разной территории Белоруссии употребляются следующие

слово- и формообразовательные варианты, а также устойчивые словосочетания, образованные от лексемы гадзіна: гадзіначка (годзіночка), годзінка "уменьш. к гадзіна в различных значениях", повгодзіна "полчаса, 30 минут", повгодзінка, повгодзіночка "уменьш. к повгодзіна"; ліхая (злая, чортава, чорна, няшчасная) гадзіна "тяжелое время, беда, несчастье, несчастливая судьба", добрая (шчаслівая) гадзіна "благоприятное, счастливое время, пора", "счастливая судьба", нядобрая гадзіна "неблагоприятное, несчастливое время", шарая гадзіна (из польского, срав. szara godzina "наступление сумерек, сумерки".

На всей территории Белоруссии используется суффиксальное образование гадзіннік "прибор, при помощи которого определяется время в пределах урока" (польск. (диал.) godzinnik чешск. hodiny "часы", укр. годинник). А. Брюкнер считает, что это слово собственнопольское и в восточнославянские языки пришло из польского. С таким мнением можно согласиться, если учесть, что в древнерусском языке в этом значении употреблялись слова часы, часьникъ, часомерие, часозвонъ, а в старобелорусской письменности с начала XV века отмечается германизм зеггарь (зегарь), заимствованный при посредничестве польского языка, где он закрепился в качестве литературной нормы. Польский же лексический вариант godzinnik отмечается в восточнославянских письменных памятниках со второй половины XV века.

В современном белорусском литературном языке нормативными являются: существительные гадзіна "промежуток времени в 60 минут, час", "промежуток времени, отводимый на урок, лекцию, занимающий с отдыхом 60 минут", (с определением) "определенный момент в жизни человека", "пора, время", гадзінка, гадзіннік, гадзіннічак, гадзіншчык, паўгадзіны; прилагательные гадзінны, гадзіннікавы, паўгадзінны, штогадзінны; наречия гадзінамі, штогадзіны.

С.А. ЕМЕЛЬЯНОВА (Гродно)

ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМОВ-НАРЕЧИЙ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Несмотря на большие успехи в изучении антонимов, достигнутые в последние годы, антонимы-наречия и русского, и белорусского языка остаются недостаточно изученными. До сих пор не описаны лексические и словообразовательные пары антонимов-адвербов,

не исследованы словообразовательные гнезда наречий.

2. Как показывают наши наблюдения, значительную часть антонимов-наречий в русском и белорусском языках составляет словообразовательные пары, чисто лексические оппозиции немногочисленны. Среди словообразовательных антонимов данной части речи выделяются: 1) антонимы-наречия, возникшие в результате деривации (они – продукт словообразования) и 2) антонимы-наречия, возникшие в результате "отраженной антонимии".

В словообразовательных парах антонимов-наречий производные слова противопоставляются своим производящим. Ср. русск. замужем – незамужем, много – мало и бел. дарэчы – недарэчы. Основное средство образования данного типа антонимов – префиксы.

Антонимичные оппозиции наречий, возникшие в результате "отраженной антонимии", являются более продуктивным типом противопоставлений в близкородственных языках. Подобные корреляции занимают антонимичные значения у своих производящих, "отражая" их в своей семантической структуре. Большинство таких производных наречий с суффиксом -о мотивированы прилагательными. Ср. русск. тепло – холодно, бедно – богато, банально – оригинально, радостно – печально и бел. быстра – павольна, звонка – глуха, горка – соладка, мякка – цверда, храбра – баязліва. Оппозиции антонимов-наречий с суф, -о в русском и белорусском языках в основном сохраняют то же ударение, какое наблюдается у производящей пары антонимов-прилагательных. Ср. русск. частый – редкий; часто – редко и бел. прыгожы – нязграбны; прыгожа – нязграбна. Однако в русском языке возможен переход ударения с корня в исходной форме на суффикс в производном наречии, а также наблюдаются варианты ударения, чего нет в белорусском языке. Ср. русск. близко – далеко и бел. блізка – далёка, нізка – высока и нізка – высока, узко – широко и вузка – шырока.

Как в русском языке, так и в белорусском, отмечаются наречия, мотивированные существительными. Подобные пары наречий в белорусском языке имеют синонимические корреляты, которых нет в русском языке. Ср. русск. утро – вечер; утром – вечером; зима – лето; зимой – летом и бел. дзень – ноч; ноччу – днём; удзень – уначы, уночы, вясна – восень; вясной, увесну – восенню, увосень.

Антонимичные пары наречий могут быть мотивированы наречиями. Они образуются при помощи префиксов, суффиксов, префиксально-суффиксальным способом. От антонимов-наречий с суффиксом -о образуются наречия с суффиксами -оват и др. В белорусском языке

одновременно с суффиксальными коррелятами выступают префиксальные синонимы. Ср. *высакавата* – *нізкавата*, *занізка*; *вузкавата* – *шаракавата*, *зашырока*. Вся отраженная антонимия наречий сосредоточена в словообразовательных гнездах.

3. Словообразовательный, гнездовой подход к антонимической организации лексики позволяет установить значительные пласты антонимов-наречий в сопоставляемых языках. Адвербиальные антонимичные словообразовательные гнезда возглавляют непрямые и производные наречия. В качестве исходных пар антонимы-наречия выступают редко и имеют малочисленный состав производных. Ср. *щедрае* – *телера*; *прежний* – *телерашний*; *сегодня* – *завтра*; *сегодняшний* – *завтрашний*. Структура антонимичных адвербиальных гнезд не отличается разнообразием и обнаруживает в сопоставляемых языках значительное сходство. Различия же носят более частный характер.

Исследование структуры словообразовательных антонимичных гнезд наречий поможет определить количество и построить их типологию в каждом из сопоставляемых языков. Кроме того, изучение адвербиальных словообразовательных пар антонимов позволит выявить пути и способы взаимодействия лексики и словообразования, закономерности их взаимодействия.

В.М.ЕМЕЛЬЯНОВИЧ (Брест)

ОСОБЕННОСТИ МИКРОТОПОНИМИИ БРЕСТЧИНЫ

Сопоставление микротопонимии северо-западной части Брестской области (Пружанский и Каменецкий районы – 3364 названия 4500 микрореконструктов) с микротопонимией других исследованных территорий Белоруссии (Слутчина, Столбцовщина, частично Гомельщина) показывает, что здесь обнаружено много общих черт, характерных микротопонимии всей республики, есть и различия.

Микротопонимия этого региона представлена теми же структурно-словообразовательными типами, что и микротопонимия других территорий. Это простые (однословные), сложные (также однословные, но образованные из двух корней, как, например, *Острыгорка*, *Трохзагоніна*), составные названия типа *Белякова гора*, *Попарочное второе*, *Три загоны* и предложно-именные конструкции типа *На півіску*, *У Болоцічку*, *Под Левковью градкою*. Преобладают простые микротопонимы (72,5% от общего количества названий),

из них 54% имеют форму имени существительного и 18,5% - форму прилагательного. Сравнительно много здесь составных названий (17,7%), предложно-именных конструкций (9%) и совсем мало сложных (0,8%). Среди микропонимов-существительных выделяются семантические и морфологические (суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные) образования.

Все эти типы являются традиционными в микропонимии и зафиксированы в древнебелорусских письменных памятниках.

Как и на других исследованных территориях, большинство микропонимов в пределах нашего ареала имеет прозрачные основы и легко этимологизируется. Мотивирующими основами микропонимов являются апеллятивы, антропонимы, ойконимы, гидронимы и сами микропонимы. Лексико-семантический анализ образующих основ микропонимов подтвердил выводы А.М.Прищепчик, сделанные для Столбцовщины, что в микропонимии преобладают названия, образованные от апеллятивных основ. Особенно часто используется апеллятивные основы для образования простых микропонимов (1819 апеллятивных на 619 ономастических) и второго компонента составных названий (573 апеллятивные на 21 ономастическую).

Среди собственных имен, послуживших основой микропонимов ведущая роль принадлежит антропонимам.

Из числа ойконимов в качестве образующих основ микропонимии обычно выступают официальные и неофициальные названия деревень, расположенных по соседству с географическими объектами, о которых идет речь.

Гидронимы для образования микропонимов, как и в других районах Белоруссии, используются редко (1,2%).

Своеобразие микропонимии исследованного региона, ее специфика заключаются в том, что:

1. Самую большую количественную группу составляют здесь морфологические (аффиксальные) образования, как на других территориях, а названия, образованные семантически, путем переосмысления нарицательных и собственных имен существительных без дополнительной аффиксации (типа Буда, Гасцец, Калонія, Цагелья, Ванеця - от названия города Венеция, Цемра - от названия реки Цемра, Мікітычы - от названия деревни Мікітычы). Они составляют 70,39% от микропонимов-существительных и почти 38% от всех зафиксированных названий.

2. Значительно больший процент, чем в других исследованных регионах, составляют на Брестчине микропонимы, образованные

морфолого-синтаксическим способом, путем субстантивации имен прилагательных (Домінісіно, Курьловичовэ, Мэдвэжэ). В микро-топонимии Случчины их всего 6%, на Столбцовщине – 8,3%, в микро-топонимии северо-западной части Брестской области – 18,5%.

Основным это названия в форме притяжательных прилагательных, относящиеся с антропонимическими основами и указывающие на индивидуальных владельцев земельных угодий в прошлом. Объясняется это условиями социально-экономического развития края (хозяйство бывшей Западной Белоруссии характеризовалось сильной раздробленностью).

3. Специфика микротопонимии северо-западной части Брестской области определяется также особенностями местных говоров: значительное количество флексийных микротопонимов на -е (-э), -іе, -ье (Гране, Колее, Крае, Выжарэ, Лухачыэ), много стянутых форм прилагательных (Чырвона, Шырока, Мышчанське, Смалісто), встречаются притяжательные прилагательные на ін (ын), образованные от мужских имен (Карпіна, Кузьмін груд, Коліна копанца – белорусское литературное Карпава, Кузьмоў, Колева).

Многие микротопонимы фиксируют характерные для местных говоров украинские и польские черты. Лексических украинизмов и полонизмов сравнительно немного: укр. Выдмідка, Лелекі, Міська; польск. Дзялкі, Кенпы, Кляштор, Лётніско, Плебанія, Шаховицы и др.

Значительно шире отмечены фонетические украинизмы и полонизмы: Бородышка, Мідна, Загорідде, Заміна, Гурнэ, Подбурскі, у Калітэчы и др.

Встречаются микротопонимы с польскими словообразовательными элементами. Это названия на -іск-о (-ыск-о) типа Броварыско, Торповіско и одно название с суффиксом -шчызн-а (поле Клішчызна – д. Ровбицк Пружанского района).

Г.Н. ЖДАНЕНЯ (Минск)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

1. Для характеристики региональных особенностей функционирования русского языка как языка межнационального общения важным этапом является описание его функций в соотношении с функ-

циями языка изучаемого региона. При этом исходными данными должны быть вторичные функции русского языка (этноязыка) на собственной территории.

2. На уровне эндонационального общения русский язык характеризуется полным объемом общественных функций, т.е. целиком и полностью обслуживает общение во всех сферах деятельности людей (в производственно-деловой сфере, в сфере научного познания и эстетического освоения действительности, в сфере массовой коммуникации и быта). Функционирование же русского языка как средства межнационального общения складывается из совокупности взаимораспределения его общественных функций и функций языка каждой конкретной национальности, взаимодействия последних, распределения и перераспределения сфер использования этих языков. Следовательно, объем выполнения общественных функций русским языком в разных регионах будет варьироваться.

3. Наиболее полное изучение функционирования каждого конкретного языка может быть достигнуто лишь в результате всестороннего рассмотрения первичных и вторичных функций языка и речи.

4. Первичные функции языка – это функции "языка как такового" как средства общения между людьми и средства мыслительной деятельности. Их схема может выглядеть следующим образом: производные первичные функции – социативная, экспликативная, регулятивная, которые соотносятся с коммуникативной функцией, и гностическая, кумулятивная, директивная, соотносимые с когнитивной функцией. Первичные функции речи – функции, связанные со структурой речевого акта: эмотивная, когнитивная, референтная, мета-языковая, фатическая, поэтическая (эти функции были впервые выделены Р.Якобсоном). Являясь универсальными, первичные функции составляют лишь общую характеристику языка, определяют его сущность, назначение как средства общения между людьми. Их социальность не зависит от воздействия конкретных общественных факторов.

5. Основное внимание при изучении функционирования языка межнационального общения должно уделяться вторичным функциям, которые отражают его общественно важную роль в социуме, и вторичным функциям речи, всецело определяемым конкретно-социальными факторами. Вторичные функции речи устанавливаются в результате изучения и обобщения речевых ситуаций, жанров речевого общения; они связаны с наличием функциональных стилей и сферами, которые эти стили обслуживают. На развитие тех или иных вторич-

ных функций языка оказывают влияние социальные условия, определяющие использование языка в каждой конкретной сфере общения, среде и микроситуации.

6. Региональные особенности функционирования русского языка как языка межнационального общения и как "второго родного языка" белорусов устанавливаются при условии максимально полного описания конкретных вторичных функций русского и белорусского языков и речи на них в данном регионе на основании общесоциологического представления о вторичных и первичных функциях языка и речи. При этом конкретный перечень общественных функций русского языка в Белоруссии должен строиться на учете всех возможных типов перераспределения их между двумя языками. Теоретически возможны два крайних, противоположных типа такого распределения: русский язык выполняет данную конкретную функцию полностью и самостоятельно (например, в сфере межгосударственного общения Белоруссии как самостоятельной республики); белорусский язык выполняет данную общественную функцию полностью и самостоятельно (например, в сфере национального устного народного творчества). Между этими двумя крайними типами находится множество смешанных. Их установление, распределение в иерархическом порядке и исследование и будет представлять собой описание региональной специфики функционирования русского языка в Белоруссии.

В.П.ЖУКОВ (Новгород)

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Фразеологическое значение по-разному оцениваются лингвистами. Одни из них считают, что фразеологизм, будучи особой по сравнению со словом языковой единицей, обладает фразеологическим значением. Это значение тем специфичнее, чем идиоматичнее оборот, чем в большей мере компоненты фразеологизма преобразованы в семантическом отношении. Отдельные лингвисты без должной аргументации полагают, что фразеологизму присуще лексическое значение. Наконец, некоторые фразеологи просто говорят о значении фразеологизмов, "чтобы не придавать выражению "фразеологическое значение" терминологического смысла" (Л.Я.Костючук).

Представляется, что фразеологическое значение качественно

отличается от лексического.

Подобно словам, фразеологизмы, вступая между собой в определенные семантические отношения, образуют семантическую парадигму. В составе этой парадигмы центральное (ядерное) положение занимают фразеологические обороты, охваченные явлением вариантности и синонимии. Все остальные члены семантической парадигмы (фразеологическая антонимия, полисемия, энантиосемия и пр.) занимают периферийное положение. Синонимия (и вариантность) являются едва ли не основными закономерностями, отражающими связь между фразеологическими оборотами. По нашим подсчетам, около 75% фразеологизмов охвачены явлением синонимии. Еще активней семантический процесс варьирования, охватывающий большую часть фразеологических оборотов. В области фразеологии подавляющая часть единиц семантически связана друг с другом непосредственно. И в этом состоит специфика фразеологического значения.

Чем шире и разветвленное семантическое взаимодействие между фразеологизмами, тем ограниченной круг понятий и представлений, которые могут быть переданы посредством соответствующих оборотов. Если лексика отражает все многообразие предметов, явлений и свойств внеязыковой действительности, то фразеологизмы в содержательном отношении охватывают прежде всего сферу переживаний и чувств, а также разнообразную гамму оценок и квалификаций кого-либо или (реже) чего-либо.

В семантической структуре фразеологизма актуальное значение противопоставлено этимологическому, тогда как в слове оно слито в одно целое с этимологическим. Участвуя в образовании актуального значения, тот или иной компонент фразеологизма семантически преобразуется, становится деактуализированным словом (например, компоненту гусь в составе фразеологизма гусь лапчатый "хитрый, изворотливый человек" легко приписать местоименное значение "человек"); напротив, в составе словосочетания, формирующего внутренний образ фразеологизма, каждое слово сохраняет свое исходное значение (например, в составе словосочетания гусь лапчатый — это словосочетание является материальной основой внутренней формы — слово гусь употребляется в обычном смысле "дикий и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей").

Многие фразеологизмы (чаще налагаемые) легко поддаются индивидуально-авторской переработке; в преобразованном компоненте таких фразеологизмов как бы "отсвечивает" не только единичное

(внутрифразовое) значение, но и узуальное. В противоположность этому в составе производного слова морфемы, как правило, не подвергаются семантическому быветриванию, деактуализации в силу своего отвлеченного содержания.

Фразеологическое значение, в отличие от лексического, как правило, не осложнено словообразовательным значением. При этом степень участия компонентов прямо зависит от способности фразеологизма противопоставляться свободному словосочетанию одинакового лексического состава.

Смысловая структура многозначного фразеологизма принципиально отличается от смысловой структуры многозначного слова. В многозначном обороте, возникшем в результате метафоризации свободного словосочетания, частные значения являются обобщенно-метафорическими, в то время как многозначное слово не может сплошь состоять из одних переносных значений.

Наиболее активными признаками фразеологического значения выступают интегрирующие семы оценочности, интенсивности, одушевленности и под. Соответствующие смыслообразующие признаки находятся на периферии смысловой структуры слова.

Таковы лишь некоторые специфические особенности фразеологического значения.

Н.С.ЖУРАВСКАЯ (Минск)

ДИАЛЕКТИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛОРУССИИ

В издающемся в Белоруссии на русском языке литературно-художественном и общественно-политическом журнале "Неман" помещаются оригинальные и переведенные с белорусского языка на русский романы, повести, рассказы, публицистические очерки и научные статьи, воспоминания, документы, рецензии и другие информационные материалы, которые дают достаточно полное представление о письменной форме русского языка в Белоруссии. В художественных и публицистических произведениях, посвященных описанию современной и прошлой деревенской жизни, нередко используются белорусские лексические средства.

С точки зрения предметно-тематической и фонетико-грамматической характеристики такие белорусизмы можно поделить на два основных разряда: а) белорусизмы в авторской речи и б) бело-

русизмы в речи персонажей. В авторской речи используются в большинстве случаев обычные, семантически нейтральные литературные белорусские слова типа существительных бульба, бусел, вёска, гйка, жито, клямка, кошик, скибка, услон, хлопец, хустка и т.п. В контексте произведений они получают разнообразные стилистические нюансы, чем и мотивируется их употребление, например: шерник означает по-русски то же самое, что по-белорусски рымарь (В.Кудинов); мать и я раскопали на огороде небольшой бурт — кopeц по-местному (В.Глушаков).

Этот разряд лексики в значительной мере дополняется и диалектизмами, многие из которых в текстах приобретают статус экзотизмов. Сюда относятся лексические и словообразовательные диалектизмы — названия лиц по роду занятий, родственным отношениям, физическим и духовным качествам (байдачник, доня, долбень, пастаечка), предметов домашнего обихода, орудий труда, строений (гибало, лаганчик, литовка, мажара, степка), блюд и кушаний (гадеблики, житневка, пряжмо, равгения, тушеники), растений и хозяйственных культур (грыжына, дятловника, картспля, субор, ядлынец топографических объектов (бруковка, бук, гломень, лоточина, пасвиско), обрядов, бытовых и культурных явлений (пудло, ралетка, серебряшина, ссылчина, шарварка) и др.

Наблюдается неодинаковый подход к толкованию диалектизма этого разряда. Одни из них используются без каких-либо пояснений со стороны авторов или издателей (картопля, пастыр, пряжмо, другие, более редкие слова, сопровождаются пояснениями на русском языке в сносках (бруковка — каменная дорога, грыжына — бряква, ядлынец — можжевельник). Значения некоторых слов раскрываются авторами непосредственно в тексте, например: Нелка устроилась ученицей на гончарку — так в Березове называли недавно построенную фабрику художественных изделий (В.Гигевич); меня тянуло к заветному буку с омутом (бук — так зовут на Березе крутой, глубоководный речной поворот) (К.Киреевко); От байды — большой лодки, владельцем которой был якобы Гаврила, и пошло, видно, прозвище приезжих — байдачники (И.Науменко).

В речи персонажей выделяются слова, употребительные и в белорусском литературном языке, но имеющие диалектную фонетическую окраску. Значительный разряд среди них составляют заимствованные слова, которые в процессе адаптации народной речью претпевают определенную фонетическую трансформацию. Опубликованные в хрестоматиях по белорусской диалектологии образцы белорусской

диалектной речи показывают, что звук ф в заимствованных словах нередко подвергается субституции звуком х или сочетанием хв: хванар, хвартух, хвата, хвельшар, хорма, хунт, хура (фура), бухвет, кохта, кухар (куфар), шахва и др. Это явление широко отражается в русскоязычных художественных текстах: хвальш, хвашист, хвамилия, хверма, хронт, хундамент, инхваркт, кехвир, конхвета, прохвесер.

Заметной фонетической трансформации подвергаются и многие другие заимствованные слова, в которых происходит стяжение или выпадение гласных звуков, вставка огласных, перестановка их, диссимиляция и т.д. Слова этого типа широко отражены в изученных текстах: акзекуца (экзекуция), антиллитент, антирес, вишинар, дохтор, ераплан, купиратив, лисапет, мвирация, премя, радиво, райвон, рыштаит, струмент, шпикулянт, экзамент, эрадром и др.

Исконно белорусские слова в речи персонажей также употребляются в различных фонетико-словообразовательных вариантах. Это особенно заметно в классе наречий, где наблюдаются многочисленные ряды типа седня, сёдни, сённычи; теперика, теперича, теперя; тута, тутака, туточка, туточки.

Изучение диалектизмов в белорусской русскоязычной литературе представляет интерес с разных точек зрения. Прежде всего необходимо определить мотивы использования их в отдельных жанрах, охарактеризовать стилистическую роль в художественных и публицистических произведениях, показать социальную, образовательную и возрастную стратификацию лиц, в уста которых они вкладываются. Важно проследить также их реальное соответствие особенностям конкретных говоров и привязанность к определенной белорусской диалектной территории.

Белорусские диалектизмы ярко характеризуют индивидуальную творческую манеру авторов и показывают особенности взаимодействия белорусской народно-диалектной речи с письменной формой русского литературного языка в условиях современного активного белорусско-русского двуязычия.

А.И.ЖУРАВСКИЙ (Минск)

О СООТНОШЕНИИ БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Проблема взаимодействия литературно-письменных языков и

народных говоров в разные исторические эпохи уже получила достаточно широкое освещение в отечественном языкознании, в том числе и в белорусском. Но уязвимым местом некоторых исследований по белорусскому языку является то, что их авторы иногда не полностью учитывают и раскрывают специфику белорусского языкового материала и нередко приписывают ему свойства, выявленные при изучении других языков.

В области белорусской диалектологии опубликовано много монографий по фонетической системе и грамматическому строю народных говоров, более двух десятков диалектных словарей и тематических сборников. Для изучения различных вопросов диалектной речи наибольшее значение имеют непосредственные записи народной речи, помещенные в хрестоматиях по белорусской диалектологии. Однако общим недостатком всех этих публикаций является стремление их авторов концентрировать внимание на выявлении и фиксации так называемых традиционных, исконно белорусских языковых черт и обходить молчанием все то новое, что появляется теперь в говорах под воздействием социальных, хозяйственных и культурных преобразований в современной деревне. Диалектологи обычно подбирают в качестве информантов малограмотных представителей старшего поколения, постоянных жителей населенных пунктов. Такие информанты, как правило, сообщают о прошедших событиях в своей жизни, рассказывают о занятиях населения в прошлом и т.д. В подобных материалах широко отражается старая бытовая и производственная лексика, здесь нет контекстных условий для употребления новой лексики, отражающей современную сельскую жизнь.

Тем не менее и такие тексты в определенной мере содержат сведения о тех новых явлениях, которые происходят сейчас в народных говорах. Прежде всего бросается в глаза заметное воздействие на белорусские народные говоры русского литературного языка, что является естественным в условиях современного белорусско-русского двуязычия. Это особенно ощутимо в области словарного состава. Например, в текстах хрестоматии Е.С.Метельской и Е.М.Комаровского последовательно фиксируются слова аружыя, бумага, воздух, дзела, калхоз, скот, а их белорусские литературные соответствия зброя, папера, паветра, справа, калгас, жывёла или отсутствуют вообще или представлены единичными примерами. Слова время, дзярэўня, свадзьба, хацяін, дзяржаць, нада явно преобладают над белорусскими эквивалентами час, вёска, вяселле, гас-

падар, трымаць, трэба и т.д. Изменения в лексике говоров замечается и самими информантами, примеры чего дают и хрестоматийные тексты.

В области морфологии можно отметить ряд черт, которые в противоположность белорусскому литературному языку в диалектной речи или сохраняются от старины или являются результатом внутреннего развития грамматического строя народных говоров. Вполне некоторые из них совпадают с соответствующими фактами русского языка и нередко исследователями безосновательно воспринимаются как русизмы. Из числа несомненных морфологических русизмов можно отметить только распространение окончания -а(-я) в именительном падеже существительных мужского рода (гада, ляс, трактара, учицеля, хутара), отсутствие чередования заднеязычных со свистящими у существительных дательного и предложного падежей (к раке, к цялеге, к сценке, на дороге, на парогe, у руке) и употребление возвратных глаголов с частицей -сь (згадзілася, лілася, цягнулася, выбралісь, вучылісь).

Однако генетически русизмами не являются такие черты, как чистая основа (иногда с беглым гласным) существительных родительного падежа множественного числа (канапель, красёг, пасам, песень, сямей), сочетания предлога па с дательным падежом существительных (па балоту, па ветру, па загаду, па мясу, па тыдню, ср. ст.-бел. по дню, по мечу, по обычаю, по праву, по чину), окончания -а (-я) в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода (абеда, агня, голаса, леса, фронта), окончания -у/-ю в предложном падеже существительных с предлогами на (на вазу, на краю, на палу), па (па жыту, па лясу, па полю), у (у агню, у баю, у саду). Белорусский народно-диалектный язык развивается стихийно, без вмешательства и регламентации со стороны специалистов-языковедов, и в нем распространяются явления, не свойственные белорусскому литературному языку.

В противоположность этому литературный белорусский язык избегает многих диалектных инноваций, иногда используя не свойственные народным говорам лексику, формы и конструкции. В связи с этими тенденциями наблюдается все увеличивающееся расхождение между литературным языком и народными говорами. Анализу этих расхождений и посвящается настоящий доклад.

О СЕРБСКО-БЕЛОРУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ
П.А. РОВИНСКОГО

1. С 1888 по 1915 гг. в Петербурге в сборниках Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук печатались книги трехтомного труда историка, этнографа, филолога, географа и публициста Павла Аполлоновича Ровинского (1831-1910) "Черногория в ее прошлом и настоящем. География. - История. - Этнография. - Археология. - Современное положение". В четвертом выпуске второго тома этого монументального исследования, опубликованном в 1905 году, помещен сборник лирических и эпических песен черногорского народа и статья о языке Черногории. В этой статье П.А. Ровинский описал акцентологию, систему вокализма и консонантизма, морфологию, синтаксис и фразеологию черногорских говоров, определил некоторые локальные диалектные отличия. Статья завершается главой "Сходство с русским языком в различных его говорах и заимствования из чужих языков".

2. В последней главе статьи П.А.Ровинский привел список 110 слов, которые, по его мнению, являются сербско-русскими параллелями. Ученый подал также украинские и белорусские соответствия к лексике сербского языка (33 и 37 слов соответственно). Для сравнения сербских слов с белорусскими П.А.Ровинским использовались материалы словаря П.В.Шейна, помещенные при сборнике "Белорусские народные песни" (СПб., 1874), а также "Очерки простонародного житья-бытья Витебской Белоруссии" (Витебск, 1895) Н.Я.Никифоровского.

3. Несмотря на то, что П.А.Ровинский имел историко-филологическое образование, языкознание не заняло особенно значительного места в его научной деятельности. Самый большой вклад в науку им сделан в этнографии и истории. Однако и в области языкознания П.А.Ровинский имеет бесспорные заслуги. Ученый оставил ценные данные по сербскому диалектному синтаксису и фразеологии, записал богатый ономастический материал. Сбор диалектной лексики П.А.Ровинского был высоко оценен уже в 1906 году рецензентом "Черногории" П.А.Лавровым, который насчитал в предшествующих четвертому выпусках 616 черногорских слов, незарегистрированных в словаре Вука Караджича, в то время самом полном собрании черногорской лексики.

4. Интересным является языковедческое наследие П.А.Ровинского и в такой специфической сфере, как межславянские связи. (асколько нам известно, он первый среди славистов попытался сравнивать лексемы территориально отдаленных южных и восточных славянских языков. Тем самым П.А.Ровинский начал проводить работу, теоретическая разработка и более широкое практическое воплощение которой в славистике начались более чем через столетие после него. Примечательно, что и в методике он находил правильные пути. Так, например, он придавал особое значение фактам живых говоров, а не литературных языков, причем отдавал предпочтение наиболее архаичным, сохранившимся говорам. Будущим квалифицированным этнографом, П.А.Ровинский часто приводил к сербским явлениям и реалиям параллели из русского народного быта и фольклора и этим как бы предвидел будущее возникновение этнолингвистики с ее интересом не только к изоглоссам, но и к изопрагмам.

Следует, однако, отметить, что из-за отсутствия теоретического обоснования и определенных методических критериев наследие П.А.Ровинского в области межславянских языковых связей имеет преимущественно историко-лингвистическое значение. Это особенно касается украинско- и белорусско-сербских лексических параллелей, которые отличаются менее тщательным подбором по сравнению с русско-сербскими.

5. Среди предложенных П.А.Ровинским общих сербско-белорусских слов определенное их количество, с точки зрения современных критериев, не соответствует принципу эксклюзивности. Очевидно, случайно оказались в списке сербско-белорусских параллелей такие общеславянские слова, как гай, млын, неделя, обора, плот, раме, куделя, дятлина.

6. Словами, которые на сегодняшнем этапе могли бы представлять интерес с точки зрения специфичности сербско-белорусских лексических связей, в списке П.А.Ровинского являются: серб. слова "телега" - бел. колы, серб. лулаши "качать, колыхать" - ел. люляць.

7. Интересный материал для исследователя сербско-белорусских лексических связей может быть почерпнут из помещенного в приложение к статье словаря черногорской лексики. В нем могут быть обнаружены сербские параллели к белорусским словам. Такими, предположительно, могут оказаться: серб. бошал "большой верток холста" (бел. лоевск. бутал "погон"), серб. чириши "тор-

чать, высовываться" (бел. глусск. чырыць "тащить какой-нибудь предмет по какой-нибудь поверхности так, чтобы он или его заостренный конец скреб поверхность, врезался в нее") и другие.

Л.И.ЗЛОБИН (Гомель)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА СМОНИМОВ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Омонимия производных слов порождается причинами, отличающимися от тех, которые приводят к омонимическим совпадениям непроизводных лексем, и подчиняется определенным закономерностям языкового развития. Существенную роль в семантическом расхождении производных существительных играет различие в их морфологическом построении, неодинаковая степень членности омонимически противопоставленных компонентов. Компоненты семантических оппозиций расщепляются не только в семантическом отношении, но и в структурном, ибо одни из них образованы от основ прилагательных, другие — от основ существительных посредством разных суффиксов. Литературный язык не изобилует такими образованиями, привлечение же диалектного материала дает основание говорить о некоторой продуктивности пополнения омонимов таким путем в лексической системе белорусского языка. Сошлемся на примеры: кутнік 1. "человек, который живет в чужом доме, занимает угол" ∟ кут и кутнік 2. "коренной зуб" ∟ кутні (кутны) "угловой"; падарожнік 1. "путешественник", "тот, кто находится в дороге, путник" ∟ падарожны и падарожнік 2. "спорыш", "луговой опёнок" ∟ дарога; балацянка 1. "болотный гриб" ∟ балацяны и балацянка 2. "заболоченное место" "гать, дорога через болото" ∟ балота; ветраніца 1. "ветряная мельница" ∟ ветраны; ветраніца 2. "перелеска" и ветраніца 3. "доска, которая прибивается к решетинам с обеих сторон фронта для защиты от ветра" ∟ вецер; лазоўка 1. "каль для меда" "глинобитное помещение" ∟ лазовы и лазоўка 2. "один из сортов клевера, который дает два укуса в год", "народное название воробейника", "сорт картофеля" ∟ лаза; крапіўніца 1. "болезнь, которая сопровождается зудом и появлением на коже пузырьков, похожих на ожоги крапивой" и крапіўніца 2. "птица"; рабінаўка 1. "настойка из рябины" ∟ рабінавы и рабінаўка 2. "рябинник" ∟

на.

Существительные, образованные морфологическим способом от основ прилагательных, представляют результат семантической денсации соответствующего субстантивного словосочетания: ку́тні 2. < кутні зуб; падарожнік 1. < падарожны чалавек; балацянка 1. < балацяны грыб; ветраніца 1 < ветраны млын; лазоўка < лазовы выраб; крапіўніца 1 < крапіўная ліхаманка; рабінаўка < рабінавая настойка.

Тот факт, что компоненты приведенных выше семантических оппозиций образованы от основ прилагательных и существительных, не дает оснований возводить мотивировочный признак номинации к значению прилагательного. Для омонимических существительных, характеризующихся различием морфологического построения, обусловленного несовпадением производящих основ, в качестве первичной, исходной, мотивирующей выступает основа существительного. В данных случаях формальная и семантическая мотивация производных не сосредоточены в одном слове: одна и та же лексема формально мотивируется одним, а семантически другим словом. Мотивация существительным является основной, а мотивация прилагательным — сопровождающей. В словообразовательной структуре компонентов омонимических групп отсылочная и формантная части не совпадают; ср. падарожнік 1 < падарожны и падарожнік 2 < падарожны; балацянка 1 < балацяны и балацянка 2 < балота; лазоўка 1 < лазовы и лазоўка 2 < лаза; рабінаўка 1 < рабінавы и рабінаўка 2 < рабіна.

Существование производных с неодинаковой морфологической структурой в качестве омонимов обусловлено семантико-грамматическими процессами. При выяснении причин номинации несоотносимых реалий одним и тем же словом важно определить мотивирующую основу, которая в данном случае не совпадает с производящей.

Н.Л.ЗУЕВ (Минск)

ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Одним из средств создания различных стилистических эффектов в белорусской драматургии является лексическая многознач-

ность, т.е. способность слова иметь несколько значений. Объективным условием того, что полисемия обладает выразительными потенциями, является асимметрия языкового знака и значения, создающая смысловую двухплановость, каламбур. Многозначность используется с различными художественными целями – для индивидуализации речи персонажей, передачи характера их взаимоотношений, для создания комического эффекта и т.д.

“Многозначность слова имеет сложную структуру” (Ф.П.Филин), поэтому способы эффективного использования повторяющейся полисемантической единицы в белорусской драматургии весьма различны. Рассмотрим некоторые из них:

1. Полисемантические слова реализуются, например, повторяясь в репликах персонажей, но в различных значениях. Чаще всего обыгрываются в диалогах прямые и переносные значения полисемантических слов. Например: Сторож. Куды ж гэта ты ўсеўся? Авечка. Браток мой, у чым мая вина, калека я, усю ноч валокся, хацелася сесці. Стораж. Вось цяпер пасядзіш. Авечка. Няўжо пасадзяць?! (У.Галубок. Суд); Лявон. Галавакружэнне ад поспехаў у іх! Лявацкі заскок! Глуздакоў. Тэрміналогія правільная. А ты падкаваўся. Лявон. Доўга коўзаўся, таму і падкаваўся. (А.Макаенак. Лявоніха на арбіце).

Стилистический эффект может создаваться при столкновении свободного и фразеологически связанного, узуального и окказионального значения, а также при обыгрывании нейтральных в стилистическом отношении значений полисемантических единиц. Например: Караўкін. Вы можаце выдумаць неўміручасць, а кілаграм мяса для неўміручасці вы ж не выдумаеце. Дабрыян. Будзе неўміручасць, дык будзе і матэрыяльная база. Караўкін. Дык я і ёсць база. Я загадчык базы, і я павінен іх карміць. (К.Крапіва. Брама неўміручасці.)

Повторяющиеся многозначные слова используются с целью создания комического эффекта в юмористической и сатирической поэзии, фельетонах, каламбурах и т.д.

2. Наиболее эффективно реализуется многозначное слово, когда оно не повторяется в контексте. В результате происходит актуализация его переносного, регионального, окказионального, фразеологически связанного и других значений. Например: Ганна Ціханаўна. Ну, цяпер жа вы скончылі сваю гэту работу... Усе забываюся, , як яна называецца. Галубовіч. Дысэртацыю? Але не зусім. Яшчэ абараняцца трэба. Ганна Ціханаўна. Ад каго? Галубовіч. Ад

вучоных, Ганна Ціханаўна. А што яны? Нападаць збіраюцца? (К. Крапіва. На вастры). В данном случае обыгрываются прямое и переносное значения полисемантического глагола "абараняцца". Эффективно используются многозначные слова и в произведениях других жанров.

3. Особый интерес представляет использование многозначных слов в синтагматических конструкциях, в которых значения полисемантической единицы связаны между собой и входят в смысловую структуру слова.

4. Случаи реализации трех и более значений полисемантического слова в белорусских драматических произведениях довольно редки.

Т.Г.КАЗАЧЕНОК (Минск)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАСИОЛОГИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

1. Для решения кардинальных проблем лингвистики, в том числе и вопросов исторической семасиологии, которые остаются еще слабо разработанными в восточнославянском языкознании, наиболее ценный материал представляет толковый исторический словарь, построенный своим базисом на современных методологических принципах, обеспечивающих выполнение историческим словарем главной задачи — представить лексико-семантическую систему восточнославянских языков древнего периода.

2. Словарная статья, являясь основной композиционной единицей толковых исторических словарей восточнославянских, как и других славянских языков, в том числе и словаря старобелорусского языка, представляется в виде стройных и относительно законченных самостоятельных частей, с учетом, насколько позволяет алфавитное размещение, деривационных словообразовательных связей, в которых органически сочетаются также графико-орфографические, фонетические, грамматические, функционально-стилистические и семантические показатели.

3. Важнейшим среди многочисленных аспектов словарной статьи является семантический, что соответствует конечной цели толкового словаря, в том числе и исторического, воссоздающего лексико-семантическую систему предшествующего этапа языка, — раскрыть смысловой объем или перевести на современные восточ-

нославянские языки слова, устойчивые словосочетания и фразеологические обороты, выявленные в памятниках древней письменности, вышедшие из употребления или получившие в процессе развития семантические расхождения.

4. При семантической расшифровке, когда используются все доступные средства и способы объяснения слов из арсенала отечественной лексикографической традиции, выбор того или иного приема зависит от лексико-грамматического типа слов и их индивидуальной лингвистической характеристики.

5. Для слов, словосочетаний и фразеологических единиц, исчезнувших или заметно изменивших свою семантику, основным представляется метод адекватного перевода на современные восточнославянские языки. Во многих случаях краткое семантическое определение слова необходимо сопровождать синонимическими эквивалентами или близкими по значению словами. При расшифровке собирательных, демиnutивных и иных производных лексем важными являются различные отсылочные и дополнительные данные, способствующие установлению или раскрытию их семантики. Лексические историзмы в толковом словаре описываются с привлечением данных исторических, этнографических и энциклопедических изданий.

6. В лексикографической традиции при описании многозначных слов лучшим принципом считается последовательное, соответствующее историческому развитию лексических значений в слове, изложение семантических фактов. Этот принцип должен опираться на строгий учет этимологически исходного дифференциального признака, который лег в основу становления и развития семантической структуры слова и всех остальных смысловых ответвлений, стоящих к своему этимону в близких генетических и вытекающих друг из друга связях.

7. Важно также стремиться сохранить деривационно-преемственные семантические связи между лексическими значениями толкуемых многозначных слов, опираясь на нахождение первичного, номинативного, прямого значения и последующий учет иерархической зависимости производно-переносных смысловых разновидностей.

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ОРУДИЯ ДЛЯ РУЧНОЙ
МОЛОТЬБЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ И АРЕАЛЫ ИХ
БЫТОВАНИЯ

1. Имеющиеся ныне лингвистические атласы трех восточнославянских языков дают возможность более обоснованно и углубленно проводить различного рода языковедческие и междисциплинарные исследования, в том числе сравнительно-сопоставительного характера, а также позволяют плодотворно использовать языковые факты для уточнения понятия региона.

2. Изучение фактов языка в связи с фактами народной жизни, исходя из этого, соотнесение лингвистических и этнографических фактов, сопоставление изопрагм (изодокс) и изоглосс получили широкое обоснование в трудах многих исследователей (см. работы Н.И.Толстого и его учеников, О.Н.Мораховской, И.А. Дзеньчицкого и др.), нашли отражение (прямое или косвенное) в лингвистических атласах, межнациональных, национальных, региональных.

3. Предметом данного рассмотрения являются материалы Диалектологического атласа русского языка по названиям орудия для ручной молотьбы. В русских говорах имеется большой инвентарь наименований цепа по сравнению с говорами других восточнославянских языков. Территориальное противопоставление основных лексических единиц таково: распространенное в говорах южного наречия и восточных среднерусских говорах наименование цеп (цоп, цепь) образует самый большой ареал, который смыкается с ареалами этого же названия в белорусских и украинских говорах (соответственно цѣп и цїп); название молотило имеет компактный ареал в говорах северо-восточной диалектной зоны; наибольшее количество наименований, часто сосуществующих, зафиксировано в говорах северо-западной диалектной зоны: привяз, приуз, привуза, примуза, молотилка и др.

Для исторической интерпретации лингвистических данных важно отметить, что территория, на которой распространены современные говоры северо-западной диалектной зоны, в XII в. принадлежала Новгородской феодальной республике (см. А.Н.Насонов. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства". М., 1970).

4. Большая вариативность слов с корнями вяз-(уз-/гуз-/муз-) в современных говорах, на наш взгляд, объясняется процессом деэтимологизации слов, т.е. связана с языковым сознанием диалектоносителей. Вычлениются следующие виды вариативности: 1) вариативность внутри корня (возможна, так как ей не препятствует общая семантика именований): привяз - приуз, пригуз, примуз (замена согласных поддерживается фонетикой, ср. мотоуз - мотоуэ, мотогуз (веревка, нить); 2. грамматическая вариативность: а) допускаемая морфологической моделью слова - удовлетворяет П и Ш склонению: пригузъ, привязь и др. отмечены как слова жен. и муж. рода (часто в пределах одного говора); б) допускаемая индифферентностью денотата к категории рода: молотило - молотилка, примуз - примуза и т.д. 3) Акцентная вариативность: приуз - приуэ, привоз - привóз, привуза - приву́за и др.

5. Как известно из этнографических источников, в России к XIX - нач. XX вв. бытовали, в основном, три типа цепов, различающихся конструкцией деревянных деталей и видом их связи: русский, белорусский, украинский (см. "Русские. Историко-этнографический атлас". М., 1967). Эти различия не получают языкового выражения в названиях орудия, а имплицитно прослеживаются в отдельных названиях частей и связующего их элемента. Кроме того, известны различия иного плана: в ряде областей для обмолота использовали орудия, изготавливаемые из цельного куска дерева с суком: кичиги, лапы, палки и др. Об этом необходимо помнить при исследовании языкового материала.

Л.Ф.КАХОВСКАЯ (Гомель)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛОЖНЫМИ И СОКРАЩЕННЫМИ СЛОВАМИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В системе современного восточнославянского словообразования важное место занимает создание сложных и сложносокращенных слов. Различные модели слово- и основосложения отмечаются в памятниках древнерусской, старобелорусской и староукраинской письменности. Аббревиация же как способ словообразования, известный в русском языке с XIX в., в белорусском и украинском языках получила распространение в послеоктябрьский период.

2. Существенно **отличаясь** между собой, сложение **и** аббревиация имеют, однако, ряд общих черт: а) возможность мотивации более чем одним словом и создание универбов на основе словосочетаний или отдельных слов, б) самостоятельное существование в языке лексем, на базе которых созданы сложные и сокращенные слова, в) своеобразный процесс трансформации значения исходной словообразовательной базы при создании **новой** лексической единицы.

Единство отдельных закономерностей процесса деривации ведет к общим моментам функционирования сложных и сокращенных слов в близкородственных языках.

3. Свертывание двух- и многокомпонентных номинативных единиц в универбы сопровождается в родственных языках а) полным или частичным формально-смысловым совпадением сложных и сокращенных слов: русск. добросердечный, разновидность, сельисполком; бел. дабрасардэчны, разнавіднасць, сельвыканком; укр. добросердечний, різновид, різновідність, сільвиконком; б) формально-смысловым соответствием в двух языках: русском и белорусском: русск. ледокольный, человеколюбивый, сельсовет; бел. чалавекалюбiвы, ледакольны, сельсавет (укр. льодорубний, людинолюбний, сілрада); в белорусском и украинском: бел. мастацтвазнаўства, землекарыстанне, Дзяржвыд; укр. мистецтвознавство, землекаристування, Держвидав (русск. искусствоведение, землеиспользование, Госиздат); в русском и украинском: русск. деловод, добросовестный; укр. діловод, добросовісний (бел. справавод, добрасумленны) и др.

4. Нередки, наконец, случаи отсутствия межъязыковых универбальных соответствий (русск. охотоведение, совхоз; бел. паляўніцтвазнаўства, саўгас; укр. мисливствознавство, радгосп) или отсутствия в отдельных из близкородственных языков параллели в виде сложного или сокращенного слова (русск. трубочист, светозарный, цирпотреб; бел. камінар, прамяністы, тавары шырокага спажывання; укр. сажотрус, світосяйний, ширвжиток). Выделяется группа лексических параллелей, в которых сложным словам или словосочетаниям соответствуют простые аффиксальные лексемы со специализированным суффиксом, нередко малопродуктивным в современном русском языке, ср.: укр. льонар, гробар, вівчар; бел. дльнавод, даіакоп, авечкагадовец, авечкавод, (русск. льновод, могильщик, овцевод).

5. Состав соотносительных универбов русского, белорусско-

обрядов и поэзии весеннего цикла, который тут имеет ряд особенностей. Изучение обрядовой поэзии соприкасается с проблемой этногенеза славян.

4. Много интересного для характеристики фольклорного процесса дают записи лирической поэзии. Они проливают свет на особенности взаимодействия и взаимообогащения фольклора братских народов, на характер ассимиляции произведений в иноэтническом окружении как в прошлом, так и в наши дни.

5. Как обрядовая поэзия, так и внеобрядовые песни свидетельствуют о прочных связях с эпической традицией, берущей начало со времен Киевской Руси. Новой интерпретацией древнего мотива змееборства отличаются так называемые постовые песни о Цмоке; эпические черты сохраняют варианты песни о споре орла с конем, сюжет которой до последнего времени был неизвестен в нашей фольклористической литературе.

6. Большую ценность представляют записи прозаических жанров. Они не только обогащают наши фонды, но и дают интересные факты для характеристики сюжетного репертуара белорусских сказок, их межэтнических взаимосвязей, судьбах жанра в наши дни. Выявлена преемственность сказочной традиции, передача сказочного репертуара из поколения в поколение.

7. Собираание и изучение фольклора Гомельской области ведется несколькими учебными и научными учреждениями. Собран значительный и в отдельных случаях — уникальный материал. Продолжая дальнейшие экспедиционные поиски, целесообразно уже сейчас готовить сборники и теоретические исследования устнопоэтического творчества Гомельщины. В связи с этим возникает необходимость разработки единых принципов региональных изданий устнопоэтического творчества, которые были бы приемлемы при публикации фольклора всех областей республики. Необходимость в региональных изданиях уже давно назрела.

И.И.КРУК (Минск)

СКАЗОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО СКАЗОЧНОГО ЭПОСА (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ)

Среди ряда ученых-этнографов, лингвистов, фольклористов — уже давно бытует мнение о Полесском регионе как об исключительной своеобразной зоне традиционной духовной культуры белорусского народа. Основой для подобных предположений послужили географическо-ландшафтные особенности ареала, тормозившие раз-

они отражается близость словообразовательных систем восточнославянских языков, однако сопоставительный анализ свидетельствует о различной степени соотносительности номинативных средств в этих родственных языках, о взаимовлиянии лексических систем, омонимии, о создании своеобразных универбальных соответствий.

Л.А.КАЦАПОВ (Мозырь)

К ИСТОРИИ СЛОВ ЛЯДО, НОВИНА

Расширение хозяйственной деятельности человека требовало новых земельных площадей, пригодных для использования под посевы культурных растений. Это вызывало необходимость в освоении участков, занятых лесом, кустарником, болотом. В результате такой целенаправленной деятельности людей возникали новые реалии, требовавшие своего языкового выражения. Так, участок земли, очищенный от леса или кустарника и таким образом подготовленный к вспашке, обозначался словом лядо. Его этимология связана с дифференцированным семантическим признаком "пустое место, беспорядок; незанятое посевами поле".

Эта лексема встречается часто в письменных памятниках старобелорусского языка, причем нередко рядом со словами поле, пашня, засеянная (незасеянная), кгрунтъ оремый (неоремый), лесъ, саръ, кустовье, пуша, сеножать и др.

Как специфическое наименование жизненно важной для ведения хозяйства реалии лексема лядо заключала в себе довольно содержательное, казалось бы, неразделимое по своему внутреннему содержанию понятие "подготовленная для пахоты земля". Но практически семантика ее, в основе которой была широкая денотативная несенность, в определенных контекстуальных условиях могла приобретать способность к смысловому варьированию: рядом с прямым номинативным значением "очищенная от леса или кустарника земля для вспашки" выделяются другие семантические наслоения, такие, как "отведенная (предназначенная) для очистки леса площадь под пахоту или других хозяйственных целей (под пастбище, сенокос)".

Слово лядо сохранилось в процессе развития лексического состава белорусского языка и фиксируется современным словарями как литературная норма в своем извечном значении "очищенная от леса или кустарника земля для вспашки". В местных говорах в

нем, кроме основного значения, выявлены многочисленные специфические семантические оттенки: "дикое место", "молодняк в лесу", "растеребленная площадь под пастбище"; "темный лес без травы", "прогалина в поле", "чистая поляна в лесу", "земля, которая никогда не вспахивалась" и др. Перечисленные значения объединены одним признаком – "пустое, бесплодное место в лесу или в поле в сравнении с окружающей средой".

Широким семантическим объемом владела лексема новина. Как компонент земледельческой терминологии, она называла такой участок земли, который был впервые засеян зерном после очистки его от леса или кустарника. Лексическое значение "новый пахотный участок земли" выявляется в контексте, где конкретизаторами этого слова служат существительные поле, пашня, проробок, гаевище и др.

В семантической структуре слова новина значение "новый пахотный участок земли" является производно-номинативным. Оно возникло на основе метафорического переноса по временному признаку.

По своей предметно-понятийной адресованности рассматриваемые номинативные единицы соприкасаются непосредственно: лядо – раскорчеванный участок леса, новина – уже вспаханный и засеянный этот участок. В дальнейшем в семантике лексемы новина произошел сдвиг как бы в обратном направлении: в современном белорусском литературном языке новина – участок, еще не подвергавшийся вспашке, целина.

Таким образом, от параллельного обозначения различных физических качеств участка пахотной земли эти слова в результате денотативной переориентации одного из членов оппозиции лядо – новина семантически сближаются и переходят в разряд лексических единиц с качественно новым характером семантической связи – синонимической.

Л.Т. КИЛЕВАЯ (Могилев)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ
РЕЧИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МОГИЛЕВА

1. В постановлении ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. "О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик" четко определена роль русского языка в жизни совре-

ленного советского общества.

2. Социологические данные показывают, что значительная часть городского населения Белоруссии в обиходно-бытовом общении пользуется русским языком. Это подтверждается при изучении разговорной речи образованных лиц, белорусов по национальности, живущих в крупных городских центрах.

3. На русскую разговорную речь при этом не может не оказывать воздействия белорусский язык в его литературной и диалектной разновидностях. В результате взаимодействия русского и белорусского литературных языков и белорусских диалектов формируются региональные особенности русского литературного языка, характерные для определенного социолингвистического ареала, которые тем не менее не выводят местную литературную речь из русла нормированного употребления. Необходимо лишь особо оговорить, что нормированными при этом являются лишь те локальные черты, которые становятся обязательными для речи основной части местных носителей литературного языка.

4. Материалом для изучения послужили ручные и магнитофонные записи русской разговорной речи, сделанные автором в обстановке непринужденного бытового общения лиц с высшим и средним образованием, белорусов по национальности, уроженцев г. Могилева и Могилевской области.

5. Изучение русской разговорной речи проведено на уровне словосочетания и сложного предложения путем описания языковых особенностей русской речи белорусов и сопоставления их с соответствующими явлениями, характерными для разговорной речи русских, с учетом особенностей русского городского просторечия, а также данных как белорусского литературного языка, так и белорусских говоров Могилевщины.

6. Как показали специальные наблюдения, структурные элементы разговорной речи образованных лиц г. Могилева во многом соответствуют нормам русской разговорной речи.

6.1. Прежде всего это касается предикативных конструкций, которые организуются по принципу инициального расположения информативно наиболее значимого в высказывании элемента. К таким конструкциям относится конструкция именительного темы. Достаточно широко в разговорной речи белорусов и русских представлено совпадение структур вопросительно-предикативных конструкций.

6.2. Гораздо реже в речи могилевской интеллигенции отме-

чены характерные для разговорной речи русских предикативные конструкции, которые состоят из информативных центров, объединенных в одно целое при помощи общего члена, синтаксически связанного с обеими частями высказывания (сестра прислала письмо я получила).

7. Вместе с тем обращает на себя внимание локальная окрашенность некоторых предикативных конструкций.

7.1. Особенно значительными среди них являются высказывания, структурная схема которых представлена именительным падежом существительного в сочетании со словом что, расположенных в абсолютном начале (что другие пьесы у них) (они совсем плохо поставлены). В большинстве случаев описываемые конструкции используются в речи с целью выразить отрицательно-пренебрежительное отношение к предмету беседы. Широкая распространенность этой конструкции в данном регионе делает ее вариативной нормой наряду с известной русской разговорной конструкцией именительного темы, в которой оценочно-качественное значение выражается с помощью суперсегментных средств.

7.2. К нормированным вариантам словоупотребления относятся также словосочетания пространственного значения, структурная схема которых включает глаголы движения или определенного действия и существительные, обозначающие исходный пункт движения или места действия, с предлогом с (со) в соответствии с русской конструкцией с предлогом из (я ее выпускала с восьмого класса).

7.3. Регионально окрашенными, но малоупотребительными являются словосочетания, называющие процессуальный признак говорения, мысли, чувства, восприятия и соответствующий объект, на который направлено действие. Структурная схема этих словосочетаний выражена глаголом говорения, мысли, чувства, восприятия и управляемой формой существительного в винительном падеже с предлогом за (за журналы они ничего не говорили). Эти конструкции воспринимаются как свидетельство недостаточного владения билингвом русской разговорной речью.

7.4. Ненормированными для данного региона являются употребляемые также под влиянием местных диалектов объектные словосочетания, структура которых представлена глаголами забыть или забывать и существительным в винительном падеже с предлогом на (она уже и на учеников своих забывать стала).

8. Исследование специфических особенностей русского разговорного синтаксиса речи интеллигенции г. Могилева свидетельст-

вует о достаточном овладении билингвом русской разговорной речью и о незначительной ее локальной окрашенности. Причина этого, на наш взгляд, заключается в большом количестве общих черт в синтаксических системах русского и белорусского языков.

Л.А.КЛИМКОВА (Гомель)

ДЕРИВАЦИЯ ПОСЕССИВНЫХ АДЪЕКТИВОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

В современной лингвистической науке важное место занимают проблемы изучения диалектного словообразования. Описание фактов региональной деривации позволяет решить ряд важных теоретических вопросов, касающихся современного состояния словообразовательной системы общенародного языка, а также тенденции ее развития.

Наблюдения над деривацией посессивных адъективов в народных говорах в сопоставлении с литературным языком дают возможность выявить определенные специфические черты диалектной словообразовательной системы. Среди них можно назвать следующие: 1) большой набор словообразовательных формантов с посессивным значением и отсюда большая продуктивность посессивной деривации в целом; 2) форманты со значением принадлежности обладают более широкими комбинаторными возможностями, что ведет в конечном счете к возникновению производных суффиксов, несвойственных литературному языку; 3) явление словообразовательного варьирования представлено значительно шире, чем в литературном языке.

В говорах функционируют словообразовательные модели, неизвестные литературной деривационной системе, поскольку в состав их входят специфические диалектные форманты: -ив- (пчеливый), -йов/-йев- (братьев), -нѣв- (мужнев), -йин- (братьин), -инн- (гусинный), -ейн- (мурашейный), -ен- (сестрен). Большая продуктивность посессивной деривации в диалектном языке обусловлена не только количеством формантов, но и известной свободой их сочетаемости с производящими основами. Диалектам характерно производство притяжательных прилагательных от несвойственных литературному языку основ (клевичий от клевитка, кочетинный от кочет, ушканычий от ушкан), а также большая свобода сочетаемости аффиксов с образующими основами (деверьин, мужьин, сыннин

и сынн). Кроме того, ряд словообразовательных элементов, общих для литературного языка и говоров, проявляют в последних большую продуктивность, обладают способностью присоединяться к более широкому кругу основ.

В диалектном словообразовании широко распространены производные суффиксы с посессивным значением, отсутствующие в литературном языке. Большими комбинаторными возможностями обладают морфемы -ов/-ев, -ин-, -ий-, -ск-, которые могут находиться между собой в различных комбинациях: -инов (папинов), -овьев- (отцовьев), -овнев- (братовнев), -евин- (коневин), -инин-(гусинин), -инск- (сестринский), -иний- (пчелиний).

В ряде говоров широко представлена следующая словообразовательная модель: суффикс -ск- присоединяется к производным основам, имеющим суффиксы -ов- или -ин-, причем -ск- не вносит каких-либо дополнительных оттенков значения принадлежности (зятин - зятинский, женихов - жениховский, зверин - зверинский).

Народные говоры дают обширный материал для наблюдений над явлением словообразовательной вариантности, позволяют делать определенные выводы о причинах этого явления. Вариантность на уровне словообразования особенно характерна для говоров. Варьирование широко представлено и в сфере притяжательных и притяжательно-относительных прилагательных. Здесь оно чаще всего осуществляется за счет большего набора суффиксов с посессивным значением, а также большей свободы их в сочетании с производящими основами: петушиный - петуший, куриный - курий, заячий - зайчачий, налимий - налимный, ковиный - конский, олений - оленский. Реже варьирование осуществляется за счет производящих основ (девий и девичий). Словообразовательное варьирование в сфере посессивных адъективов может определяться и рядом других причин, однако основной является, по-видимому, устное функционирование говоров и связанная с этим некодифицированность региональной деривации.

Ф.Д.КЛИМЧУК (Минск)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ НАЗВАНИЯ "ПОЛЕСЬЕ"

Апеллятив полесье (бел. палессе, укр. полісся) в восточно-

славянских языках обозначает лесистую и низменную местность. Географическое название Полесье служит для обозначения восточнославянской области, включающей юг Белоруссии, север Украины и прилегающие районы РСФСР. Рассмотрим особенности географических характеристик - лесистости и низинности - апеллиатива полесье, относящихся к области Полесье. Укажем их современное состояние, полагая, однако, что в таких противопоставлениях, как "повышенная и пониженная лесистость", "сильная и слабая заболоченность", в известной степени нашли отражение ситуации прошлого.

В Белорусском Полесье лесами занято 40% территории. Однако в отдельных регионах этот показатель существенно отличается. Повышенной лесистостью отличается центральное Белорусское Полесье - западная Гомельщина, до р. Березины, и северо-восточная Брестчина, до р.р. Ясельды и Горыни (лесистость 50%), а также крайний юго-запад Брестчины (гл. обр. Малоритский район; лесистость более 40%). К регионам с пониженной лесистостью относятся основная часть Брестско-Пинского Полесья (до р.р. Ясельды и Горыни; лесистость менее 25%) и восточная Гомельщина (до р. Березины; лесистость менее 29%).

На остальной территории Белоруссии тоже выделяются районы с повышенной и пониженной лесистостью, но первых меньше, а вторых больше, нежели в Полесье. Повышенная лесистость, например, в бассейне Березины. В целом в БССР леса занимают 33,8% территории, в том числе в Гомельской области - 43,8%, Минской - 37%, Брестской - 36%, Могилевской - 34%, Витебской - 33%, Гродненской - 32%.

Четко очерчивается южная и юго-восточная граница Полесья (в УССР, частично в РСФСР), где она соответствует границе зоны смешанных лесов и зоны лесостепи. В УССР леса занимают 15% территории, в том числе в зоне 3,2%, в зоне лесостепи - 11,3%, в Карпатах - 36,6%, в Полесье - 23,2%. Повышенная лесистость в северных районах областей Волынской, Ровенской, Житомирской.

Для сопоставления приведем данные о лесистости (% территории, занятой лесом) других регионов лесной зоны Европы: в областях РСФСР - Костромской 67%, Вологодской 66%, Ленинградской 54%, Новгородской 50%, Горьковской 43%, Калужской и Московской - 40%, Ивановской 38%, Калининской и Ярославской - 36%, Владимирской 33%, Смоленской и Псковской 31%, Брянской 26%, Рязанской 24%, в Латвийской и Эстонской ССР 38%, Ли-

товской ССР 28%, в Австрии 38%, Чехословакии 33,8%, Болгарии 32,4%, Югославии 31,5%, ФРГ 30%, ГДР 27,3%, Польше 27,2%, Румынии 27%, Швейцарии 25%, Франции 20%. Таким образом, относительно повышенной лесистостью сравнительно с другими регионами зоны лесов в Европе характеризуется центральное Белорусское и северо-западное Украинское Полесье.

Вторая географическая характеристика Полесья – низинность Припятско-Деснинское Полесье в основном соответствует Полесской низменности. Говоря о болотистости (в данной работе к болотам условно относим и осушенные болота), по величине следует выделить две группы болот: первая – небольшие болота, вторая – болотные массивы. В БССР половина площади всех болот и около трех четвертей площади болот второго типа находится в Полесье. В УССР в Полесье находится две трети площади всех болот. Болота второй группы в Полесье концентрируются в основном в двух регионах, занимаемая в них до одной трети площади. Оба региона представляют собой сравнительно узкие полосы. Первый регион расположен к северу от Ясельды и Припяти и к северо-востоку от Припяти. От верховьев Нарева и Ясельды до Птичи он фактически ограничивает Полесскую область на севере. Второй регион разделяет до р. Уборть Брестско-Мозырское и Волыньско-Житомирское Полесье. В средней части оба региона расширяются, а между низовьями Ясельды и Горыни фактически соединяются.

В лесистых местах Полесья название Полесье старожилам чаще всего было неизвестно. В районах с пониженной лесистостью Полесьями называли соседние лесистые регионы, микрорегионы, области. Так, в районах Волковыска, Слонима, Баранович, Слуцка называли Полесьем теперешнее западнгомельское и северо-брестское Полесье, в Брестско-Пинском Загородье – ту же территорию, а также северную Волынь и область между Горынью и Киевом. В Загородье имелись еще “узкорегиональные” Полесья: в районе Малориты, южнее р. Тростяницы, на Кобринщине, в северо-восточной Пинщине, юго-восточнее Столина. В восточной части Пинского района жители юго-восточной его части, заболоченной, но безлесной, называли Полесьем северо-восточную его часть, незаболоченную, но сравнительно лесистую.

Древнейшие упоминания о Полесье: 1274 г. (710 лет назад) в Ипатьевской летописи и 1554 г. в “Ревизии пуш...”. Г. Воловича. В первом случае Полесьем названа территория недалеко от Копыля и Новогрудка, во втором – область между

инском и Луцком.

Слово *полесье* является славянским по корневой основе и по образованию, сравн. *поморье*, *поречье*. Очевидно, столетия назад, как и теперь, жители лесостепных и густо заселенных в лесной зоне регионов называли области и регионы с повышенной лесистостью. Есть точка зрения о балтийском происхождении слова *полесье* от названий с корнем *пол-/пал-*, обозначающих болотистые места (Е.М.Катонова). Можно допустить, что такого рода балтийские названия, близкие по звучанию со словом *полесье*, "подкрепили" в славянских говорах употребительность этого слова.

Е.С. КЛЫГИНА-ХМЕЛЕВСКАЯ
(Минск)

БЕЛОРУССКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКО- ЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В нашем многонациональном государстве русский язык выполняет почетную и ответственную социальную функцию языка межнационального общения. Это способствовало повсеместному естественному развитию национально-русского двуязычия. В условиях Белоруссии, где двуязычие близкородственное и русский язык активно используется всем населением республики, процесс взаимодействия и взаимовлияния национального и русского языков происходит более органично и благотворно сказывается на развитии обоих языков. Под влиянием русского языка постоянно обогащается лексический состав белорусского языка, его фразеология, расширяются стилистические ресурсы, совершенствуется грамматический строй. Русский язык усваивает слова, отражающие национальный колорит белорусского народа, элементы эмоционально-экспрессивной лексики.

Немалую роль в обогащении родного языка белорусов, а также русского языка белорусскими региональными элементами играет творчество писателей-билингвов, переводы на русский язык произведений белорусских авторов, а также произведения белорусских писателей, созданные на русском языке.

В творчестве писателей-билингвов лексика национального языка, как правило, более органично сочетается с общей русской языковой формой, чем в переводных русских текстах, так как "оба

языка в процессе авторского перевода непрерывно взаимодействуют, попеременно влияя один на другой" (В.Быков). Национальный колорит писателя-билингва характерен для образной системы и естественно отражается в русскоязычном тексте произведения. Для создания образа сюда включаются локальные слова и выражения белорусского языка при описании места действия (Болотные Ялины, Ведымакова ступа, Волотово и др.), антропонимы (Надея, Игнась, Янук, Алесь, Андрусь, Рыгор, Ясик, Язеп; Дуботок, Гарабурда, Пацук, бабаед и др.). Они воспринимаются как собственные имена, однако некоторые из них специфичны, например: Ведымакова ступа (бел. вядзьмак, русск. колдун, т.е. колдовское место), Пацук – фамилия-характеристика (пацук – крыса).

Особое место занимают названия одежды, национальных блюд. Они необходимы при описании жизни и быта белорусов. Так, например, полесское название одежды: андарак "вид панёвы", поршни "кожаные лапти", свитка "верхняя крестьянская одежда" употреблены В.Щедринной в переводе повести В.Короткевича "Дикая охота короля Стаха" при изображении быта полешуков без перевода. В описании наследницы Болотных Ялин – Яновской употреблены: платье со шлепами (шлейфом), тонкий рубок из белого табина (туника из ткани) и др.

Всемирно известная в Белоруссии лексема бульба не только в оригинальных, но и переводных произведениях художественной литературы используется для создания образа белоруса. Так у Короткевича прошлое белорусского народа рисуется в следующей короткой части: Несчастливая Беларусь... Добрый, покладистый, снисходительный, романтичный народ... Отдает своих героев на дыбу, а сам сидит в клетке над миской с бульбой да бруквой и хлопает глазами.

Из картофеля в Белоруссии изготавливается много национальных блюд: колдуны (в некоторых местах – тюли), драники, бабка, клёцки и др. Национальными являются мочанка, затирка, тонники и др. Например: Предлагал то блины с мочанкой, то необыкновенные "тонники" с мясом, так и плавают в масле.

Включение в русский текст белорусских слов может быть особенностью поэтики писателя.

В романе "Колесом дорога" Козько – писатель-билингв для создания образа использует белорусско-русскую синонимичку с включением диалектных слов. Фоном для раскрытия характеров

полешуков является картина сбора аистов, типичных для Полесья птиц, в дорогу, к отлету. В центре описания – синонимический ряд: бел. бусен, русск. аист, диал. антон (полесское): „Прежде времени, то ли изголодавшись, то ли предвидя холода, собираются в отлет бусаны...”

... Вот только что птицы перешептывались, терлись клювами, переминались с ноги на ногу, а сейчас налетают одна на другую, ошибаются грудью, как мужики князьборские, как полешуки, что-то не поделившие меж собой: Ровды, Бараздыки, Махахеи. Недаром буслов, аистов на Полесье называют антонами. Матвей присматривается к птицам, видит и впрямь узнает среди них своих земляков. Все они здесь, весь Князьбор в сборе”.

Изучая язык и стиль произведений русскоязычных авторов, проследится в глаза, насколько естественно, уместно и гармонично входят элементы родного языка в русский текст произведения, какова частотность национальных лексем того или иного писателя, в тексте конкретного произведения, как проявляются особенности стиля автора в приемах введения национальной лексики, топонимов, в использовании антропонимии, “говорящих” собственных имен, национальной фразеологии, в системе сравнений, в синтаксисе и др.

Так, например, в романе белорусского писателя Герчика “Обретение надежды” на всем протяжении в русскоязычном тексте употребляются белорусские лексемы криничка, криничный, вместо родник или источник. В представлении читателя-билингва это вызывает живое восприятие образа живой природы: Криничка пробуравила землю. Вода в криничке была прозрачной. Таня была свежей и румяной, словно умылась криничной водой.

Подобные образы закрепляются в русском языке и становятся общепонятными в нем лексическими единицами.

И.И. КОБЫШ (Гомель)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕРИВАТЫ С МОДИФИКАЦИОННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ПОДОБИЯ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В русском и белорусском языках в системе субстантивов с модификационным значением подобия значительное место занимают дериваты, являющиеся результатом переносного значения, ме-

тафоризации, основанной на ассоциативных связях по подобию, сходству. Широко используются названия живого организма для наименований неживого предмета и наоборот. Наиболее значительно представлены названия живых существ или частей живого организма. К ним относятся:

а) названия живых существ: русск. и бел. кошка "род железных шипов"; "небольшой якорь" (спец.); русск. журавль, бел. журавель (у колодца); русск. ерш, бел. ерш "вид щетки"; русск. и бел. бык "промежуточная опора моста"; бел. бусел "высокая бутылка"; барак "двухручный рубанок";

б) названия частей живого организма: русск. голова, бел. галава "передовой отряд, передняя часть отряда, колонны"; русск. ухо, бел. вуха "у некоторых предметов: ручка"; русск. горло, бел. горла "верхняя суженная часть сосуда"; русск., бел. крыло "крыло самолета"; русск., бел. хвост (у летательного аппарата); русск., бел. палец (в машинах, механизмах).

В русском и белорусском языках нередко используется субстантивы с предметным значением для наименования частей тела живого организма: русск. сосуд, бел. сасуд "трубчатый орган"; русск. и бел. труба "канал в организме"; русск. и бел. лала "ветвь хвойного дерева"; русск. и бел. дупло "отверстие, дырочка в зубе"; русск. яблоко, бел. яблык "шарообразное тело глаза"; русск. таз, бел. крыж "часть скелета".

Перенос значения по подобию (сходству) представляет собой часто семантическое явление. Метафоризация основывается на различных ассоциативных связях. Наиболее многочисленными являются следующие группы: а) по подобию формы, внешнего вида: русск. и бел. нос (корабля); русск. раковина, бел. ракавіна (ушная), журавль, бел. журавель (у колодца); б) по сходству местоположения (в некоторых случаях по местоположению и внешнему виду вместе): русск., бел. хвост, крыло (самолета); русск. голова, бел. галава (отряда, сыру); в) по сходству выполняемых функций: русск., бел. мост (сооружение), мост (у механизма), мост (в стоматологии) – функция соединения, поддерживания; русск., бел. кулак (у человека), кулак (деталь в машине) – способность двигаться, приводить в движение.

Кроме вышеназванных подгрупп, в русском и белорусском языках широко представлена группа семантических дериватов, которые дают характеристику, оценку человеку словами, называющими различные предметы, растения, животных, например: а) предме-

русск. дубина, бел. дубіна – о тупом, глупом человеке; русск. бык, бел. мяшок – о неповоротливом, неловком человеке; б) растения: русск. дуб – о тупом нечутком человеке; бел. дуб – о высоко-крепном человеке; в) животные: бел. авечка – о несообразном, глуповатом человеке; русск., бел. барбос – о злом, глупом человеке; русск. медведь, бел. мядзведзь – о неуклюжем, неповоротливом человеке; русск. выдра – о худой и некрасивой женщине; бел. выдра – о злой и неуживчивой женщине.

Широкое использование в языке – в русском и белорусском семантических дериватов обуславливается законом экономии языковых средств и подтверждает вывод о том, что метафоризация является одним из основных средств развития лексики, важнейших способов семантической деривации как в русском, так и в белорусском языках.

Р.М.КОЗЛОВА (Гомель)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОЛЕССКОЙ ЛЕКСИКЕ

1. Полесск. кокань, –кня м., кокень, –кня м. "ноготь" (Шталява 83; Беларуская мова і мовазнаўства. Вып. 1У. Мн., 1976, 40), насколько известно, этимологически не анализировалось. Соответствия для этого слова в современных славянских языках не обнаружены. Памятники ранней славянской письменности зафиксировали формы, которые можно рассматривать как соответствующие для исследуемой единицы: ст.-сл. *кѣкънѣ* м., *кѣкънѣ* ж. "голень, бедро" (*Slovník staroslovenského jazyka*, 15. Praha, 1967, 91). Это позволяет квалифицировать их как реликтовые единицы в лексической системе славянских языков и предполагать исходное для них праслав. *kokъnъ. Относительную древность этой единицы в языке белорусов может засвидетельствовать факт использования ее в качестве антропонима Кокань (Бірыла М.В. Беларуская антрапанімія. Мн., 1969, 211).

Структура и семантика белорусского и старославянского слова дает возможность связать их с такими славянскими лексическими единицами, как бел. диал. кокань, –кня, кокыць, –кця, коць "ноготь" (Носович 246; Бялькевіч 229), русск. диал. кокоть "ноготь", "длинный ноготь", фольк. царь Кокоть (СРНГ 14, 100), укр. кокоть "ноготь", для которых уже Ф.Миклошич предположил прототип *kokъtъ, не указывая, правда, их дальнейшие генети-

ческие связи (Miklosich 123), в.-луж. *kocht* "чертополох, бодяк" (Pfuhl 265) и др. Генезис праслав. *kokъnb и *kokъtb, на наш взгляд, целиком раскрывается в и.-е. гнезде **kek-* "гнуть, сгибать". Первоначальное значение архетипа *kokъnb - производного с суффиксом - *ъnb* - было "нечто изогнутое, выступ", из которого закономерны вторичные "коготь", "ноготь" или "бедро, голень".

Существование праслав. *kokъnb может подтверждать также структурно параллельная форма *kosъnb - производное с суффиксом - *ъnb* от той же основы (**kok-*). Восстановление праслав. *kosъnb можно обосновать рядом славянских лексических фактов: русск. диал. *кочень* "колючка, шишка", "кочерыжка", "корень капусты", "уключина", "маленькая ручка косы", "кочни мн. "заостренные палки, стягивающие кольца, которыми скрепляют бревна плота" и др. (СРНГ 15, 125-126), антропоним *Кочень* (Тупиков 259), бел. диал. *качаніцца* "свиваться в "кочень", в "клубок", "умирать" (Носович 250) - дериват от незафиксированного *кочань*, словен. *koscen* м. "кочерыжка", "стебель тыквы", "кукурузный початок без зерна" (Pleteršnik I, 417) и др.

Все рассматриваемые формы квалифицируются как производные от базовых *kokъ, *koka ж., реконструкция которых подтверждается многочисленными их рефлексам в славянских языках.

2. Полесск. гараголя "загнутая палка", с которым, по мнению Г.Ф.Шило, связано также гарагольчик "малый ястреб" - птица с загнутым клювом (Шило Г.Ф. Полесские названия птиц. - В кн.: Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1975, 233), не было предметом этимологического исследования. Поиск славянских соответствий показал, что следы этого слова имеются в кашубском языке; кашуб. *gro-golęc sa* "корчиться, сгибаться от холода", *zgrogolęc sa* "скорчиться" (Sychta 1, 363) следует рассматривать как производное от незафиксированного *grogola. Это дает возможность указать на полесско-кашубскую изолексу.

Структура названных полесской и кашубской форм указывает на общее для них праслав. **gorgol'a*, семантика которого, судя по показаниям его рефлексов, отражала идею кривизны, изогнутости, скрученности. Восстановление праслав. **gorgol'a* может подтвердить также наличие идентичной по структуре параллели в литовском языке. Имеется в виду лит. *gargolas* "буторок на пряже", исходная семантика которого была близкой праслав.

ol'a "нечто кривое, неровное, скрученное", на базе которого развилось вторичное "бугорок на пряже". Ср. в этом отношении русск. сучья мн. "неровности на полотне" и др.

Этимология исследуемого славянского слова, как и лит. *gar-las*, полностью разрешается в и.-е. гнезде **ger-* "крутить, вертеть", славянские континуанты которого, к сожалению, совсем выявлены. В деривационном отношении **gorgol'a* целесообразно квалифицировать как суффиксальное производное от основы **gǝ-*, которая в различных апофонических вариантах, связанных отношениями количественного чередования (**gorg-*/*gbrg-*), хорошо сохранилась в ряде славянских образований. Ср. полесск. *гугуля* "рогатина" (Янкова 81), укр. диал. *горгач* "разновидность гриба" (Желеховский 1, 152), болг. диал. *гъргоня* "сгорбленный человек", *сгъргушил се* "состарился", квалифицированные болгарскими этимологами как неясные (БЕР 1, 302), и др. (подлинности в докладе).

Основа **gorg-*, как и ее апофонический вариант **gǝrg-*, обычное детерминативное расширение (*-g-*) и.-е. **ger-* - "крутить, вертеть".

Н.С.КОНОНОВА (Гродно)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В современном русском литературном языке для номинации отвлеченного действия широко используются абстрактные существительные, образующиеся от глагольных основ при помощи ряда суффиксов. Среди них наиболее продуктивны суффиксы *-ние* (*-ание, -ение*). Девербативы на *-ние* занимают одно из первых мест среди других отглагольных образований. Аналогичные образования широко представлены и в белорусском языке.

При типологическом сравнении таких девербативов в русском и белорусском языках обычно указывается, что русским дериватам с суффиксом *-ние* (*-ание, -ение*) в белорусском языке соответствуют отглагольные существительные с суффиксом *-нне* (*-анне, -енне*): русск. добавление - бел. *дабаўленне*, обмывание - *абмыванне*, описание - *апісанне*, желание - *жаданне*, сокращение - *скара-*

ченне и т.д.

Однако при таком сопоставлении русских дериватов с отглагольными образованиями в белорусском языке обнаруживаются различные типы соотношений – мотивирующей основы и деривационного суффикса со значением отвлеченного действия. Эти словообразовательные элементы могут быть сходны и не сходны в русском и белорусском языках в двух планах – материальном и семантическом. С учетом сказанного возможны различные варианты соотношений между русскими и белорусскими deverbative. Среди них выделяются следующие:

1. Материальное и семантическое сходство основы и суффикса (фонетические расхождения не принимаются во внимание): русск. описание – бел. апісанне, молчание – маўчанне, сидение – сядзенне, решение – рашэнне, деление – дзяленне, плавание – плаванне и др.

2. Материальное и семантическое сходство основы при разных суффиксах: русск. действие – бел. –дзеянне, предчувствие – прадчуванне, невмешательство – неўмяшанне и др. Иногда в русском языке возможны вариантные суффиксальные образования, но из которых отсутствует в белорусском языке. Ср. русск. добавление и добавка – бел. только дабаўленне.

3. Материальное и семантическое сходство суффикса при различных материальных основах, имеющих семантическое сходство: русск. желание – бел. жаданне, наказание – пакаранне, существование – існаванне, стремление – імкненне, увлечение – хапленне, оборудование – абсталяванне, печатание – друкаванне. В некоторых случаях наблюдается минимальное расхождение в материальном выражении суффикса: русск. управление – кіраванне, получение – атрыманне, изображение – адлюстраванне.

4. Материальное несходство основы и суффикса при сходстве семантическом: русск. – порча – бел. псаванне, охота – паляванне, соревнование – спаборніцтва.

5. Возможно материальное сходство основы и суффикса в русском и белорусском языках при определенных семантических расхождениях между дериватами в целом. Так, существительное помещение в русском языке имеет два значения: 1. Действие по глаголу поместить (помещение ребенка в детсад). 2. Внутреннее здания, место, где кто-что-нибудь помещается (удобное помещение). В белорусском языке существительное памяшканне имеет только одно значение, эквивалентное второму значению в русском языке.

...ке, и не имеет значения, эквивалентного первому.

Образованиям с русским суффиксом -тие (тье), ограниченным своей продуктивностью, как правило, соответствуют белорусские дериваты на -ццё, у которых основа и суффикс совпадает и материально, и семантически. Например, русск. развитие - бел. развіццё, закрытие - закрыццё, принятие - прыняццё, шитьё - шыццё, житьё - жыццё, мытьё - мыццё и др. Только в единичных случаях возможно материальное несходство основы и суффикса при их семантической близости: русск. пожатие - бел. паццканне, рытьё - рыпанне.

Таким образом, говоря о соответствии русских и белорусских дериватов, можно отметить, что широко представлены соответствия по материальному и семантическому сходству основы и суффикса, соответствия по материальному и семантическому сходству суффикса при близких по семантике, но не тождественных материально основах. Реже встречаются соответствия по материальному и семантическому сходству основы при разных суффиксах и по семантическому сходству основы и суффикса при несходстве материальном. Случаи семантических расхождений дериватов при их материальном сходстве единичны.

М.И.КОНЮШКЕВИЧ (Гродно)

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ СИНТАКСИСЕ

1. Максимальное сходство синтаксических систем русского и белорусского языков долгое время удерживало белорусских лингвистов не только от системных сопоставительных двуязычных исследований в синтаксисе, но даже от простого параллельного описания синтаксических средств этих языков. Между тем опыт зарубежной и отечественной лингвистики (прежде всего чехословацких и украинских ученых) убедительно показал, что такое исследование необходимо, возможно и плодотворно. Доказано и то, что сопоставление близкородственных языков - это не столько выявление системных сходств и различий, сколько определение функционально-стилистических границ сходных категорий и средств. Более того, сопоставление на синтаксическом уровне невозможно без привлечения к сравнительному анализу единиц других уровней

языка, если эти единицы объединены семантическим инвариантом и эквивалентны в функциональном и коммуникативном отношении. Ср.: хата-леснічоўка – хата лесника; хата, где жывет леснік.

2. В зависимости от того, что берется за исходную точку сравнения, – грамматическое значение, функционально-семантическая категория, лексико-семантическое или этносемиотические модели, – можно выделить (вслед за Вл. Барнетом) различные типы межъязыковой эквивалентности, которые имеют место и применительно к русско-белорусским параллелям.

2.1. Системно-функциональными межъязыковыми эквивалентами можно считать некоторые формы русского причастия и придаточную определительную часть белорусского сложного предложения. Отдельные случаи употребления в белорусском языке форм типа кіруючая і напраўляючая сіла свидетельствует о влиянии русского языка скорее в сфере калькирования отдельных лексем-терминов, нежели в плане категориальных изменений.

2.2. Функциональная эквивалентность в русском и белорусском синтаксисе обнаруживается при наложении функциональных границ инвентаря синтаксических средств. В большинстве случаев эти границы не совпадают. Примером может служить эквивалентность

– белорусских согласованных и русских несогласованных определений в possessивном значении (ср.: рыбакова хата – хата рыбака; настаўнікава заувага – замечание учителя);

– союзных слов *як* – *як*: в сложном предложении (при наличии в обоих языках формально соответствующих им какой и каторы);

– *коррелятивов* в сложных предложениях с отношением обусловленности: *то – дык, то; и т.д.*

2.3. Узуальная эквивалентность в русском и белорусском языках сопряжена с особенностями становления и развития наречий в обоих литературных языках, со спецификой их лексического состава, валентностных свойств слов и др. Узуальная эквивалентность на синтаксическом уровне наблюдается в расширении сферы употребления белорусских наречных союзных слов, их более широкой сочетаемости с опорными словами в главной части. То, что для одного языка является нормой, для другого – семантическим или стилистическим сдвигом. Если для белорусского выражения *кніга, дзе напісана; да гаспаalara, дзе кватараваў* является нормой, то в русском языке им соответствует *книга, в ко-*

орой написано; к хозяину, у которого снимал квартиру.

Узуальной является эквивалентность белорусской придаточной части и русского ее конденсата – предложно-падежной формы: *пасля таго, як скончыліся заняткі – пасле занятый (из после кончания занятый)*.

2.4. Ситуативная эквивалентность касается сферы речевого этикета. Генетическое родство сравниваемых языков предопределило подавляющее сходство русских и белорусских формул речевого этикета. Тем не менее в одной и той же ситуации в этих языках эквивалентными могут быть структурно различные модели. Ср.: *Як маенся? – Как дела? Бываеце здаровы! – До світанья!* И наоборот, сходные в структурном отношении фразы не всегда эквивалентны в ситуации общения. Например, формула *Добрага здароўя!* в белорусском языке возможна в ситуациях приветствия, прощания, пожелания здоровья; в русском – только в двух последних. Ср. также обращение незрелого к незнакомому взрослому: *Дзядзька! – Дяденька!; Цётка! – Тетя!*

3. Есть основания говорить и об идиоматической эквивалентности на уровне синтаксиса текста, в котором особенно отчетливо видна специфика, “костюм” национального языка. Правда, недостаточное исследование синтаксиса белорусского текста не позволяет пока говорить о каких-либо закономерных эквивалентах на этом уровне.

В.А.КОПЫТКО (Гомель)

О ВАРИАНТНОСТИ ЛИЧНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ГОМЕЛЬЩИНЫ

Именослов Белоруссии представлен многочисленными структурными вариантами личных собственных имен, например: *Адам – Адамай, Адамец, Адамук, Адамуля, Адамчык; Аляксандр – Адзься, Алекса, Санька, Сахно, Сашко, Сашута, Сашура, Сашык, Шура, Шурка, Шурык; Леанід – Ленік, Лёня, Лёша, Лёва, Лёва, Лявоўко, Ляўко и др. (см. работы акад. АН БССР Н.В.Бирилло)*. Большинство из этих вариантов функционирует и на Гомельщине. Однако народно-диалектному языку юго-западной части Белоруссии свойственны и свои особенности. Например, здесь почти не встретишь образований с суффиксами *-ась, -есь* типа *Юрась, Він-*

цась, которые свойственны говорам запада Белоруссии (см. работы проф. П.В.Стецко).

Разговорные личные собственные имена Гомельщины обычно отличаются своей краткостью, т.е. имеют усеченную форму, однако суффиксы с коннотативным значением могут присоединяться и к полной форме имени, и к усеченной: ср. Васіль – Васіль-ко и Вас-ёк, Вась-ка, Вас-юта; Пётр – Пятр-ок, Пятр-уня, Пеця, Пець-ка; Аляксандр – Аляксандар-ко, Алесь – Алесь-ко. Образования от усеченной формы нередко свидетельствуют о возрастных особенностях лица. Сравн.: Белавалосы, невысокі ростам, але мошны і стройны, Васіль, ці, як яго ў маленстве звычайна называлі, Васёк, Васюта, увесь час нешта сам сабе напяваў (Всеволод Кравченко).

Словообразовательные морфемы в составе разговорных форм личных собственных имен часто выступают в качестве стилистически-экспрессивных средств. Это подтверждается и данными литературно-художественных произведений, отражающих разговорную и диалектную речь юго-западной территории Белоруссии. Например, это явление нашло свое отражение в полесской трилогии народного писателя Белоруссии Ивана Мележа: – От тут, Яўхімка, зяцік ты мой залаты! Тут твае мясечко. – Ціхо, ціхо, ты, Ганначко! – лагодна казала мачыха. – Маладую нашу Гапулечку, мабыць, адабраць хочуць! Не аддадзім яе...

Разговорные формы личных собственных имен в народно-диалектном языке Гомельщины нередко выполняет функцию прозвищ и фамилий. В связи с этим возникает необходимость выяснить, какие из них продолжают функционировать в народно-диалектной речи в качестве имен, а какие приобретают функцию фамилий. Наибольший интерес в этом отношении представляет разговорные формы имен с формантами –ко, –ка, –ук, –юк, –ец, –чык. Отмеченные форманты, как показывает собранный материал, выполняют ту же функцию, что и патронимичные суффиксы –оў (–ёў), –ін (–ын) в фамилиях.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМСНИМИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В современной общей лексикологии выделяются два вида различий между значениями фонетически тождественных языковых единиц одного и того же лексико-грамматического разряда:

1) семантические отличия при наличии связи между различными значениями ("общий признак", "общность семантического ядра", "смысловая стержень", "внутрисловный план мотивированности", "непрерывность внутренней формы", "семантическая цепь", "линейная реакция", "соподчиненность значения", "инвариантное значение", "структурная связанность" и т.д.) – это многозначность и полисемия;

2) семантические отличия при отсутствии "смысловых точек соприкосновения", "промежуточного звена", "ассоциативной связи" между значениями, "междусловного плана мотивированности", "соединимости", "совместимости", "сближаемости" значений и др. – это омонимия.

2. Семантические отличия отражают соотношение одного означающего с несколькими означаемыми. Одна и та же форма оказывается полисемантической, но внешнее сходство построения не означает полного тождества структуры. При омонимии замечается "удвоение", "утроение" звуковой оболочки и особый вид асимметрии между планом выражения (звуковая, материальная оболочка, физическая форма) и планом содержания (значение, функция). При полисемии не наблюдается прямого соответствия между означающим и означаемым, но одна звуковая оболочка (не "удвоение", не "утроение") может соответствовать нескольким элементам содержания.

3. Как считают некоторые лексикологи, полисемия и омонимия пронизывают весь язык, все "уровни" его структуры, все его звенья, а весьма широкое распространение этого явления характеризует одно из важнейших отличий человеческого языка вообще, складывавшегося стихийно на протяжении веков и тысячелетий, от "искусственных семиотических систем", созданных по произволу человека.

4. По мере постепенного обогащения слова многочисленными номинативно-производными (прямыми и переносными) значе-

ниями, с увеличением смысловой насыщенности происходит разрушение тождественности лексемы, ее семантического единства и наблюдается противоречие между содержанием и формой его выражения. При этом условии содержание, заключенное в лексической единице, не может быть выражено одним словом, для этого нужно несколько слов, по крайней мере два. Полисемия уступает место омонимии, которая будет как бы пределом, конечной точкой развития многозначности. Значит, один и тот же звуковой комплекс выражает отношения несовместимости значений и образует не одну, а две и более обособленных систем лексических значений, которые входят в отдельную микросистему общей лексической системы языка и окончательно теряют между собой всякую ассоциативную связь и не имеют никакой семантической общности с точки зрения современного словоупотребления.

5. Образование семантических (гомогенных) омонимов в результате семантической дивергенции – явление индивидуальное для каждого слова, но не лишенное определенных тенденций, предпосылок и закономерностей и обусловленное экстралингвистическими изменениями и интралингвистическими процессами – воздействием лексической системы языка на структурные элементы, историей и особенностями употребления лексем, архаизацией или выпадением одного из значений (“промежуточного звена”), утратой “внутренней формы”, сужением или расширением семантической структуры слова и др.

6. Смысловая структура слова может подвергаться не только количественным (образование новых, утрата прежних значений), но и качественным (сдвиг смыслового центра, перераспределение соподчиненности и подчиненности значений) изменениям. Семантические изменения многообразны, поэтому трудно установить универсальные правила, охватывающие все смысловые преобразования во всех омонимических группах.

7. Омонимичность лексем этого типа подтверждается не только семантическим критерием, основным, решающим, но и формальными дифференцирующими признаками: дивергенцией словообразовательных рядов, нетождественными парадигматическими схемами, утратой морфематической членимости одним из компонентов различием основы (производная – непроизводная), неодинаковыми синтаксическими построениями и различной валентностью.

8. Возникновение омонимических образований свидетельствует

о непосредственной связи между синхронией и диахронией, которые при всей их взаимосвязи и взаимообусловленности представляют различные аспекты характеристики языковых явлений. Если наличие омонимов – явление синхронии, регламентированное только на данном этапе развития языка, то возникновение омонимов, их существование и развитие обнаруживается путем изучения языка в историческом аспекте.

9. В современном белорусском языке семантическая дивергенция наиболее распространена в системе глаголов и имен существительных, меньше – среди имен прилагательных и наречий.

10. В омонимической микросистеме белорусского языка возникновение слов-омонимов обусловлено не только семантической дивергенцией, но заимствованием (значительная часть омонимических существительных с непронизводными основами образовалась в результате заимствования) и различными структурно-словообразовательными процессами (особенно характерны для глаголов). Если в английском, французском и других языках преобладают омонимы – результат фонетического развития слов, т. е. "дивергенции", то в белорусском языке подобные омогруппы возникают редко, потому что фонетические изменения являются способом непродуктивным и пассивным.

М.А.КОРЧИЦ (Гродно)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РУССКО-БЕЛОРУССКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ В ОБЛАСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С БУДУЧИ

1. Синтаксические конструкции с будучи, упоминающиеся в школьных и вузовских учебных пособиях по современному русскому языку в связи с изучением обособленных членов предложения, до настоящего времени фактически еще не были предметом всестороннего специального исследования, тем более в русско-белорусском сопоставлении. Между тем, наблюдения над их использованием в устной и письменной речи, сопоставление с другими построениями по значению, синонимическим связям, трансформационным возможностям и т.д. позволяют выявить интересные аспекты описания этих своеобразных синтаксических образований.

2. Проводя сопоставительный анализ структурных и функциональных особенностей оборотов с будучи, мы разграничиваем два случая:

а) когда будучи является формой полнозначного глагола быть "находиться, пребывать где-нибудь": Ну, конечно, будучи в Милане, ее не минуешь (В.Кочетов); Што змянілася б, калі б заяву гэтую напісаў ўжо будучы ў лесе? (1.Новікаў);

б) когда будучи, являясь деепричастной формой вспомогательного глагола, входит в состав синтаксически неразложимого словосочетания, стоящего во главе деепричастного оборота: Он любил людей, но, будучи на редкость стыдливым, никогда об этом не говорил (И.Эренбург); Яшчэ будучы юнаком, у канцы мінулага стагоддзя, стаў на шлях рэвалюцыйнай барацьбы Казімір Петрусевіч (Я.Міско).

3. В конструкциях второго типа в качестве вещественной части, определяющей семантику деепричастной формы словосочетания, выступают разнообразные по значению имена существительные, прилагательные, местоимения, причастия и наречия или глаголы в форме инфинитива. Их эквивалентами могут быть именные и глагольные словосочетания: один из заместителей, один из общих законов, знаменательная часть речи, личная форма глагола, заслуженный отдых, слуга двух господ, неробкого десятка без вины виноватый, предоставить самому себе, довести до абсурда, сделать признание, начинать разговор и др. Позицию вспомогательной части чаще всего занимает форма будучи, изредка – сочетание будучи с зависимыми словами: будучи не в силах, будучи не в состоянии, будучи (не)способным, будучи бессильным, будучи непривычен, будучи принужден, будучи готов, будучи в готовности, будучи полон решимости и др.

4. Таким образом, в зависимости от характера частей составные деепричастные формы бывают четырех разновидностей:

а) будучи + угнетаем – будучи + прыгнітаемы; будучи + идеалистической – будучи + ідэалістычнай; будучи + предшественницей – будучи + папярэдніцай; будучи + народником – будучи + народнікам; будучи + победителями – будучи + пераможцамі і др.

б) будучи + товарным хозяйством – будучи + таварнай гаспадаркай; будучи + явлением прогрессивным – будучи + з'явай прагрэсіўнай; будучи + проведены в жизнь – будучи + праведзены ў жыццё; будучи + лучшим из лучших – будучи + лепшым з...

и др.

в) не будучи в состоянии + возразить – не будучи здоль- + запырэчыць; будучи вынуждены + признать – будучи + пашаны прызнаць; будучи уполномочены + говорить – будучи знаважаны + гаварыць и др.

г) не будучи в состоянии + вырвать с корнем – не будучи здымай + вырваць з каранем; не будучи в состоянии + поставить вопрос – не будучи ў сілах + паставіць пытанне и др.

5. Как видим, деепричастные конструкции данных разновидностей в белорусском переводе имеют аналогичные структурные соответствия. Различия касаются обычно только некоторых грамматических форм и элементов вспомогательной и вещественной частей в словосочетаниях, например: не будучи национален – не будучи нацыянальным; не будучи страданиями – не з'яўляючыся мукамі; будучи содэжыма – будучи на ўтрыманні; будучи ўспехамі – будучы ў захапленні. Синтаксические параллели нетипичных образований встречаются редко: будучи оттесняемо задній план – адціскаемае на задні план; будучи буржуазной мэрэй – якая з'яўляецца буржуазнай мэрэй; в силу традиции и прямы обманываема либералами – у сілу традыцыі і прама ашуквання лібераламі.

6. Наибольшая вариантность белорусских эквивалентов наблюдается при переводе конструкций, в состав которых входят различные вспомогательные части не будучи в силах и не будучи в состоянии:

а) не будучи в силах защитить – не будучы ў сілах абараніць; не будучи в силах продолжать идти – будучы бяссільным прадаўжаць ісці; не будучи в силах возразить – не могуць запырэчыць;

б) не будучи в состоянии вырвать – не будучы здольнай вырваць; не будучи в состоянии объяснить – не будучы ў сілах растлумачыць; не будучи в состоянии бороться – не будучы ў стане змагацца; не будучи в состоянии подчинить – не могуць падпарадкаваць; не будучи в состоянии заявлять – не маючы магчымасці заяўляць.

7. Широко развитая синонимика деепричастных конструкций в русском языке, умноженная на вариантность переводных аналогов для каждого члена синонимического ряда, свидетельствует о богатых возможностях вербального отражения одного и того же "положения вещей" при переводе.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА БЕЛОРУССКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ 20-х ГОДСВ

Предпосылкой успешного решения проблем, связанных со спецификой термина и терминологии в белорусском литературном языке, является решение ряда вопросов, среди которых: лексико-семантические и функциональные особенности термина, их обусловленность соотношениями и связями терминологической лексики с лексикой нетерминологической, источники формирования терминологии, особенности системной организации терминов и их проявление в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов на разных этапах формирования и становления терминологии, термины как результат естественного развития лексики и как итог сознательной деятельности в области терминоведения, термины в сфере фиксации и в сфере функционирования и др.

При изучении особенностей формирования белорусской национальной терминологии важно учитывать ее существование и функционирование во времени, т.е. ее включенность в исторический процесс, ее соотношения и связи с лексикой белорусского языка на каждом конкретном историческом этапе.

Терминология любого развитого языка – прежде всего “де-тище” самого языка, результат его функционального развития, естественного хода развития всей лингвистической системы и сознательного, целенаправленного терминологического творчества. Однако эти две движущие силы в формировании и развитии терминологии по-разному проявлялись и проявляются в языках, что в значительной мере обусловлено внеязыковыми факторами.

Терминологическая лексика белорусского национального литературного языка начала формироваться в начале XX в. Ее состав определяется содержанием немногочисленных книг и брошюр учебного и научно-популярного характера, что появились в дореволюционное время на белорусском языке после провозглашения царизмом так называемого “закона о свободе печати”, и содержанием различных статей, публикуемых на страницах белорусских газет и журналов того времени.

Уровень знаний человечества о природе и обществе фиксируется в языке. А поскольку в условиях социального и националь-

ного угнетения белорусского народа функциональное развитие белорусского литературного языка всячески сдерживалось и он не допускался в такие важные сферы, как просвещение и наука, в его лексической системе отразилось только обыденное знание о природе и обществе, что вытекало из чисто практического познания действительности. Названные выше издания давали отдельные фрагменты научных знаний, но поскольку эти фрагменты не составили системы, хотя бы и самой элементарной, семантические и структурные связи между лексическими единицами номинативно-терминологического характера чаще всего не сознавались, и многие из этих единиц в функциональном плане мало чем отличались от общеупотребительных слов. К тому же и в стилистическом плане язык учебных и научно-популярных текстов не выделялся особой спецификой сравнительно с языком художественной литературы и публицистики. Все эти факторы в значительной степени обусловили стихийный характер формирования терминологической лексики, особенности которой предопределялись ее материальной базой — общеупотребительной лексикой, естественным путем ее развития. Поэтому в лексико-семантическом плане слова и сочетания, что употреблялись для номинации и дефиниции научных понятий, были характерны прежде всего особенности общеупотребительной лексики, однако постепенно очерчивались также предметы терминов, как предметно-логическая, понятийная основа их семантики, тенденция к однозначному соответствию между термином и понятием, элементы системной организации терминов, хотя и проявлялись они непосредственно и не в одинаковой мере в разных изданиях и текстах.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда коренным образом изменилась судьба белорусского народа и белорусский язык получил право на свободное развитие, задача создания белорусской терминологии была объявлена одной из первоочередных, и в 1921 г. началось сознательное, целенаправленное терминовтворчество.

Главный принцип своей деятельности Научно-терминологическая комиссия определила следующим образом: "Что касается самого характера терминологии, то в основу ее брались слова, существующие в живой народной речи..." Ориентация на народную речь была закономерной, но поскольку лексика народной речи, полученная в наследство от предшествующей эпохи, оставалась тематически ограниченной и ненормированной, это пре-

доопределило широкую дублетность и вариантность в сфере специальной коммуникации, отражение в понятийном содержании многих терминов бытовой выразительности общеупотребительных слов, затемнение семантических и структурных связей между отдельными терминами, проектный характер первых терминологических словарей и др.

Таким образом, исследование терминологической лексики в белорусском литературном языке 20-х годов имеет целью прежде всего следующие аспекты:

- 1) анализ лексико-семантической системы народной речи как материальной субстанции терминотворчества;
- 2) языковые процессы, возникающие при формировании и становлении терминологических систем;
- 3) особенности проявления в терминотворчестве естественного хода развития лексики и сознательной деятельности создателей терминологии;
- 4) освоение актов терминологизации и основ системной организации в сфере фиксации и в сфере функционирования терминов;
- 5) ступени научного познания и ступени терминологизации;
- 6) пути преодоления семантических и структурных связей между терминами и нетерминами и особенности становления терминосистем.

Н.Н.КРІВЕКО (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Значительное место в словарном составе любого говора заданого языка занимает лексико-семантический пласт – эмоционально-оценочные наименования людей.

Предметом данной публикации является оценочная лексика лица (имя существительное) в говорах на территории Миорского района Витебской области.

В лексико-семантическом плане выделяется 17 групп или синонимических рядов (около 700 лексем). Лексика этих рядов не одинакова по количественному составу, семантическому объёму, принадлежности, использованию, по мере экспрессивности, в стилистическом плане.

Самым богатым в количественном отношении является класс слов для характеристики полных, толстых, физически очень сильных и здоровых людей, а также синонимический ряд лексем, которыми характеризуются бестолковые, ограниченные в умственном отношении люди.

В диалектографическом плане материал делится на группы. Одну треть данной лексики составляют локальные образования — слова, зафиксированные только в этих говорах и не отмеченные в иных языковых массивах Белоруссии. К ним относятся, например, слова брухан, вальган, гахавень, гахаўка, краснѣха, красніла, лайтубішча, лахна, мужарна, растапніа, растопа, туруша, чырваніла, кархала, недужуль, харт, худалапачка, худапольчык, тачыкала, вірдун, галавеша; рабун; халцапай; карапіш; пліта, запліта; мурзута; баслуй, бэшла, вухла, недастун, пакѣна; разумяка и мн. др. (всего свыше 220 лексем). Второе место (22,2%) по количеству существительных занимает слова, употребительные в других белорусских говорах, но отсутствующие в словарях белорусского литературного языка. К таким лексемам относятся: анекаш, гогаль; гой, здаравіня, здаравуля, ламака, лапеза, румак, таўсцоха, пахна; апоўзлік, гаргара, забледаш, кашлюн, хварун, хухрак, вірдач; галавешь; рабэйза; бяляк; грамазда, дырба; курдунель, шкет; вушмала, гразнюк; латута; вяпла, дурнѣха, халтама и т.д. (всего около 160 слов), 16% занимает лексика, которая есть в словарях белорусского литературного языка. Это, например, такие существительные, как брухач, здаравіла, здаравяк, сівак, таўстун, слабак, насач, галавач, дылда, мурза, дурніла, разумнік и мн. др. Слова, отсутствующие в словарях белорусского литературного языка, но отмеченные в произведениях белорусских писателей: здаравец, мужчынішча, пузан, пузач, таўсцюк, таўсяк; кашнел; бялюсь; дырда; гразнуля, мурзач; лахудра; дурачына; паўдурок, разінька, цоха, цоха-машоха. Слова, отсутствующие в словарях белорусского литературного языка, но имеющиеся в словарях русского литературного языка (брухан, дурадай, дурачына, недацпла, асталоп, асталопина, разіня, расцяпа, ратазёна, ратазёй, цѣна). Слова, не отмеченные, кроме исследуемого региона, в других белорусских языковых массивах, но распространенные в русских говорах: дзырда, зырда, каратуха, валасанік, балдыр, балбесіна, варыга, машоха, тармасун. Выделяется также и другие, менее значительные в количественном отношении группы лексики: слова, общие для северо-восточных

белорусских и северновеликорусских говоров (гразнуля, брухан, таўсяк, дурак, ратазей и др.); общебелорусские слова (пузач, дурніца); восточнославянские лексемы (абадранец, пузан, таўстуха, здаравяк, хрыпун, разумнік и т.д.); слова, имеющиеся в польском и восточнославянских языках (дурань); слова, которые есть в западнославянских, русском и белорусском языках (брухач); лексика, общая для западнославянских и восточнославянских языков (кудла, гарбач и др.) и т.д.

Оценочные существительные образуются в отмеченном регионе путем морфологических средств и способом метафоризации, семантически.

Морфологически данные субстантивы образуются с помощью суффиксальных формантов, нольсуффиксальным способом, префиксальным способом, способом конфикации, контаминации и осново-восложения. Для образования оценочных существительных используется свыше 80 суффиксов. Самым продуктивным формантом является суффикс -к-а. С его помощью образовано 78 существительных. Второе место по количеству дериватов занимает суффикс -ін-а (-ын-а). Посредством его образовано 47 оценочных имен. Почти во всех случаях словообразовательный формант присоединен к основам, характер которых обусловлен эмоционально-оценочной семантикой. Здесь он играет роль экспрессивного усилителя, сгущает, концентрирует эмоциональную окраску корня. Данный суффикс придает производным экспрессию чистого усиления без оттенка увеличительности. Больше всего образовательных формантов представлено одним дериватом. Таких формантов насчитывается 50. Среди них -авень, -анд-а, -арн-а, -аун-а, -ез-а, -із-а, -іль, -іс-я, -оп-а, -ос-я, -уць, -ус, -ч-а, -шн-я, -энд-а и мн. др. Почти половину из этих 50 суффиксов необходимо отнести к региональным и узкорегинальным, ибо они не отмечены даже в работе, специально посвященной суффиксальному субстантивному словообразованию в белорусском народно-диалектном языке. Второе место по количеству дериватов занимает класс нольсуффиксальных существительных. Менее значительными по количеству производных являются другие выше названные морфологические способы образования оценочных субстантивов.

По характеру базовых основ эти существительные делятся на отсубстантивные, отадективные и отвербальные. По количеству дериватов первое место (свыше 170 лексем) занимают

активные существительные. Причина активности прилагательных в образовании оценочных субстантивов кроется в обладании этой частью речи категорией качественности.

Кроме морфологических средств для образования субстантивов, служащих для характеристики людей по их внешнему виду и внутренним способностям, используется в этом регионе также семантический способ, метафоризация. Метафорические названия составляют примерно пятую часть всех оценочных субстантивов.

Л.П.КУЗЬМИЧ (Гомель)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИКИ БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Общеизвестно, что "язык фольклора тесно связан с литературным языком, потому что они имеют своей базой общенародный язык и оказывают друг на друга сильнейшее влияние" (И.А.Оссовский). Это положение в полной мере относится и к новому белорусскому литературному языку, который "формировался на нарочно-разговорной основе, отраженной в фольклорном репертуаре еще в ХУШ в." (В.В.Аниченко). Для подтверждения такой мысли возьмем на любопытные примеры.

Лексема ледавік известна фольклору в значении "холодный ветер", прасечка - "прорубь". В нормативном литературном языке названные номинации изменили свою семантику: ледавік "ледяк - скопление большой массы ползучего льда", прасека "очищенная от деревьев полоса в лесу, которая служит границей участка, дорогой".

Существительным кузавочак в языке фольклора называется "посуда для собирания ягод". Толковый словарь современного белорусского литературного языка фиксирует его в другом значении: "часть повозки, экипажа, автомобиля и под., которая служит для размещения людей или грузов". Лексемы ледавік и прасека в белорусских народных говорах нами не обнаружены, а кузавок широко распространена на всей территории Белоруссии с разной семантикой, неизвестной в произведениях фольклора: "посудина из коры для ягод", "посудина из бересты для собирания ягод", "прибор для собирания роя, сделанный из коры в виде рожка", "корзинка из луба", "шитая из одного или нескольких

кусков бересты коробочка для ягод", "посудина больших размеров, сплетенная из соломы и лозы в форме жбанка, для ссыпания зерна", "черпачок, скрученный из бересты, прикрепленной к киечку, из которого пьют воду в лесу, на сенокосе".

В исследованных нами фольклорных текстах выявлены слова, отсутствующие в современном белорусском языке и не обнаруженные в народных говорах. Сюда относятся существительные: гразліўка "небольшая грязная речка", гібушачка "зыбкая кладочка", гамонішча "шумный гай или лес", кудра "кудрявое дерево", прывёрстачка "часть версты", прыцяромачак "пристрой-ка к терему", палуднічкі "работающие люди, обеспеченные обедом", магалейка "кисет или кошелек", недавеечки "остатки после веяния льна", поўніца "полная рюмка какого-нибудь напитка" и др.

Нам представляется, что слова этого типа могли бы стать нормативными в белорусском языке, так как они наиболее полно и мотивированно раскрывают содержание обозначаемых ими понятий.

В фольклорном и литературном языках встречается лексика с одинаковой внутренней формой, но отличающиеся при этом родовыми несовпадениями и семантической структурой. В качестве примеров достаточно сослаться на слова бяроз и кур, которые в фольклорном употреблении воспринимаются как формы мужского рода, при соответствии им в литературном языке женского рода (бязроза, курьца). Слово бяроз в одной из песен обозначает "резовой гай", а кур (кура) — "петух".

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лексическое богатство белорусского устного народного творчества характеризуется не только семантической динамичностью, но и внутренней формой, благодаря которым реализуется региональная семантика во многих единицах фольклорной лексики.

В.Б.ЛАМЕКО (Минск)

РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В БЕЛО- РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

1. Вторая половина XIX века — время бурного подъема национально-освободительного движения в Белоруссии, ярко выразившегося в восстании 1863 года. Знаменем борьбы за будущее

белорусского народа в условиях жестокого военно-полицейского режима, сложившегося после подавления восстания, стала национальная литература, первоочередной задачей которой было дальнейшее совершенствование необходимого эстетического опыта и формирование белорусского литературного языка.

2. Процесс формирования белорусского литературного языка во второй половине XIX века, как в предыдущие и последующие времена, тесно связан с развитием русского языка. Элементы последнего проникали почти во все произведения белорусской художественной литературы и публицистики, чему в первую очередь способствовал тот факт, что русский язык был обязательным государственным языком на территории Белоруссии. Влияние русского языка на белорусскую литературу второй половины XIX века имело различный характер, но особенно ярко оно проявилось в лексике.

3. Писатели В.Дунин-Мартинкевич, Ф.Богушевич, Я.Лучина, А.Гуринович, А.Обухович, Ф.Топчевский и др. употребляли в своих произведениях слова со специфическими для русского языка чертами — структурными, семантическими, согласовательными типа *сідзя, стон, ручонкі, паб'яжаць, бумага, дзярэўня, атвет, гарада, слава*. Такие лексические единицы имели в белорусском языке собственные соответствия — *седзачы, стогн, ручанькі, пабегчы, папера, вёска, адказ, гарады, словы*.

4. Определение русизмов в произведениях белорусских писателей второй половины XIX века представляет собой большую трудность, что обусловлено общим происхождением русского и белорусского языков. Критерии определения заимствований в данном случае должны быть весомыми и разнообразными. Следует учитывать две основные группы критериев:

а) внешние критерии (правописание, определенные сочетания звуков, ударения, корни и аффиксы, не свойственные белорусскому языку и т.д.);

б) внутренние критерии (значения и стилистические особенности заимствованных слов, их историческая характеристика).

5. Русская лексика заимствовалась белорусскими писателями преимущественно книжным путем, так как русский литературный язык был в XIX веке официальным государственным языком в Белоруссии, а, следовательно, одним из важнейших источников обогащения белорусского литературного языка. Творчество некоторых писателей на белорусском и русском языках, а также пе-

реводы русской классики на белорусский язык свидетельствуют о тесных связях двух братских литератур во второй половине XIX века.

6. Значительная часть русских лексических заимствований проникла в произведения белорусских писателей второй половины XIX века через белорусские народные говоры. Непосредственное территориальное соседство белорусского и русского народов, экономические и культурные связи в определенные периоды истории, а также совместное расселение белорусов и русских в некоторых местах этнической территории этих народов содействовали и развитию языковых связей. Русское лексическое влияние на белорусские народные говоры в условиях распространения в Белоруссии Российской государственности было особенно заметным.

7. Русская лексика, заимствованная книжным путем, как правило, отсутствует в белорусских народных говорах и в белорусской письменности XIX века, проникшая же через народные говоры — имеется в белорусских фольклорных и этнографических записях, она изолированно ведет себя в системе белорусского словообразования (сравним, например: туча, но хмара, хмарны, хмарыцца, хмарнасць) и выступает в качестве пассивного дублера собственнобелорусской лексики (например: мысль — думка, луч — прамень, трудны — цяжкі, паследні — апошні и т.д.).

8. Заимствованиями из русского языка во второй половине XIX века белорусские писатели значительно обогатили бытовую, общественно-политическую и социально-экономическую лексику белорусского языка. При этом, бытовая лексика пополнялась преимущественно через народно-диалектные источники, остальные группы слов обогащались книжным путем. Обращает на себя внимание та особенность, что в лексической структуре современного белорусского литературного языка сохранились в основном те русские заимствования, которые пришли в белорусскую литературу второй половины XIX века через письменные источники.

В.П.ЛЕМТЮГОВА (Минск)

АРЕАЛЫ ТОПОСНОВ "ЖИЛИШЕ", "ЖИЛИШЕ-ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ" - ТИП ПОСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В восточнославянской ойконимии представлена серия непро-

и вольных и производных апеллятивов с исходной семантикой "тип жилища": изба, избушка, избище, истеба, истопка, истобка, истопище, хата, хатка, хижа, хижка, дом, господа, курница и др. Согласно показаниям письменных памятников, данному тематическому объединению лексем были присущи и некоторые другие значения. Так, например, в старорусском языке господа — "дом, хозяйство", "гостиница, постоялый двор", в старобелорусском — "крестьянский двор", в староукраинском — "дом, изба, здание".

И.В.Шадурский выделит в старобелорусском языке отдельную группу бытовых названий, которые по принципу переноса наименования с одного предмета на другой как части на целое развили значения "хозяйственный участок", "крестьянское землепользование", "крестьянский двор". В их числе дом, изба, господа, истобка, ибище. Причем, "землевание" в ряде случаев слито с понятием "тип поселения". Старобелорусские истба, истобка (—) в некоторых контекстах выступают как однодворное поселение.

Из-за нерасчлененности семантического содержания образующих основ определить семантическую мотивацию ойконимов в каждом конкретном случае невозможно. Однако, несомненно, что большинство собственных наименований фиксируют понятия, связанные с обозначением земельно-хозяйственных объектов, — "крестьянский двор", "тип поселения", "участок на месте прежнего жилища". Под истобкой, избушкой и т.д. подразумевался не просто тип жилищного строения, а одинокое поселение, (—) однодворный выселок или хутор. Название в какой-то степени совмещало в себе и топонимическую функцию (особенно в случае сочетания с фамилией или именем владельца). Наиболее же благоприятная ситуация для топонимизации нарицательного названия складывалась в условиях изменения социально-экономического статуса населенного пункта (переход в категорию иных типов поселений) или его исчезновения и повторного заселения участка.

Наибольшее число ойконимов образовано от апеллятивов с общей частью изб-: Девятиизбы, сц. Вол., Опаленная Избушка (Гари), пос. Пв., Ольгина (Избушка), д. Раг., Избёнка Еольшая, поч.Кс., Избиши (Избиши), с. Ор., Избиши, окол. Гр., Избище, д. Вит., Избиши, д. Яр., Избиха, ф. Ми., Избная, д. Яр., Избицкое (Избица), д. См., Избушечный (Артошичи), поч. Пр. и т.д. Их ареал охватывает территорию 21 губернии — Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Смоленскую, Тверскую, Новгородскую, Санкт-Петербургскую, Костромскую, Влади-

мирскую, Ярославскую, Вологодскую, Пермскую, Московскую, Калужскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую.

Следующую по количеству и территории распространения группу составляют ойконимы от апеллятивов с общей частью истоп-, истоб-, устоб-: Истопка, д. Тв., Истопки, д. Кс., Истопише, ф. Вит., Истобки, д. Мг., Истобенки, сц. Рз., Истебише, д. Вит., Истопная, д. Вол. Истопшное, д. Вол., Истобное (Стебенки), с. Вр., Истобенское, с. Вит. и т.д. Они локализованы в пределах 9 губерний – Витебской, Могилевской, Смоленской, Костромской, Московской, Вологодской, Рязанской, Воронежской и Саратовской.

С апеллятивом хата (хатка) соотносится 15 ойконимов: Губинская хата, х. Кв., Железная Хатка, в. Вит., Милоровы Хатки, х. Вн., Кривохатки, предм. Пл. Пятихатки (Новоселки), д. Хр. и т.д. Сосредоточены эти названия в Витебской, Гродненской, Могилевской, Киевской, Вольнской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской губерниях.

От апеллятива хижа (хижка) засвидетельствовано лишь 6 ойконимов: Хижа 1, д. Вит., Хижа П, д. Вит., Лизунова Хижа, д. Пск., Хижки (при д. Непознаничах), х. Вн., Хижки (при с. Кулешах), х. Вн., Хижна, с. Кв.

Спорадически отмечаются ойконимы от апеллятивов дом (Виленская, Санкт-Петербургская, Костромская губернии), господ (Могилевская, Пермская) и др.

Ареалы рассмотренных топооснов в самых общих чертах воспроизводят территорию бытования апеллятивов со значением "тип жилища", "тип жилища – землевладение – тип поселения" в пределах восточнославянского языкового континуума периоды становления на их базе собственных названий поселений и других географических объектов (примерно вторая половина XV – XVII в.в.). Они отражают общность ряда названий жилищ для трех или двух восточнославянских языков, которая в наше время уже утрачена или выступает в иных соотношениях.

Принятые сокращения

Губернии

Ви. – Виленская
Вит. – Витебская
Вн. – Вольнская

Нв. – Новгородская
Ор. – Орловская
Пл. – Полтавская

Вол. — Вологодская
Вр. — Воронежская
Гр. — Гродненская
Кв. — Киевская
Кс. — Костромская
Мг. — Могилевская
Мн. — Минская

Пр. — Пермская
Пск. — Псковская
Рз. — Рязанская
См. — Смоленская
Тв. — Тверская
Хр. — Херсонская
Яр. — Ярославская

Населенные пункты

д. — деревня
з. — застенок
окол. — околица
пос. — поселок

предм. — предместье
с. — село
х. — хутор

И.Я.ЛЕПЕШЕВ (Гродно)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОЙ РЕЧИ

Многие вопросы культуры белорусской литературной речи пока не имеют однозначного решения.

1. В учебниках и пособиях по белорусскому языку сложную форму глаголов прошедшего времени или совсем обходят, или описывают как особенность разговорного стиля. "Глумачальны слоўнік беларускай мовы" (т. 1, с. 432) дает употребление глагола быць в составе сложного прошедшего времени как норму литературного языка (без каких-либо стилистически ограничительных помет). Конфигурация этой формы в мужском роде: основной глагол + быў (вспомогательный глагол может стоять как после основного, так и перед ним); в женском: основной глагол + была; в среднем: основной глагол + было; во множественном числе: основной глагол + были.

2. В учебной и научной литературе по белорусскому языку обычно утверждается, что при числительных два, три, четыре существительное употребляется в форме именительного падежа множественного числа. Это правило иллюстрируется примерами, не вызывающими никакого сомнения: два сыны, три крыніцы, чатыры вучні. Оно, однако, требует назвать некоторые исключения из этого правила:

Д^о все существительные женского рода с ударенным оконч-

чанием в именительном падеже единственного числа и с подвижным ударением совпадают при сочетании с числительными два, три, четыре и по окончании, и по ударению не с именительным падежом множественного числа, а с родительным единственного (как и в русском или украинском языках): дзве ракі (а не дзве рэкі); 2) многие существительные среднего рода в таких случаях совпадают по окончании с именительным падежом множественного числа, а по ударению — с родительным единственного: тры вядры; 3) своеобразно сочетаются с названными числительными и некоторые существительные мужского рода: тры кані, чатыры чалавекі. Необычное "поведение" существительных в количественно-именных сочетаниях объясняется исторической изменчивостью языка — исчезновением формы двойственного числа, его вытеснением множественным числом с сохранением ударения, свойственного былому двойственному числу.

3. Еще в 1950 г. П.Глебка, называя слабым местом белорусского языка наличие в нем массы дублетных форм, писал: "Этого в нормализованном литературном языке не должно быть". Но и сейчас в нем многие слова существуют в двух и более вариантах, не различающихся ни в семантическом, ни в стилистическом отношении. Почти все они кодифицированы в ТСБМ как равноправные разновидности в пределах нормы. Это, во-первых, более 150 фонетических вариантов (типа: гнус — гнюс, дублет — дуиет, канешне — канечне, сударга — сутарга); во-вторых, свыше 200 акцентологических вариантов: дарма — дарма́, сівы — сівы́, камфара — камфарá — камфóра; в-третьих, более 100 морфологических вариантов: зала — зал, каромысел — каромысла, кішэнь — кішэня, ягня — ягнё. Существование многочисленных аналогичных дублетов не вносит в язык ничего нового. Они, несомненно, должны быть унифицированы (с учетом таких существенных критериев при кодификации нормы, как регулярность употребления того или иного варианта, речевая практика авторитетных авторов и т.д.).

4. Не нормализуют чистоту белорусской речи такие языковые средства, как 1) диалектизмы (типа быдта вместо бышам, нібы, нібыта); 2) индивидуально-авторские и фразеологические заимствования из других языков или кальки, полукальки (например: першазданны, два боты пара вместо першапачатковы, абое рабое); 3) авторские новообразования (наіў, сумнеў вместо общеязыковых наіўнасць, сумненне); 4) жаргонизмы (например: чу-

В.В. ЛЕПЕШКИН (Минск)

МИЛОЗВУЧНОСТЬ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Современный белорусский литературный язык – один из высокоразвитых языков мира, он с успехом выполняет свои общественные функции и характеризуется развитой системой норм на разных уровнях: в области фонетики и орфографии, лексики, морфологии и синтаксиса. В последние десятилетия внимание белорусских ученых-языковедов, кроме других вопросов, сосредотачивается на проблемах культуры речи. Наука о культуре речи представляет собой теоретическую и практическую дисциплину (или сферу исследований), смежную со стилями речи, которая обобщает их положения и выводы с целью воздействия на дальнейшие процессы развития языка и определения основных эстетических норм. Поэтому, несомненно, одной из важнейших проблем культуры речи является внимательное, бережливое отношение носителей языка к выбору слов в контексте (при построении предложения) с целью того, чтобы избежать немилозвучности их звучания.

Между тем, в устной и письменной практике нередко отмечаются случаи, когда мало обращают внимание на то, как звучит, насколько милозвучна та или иная лексема в словесном окружении, не возникает ли нежелательных немилозвучных, неудобных для произношения (или даже трудных) сочетаний слов. Так, у Аркадия Мартиновича читаем: Гэтае відовішча, пэўна, звычайнае пры провадах на вайну, мяне страшэнна ўразіла. В этом предложении бросается в глаза стилистическая погрешность – немилозвучное сочетание пры провадах. Исправить, улучшить мелодику этого предложения можно, употребив вместо предлога пры, который создает диссонанс, портит звукозапись предложения, близкий по значению составной предлог у час: Гэтае відовішча, пэўна, звычайнае ў час провадаў на вайну, мяне страшэнна ўразіла. Как показывают наши наблюдения, в большинстве случаев избежать стилистических изъянов в предложении, связанных с немилозвучностью сочетания слов, позволяют старательность и кропотливость в отборе слов, а также необходимость, желание внимательно прислушаться к милозвучности их при сочетаемости с другими. Случаи невнимательного отношения к звучанию слов в предложе-

нии иногда отмечаются в языке произведений белорусской художественной литературы, в основном в прозаических жанрах. У Кастуся Киреенки читаем: Застаецца яшчэ толькі дадаць, што ўсе гэтыя мясціны – ці на ціхаводдзі, ці на быстры – заўсёды багатыя ўсялякай расліннасцю. Мелодика этого предложения нарушается неудачным сочетанием повторного союза ці, который было бы лучше заменить повторным союзом або: Застаецца яшчэ толькі дадаць, што ўсе гэтыя мясціны – або на ціхаводдзі, або на быстры – заўсёды багатыя ўсялякай расліннасцю. В предложении – Адчынілі дзверцы, і з салона са смехам і ўзбуджанымі воклічамі пасяпаліся пасажыры нагромождение свистящих звуков з, с нарушает мелодику высказывания и делает предложение неудобным для произношения. А поэтому целесообразна замена некоторых слов и незначительная правка, перестроение предложения: Адчынілі дзверцы; смеючыся, з узбуджанымі воклічамі, салон пакідалі пасажыры.

Несовершенное в плане своего звучания предложение На нарадзе Корзун сядзеў зусім спакойна (В.Шитик), употребление в нем слов, которые начинаются слогом на, требует замены в предложении предлога на составным предлогом у час, что не ведет к изменению смысла высказывания: У час нарады Корзун сядзеў зусім спакойна.

Особенно непростительны стилистические ляпусы такого типа, связанные с немилозвучностью звучания отдельных слов в предложении, когда они встречаются на страницах периодических изданий, газет, журналов. Так, в "Настаўніцкай газеце" от 2 ноября 1983 года читаем: Пытанні тэорыі літаратуры, як патрабуе праграма, вывучаюцца пастаянна, пры праходжанні праграмных твораў; Для некаторых цяжкімі аказаліся нават такія пытанні, як мнагазначныя словы і амонімы... знакі прыпынку пры простае мове. Такое нагромождение звуковых сочетаний пра, пры, про результат языковой небрежности, невнимательного отношения к богатству лексического запаса родного языка. Даже неопытный глаз заметит эти недостатки, изъяны и сможет предложить хотя бы такой вариант правки предложений: Пытанні тэорыі літаратуры, як сказана ў школьнай праграме, вывучаюцца пастаянна, калі на ўроках аналізуюцца мастацкія творы. Исправленный вариант второго предложения: Для некаторых аказаліся цяжкімі нават такія пытанні, як мнагазначныя словы і амонімы... знакі прыпынку ў сказах з простае мовай.

Как показывает проанализированный материал, прислушиваться к милословию слов при их сочетании в предложениях, быть внимательным к выбору слова, заботиться о качестве высказывания, о точности, стилистической правильности и совершенстве – вот задачи, которые стоят перед учителями, журналистами, студентами и учениками – всеми теми, для кого родное слово непосредственное “орудие труда”. Бережливое отношение к языковому богатству, умение прислушаться к мелодике слова – показатель высокой языковой культуры человека.

О.А.ЛЕШИНСКАЯ, Л.П.ПАВЛОВСКАЯ (Гомель)

ОБ АКТИВНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

Среди вопросов, необходимых для изучения морфемики современного белорусского языка как самостоятельного учения о наших частях слова в их отношении друг к другу и к слову в целом, едва ли не самым важным является вопрос о морфонологических изменениях. В работах исследователей белорусского языка встречаемся лишь с отдельными замечаниями о явлениях такого рода или их констатацией. Тем не менее изучение результатов “морфемного взаимоприспособления” (Л.М. Шакун) позволяет задать ряд вопросов, связанных с границами морфем, их разнообразием, сочетаемостью и активностью.

При рассмотрении словообразования относительных прилагательных в современном белорусском литературном языке можно заметить, что наиболее употребительным является суффикс -ав- (-ав-, -ов-) в сочетании с мотивирующей основой существительных, например: аэраплан – аэрапланавы, бильярд – бильярдзавы, кроп – кропавы, латунь – латуневы, палы – палынавы, фартух – фартухавы и др. При этом в большинстве случаев (это можно наблюдать и в приведенных примерах) нет никаких изменений на уровне морфем. Лишь только некоторым мотивирующим основам характерно сокращение гласных -а-, -е-, -о- в сравнении с мотивирующими словами, или наблюдается чередование названных гласных в мотивирующей основе с нулем звука в мотивированном слове, сравн.: адвячорак – адвячоркавы, вянок – вянкавы, гаршок – гаршковавы, канец – канцавы, лапаць – лапцавы, маток – матковавы, паарнак – паарнакавы и др. Можно предположить, что отсутст-

вие формальных препятствий на месте соединения суффикса со словообразующей основой является одной из причин столь высокой активности этого суффикса.

Не менее широко для образования относительных прилагательных от основ существительных используется и суффикс *-н-*. Однако при сочетании его с мотивирующей основой значительно в большей степени, чем при соединении суффикса *-н-* (*-ев-*, *-ов-*), наблюдаются разнообразные морфонологические явления.

Прежде всего это различные чередования: *к - ч* (*батаника - батаничны, век - вечны, замок - замочны, кишлак - кишлачны, станок - станочны, фабрыка - фабрычны, штука - штучны, яблык - яблычны* и др.), *ц - ч* (*байница - байничны, балыница - балыничны, ваколца - ваколчны, гарчыца - гарчычны, месяц - месячны, мяцелца - мяцелчны, навальница - навальничны, суншы - сунчыны, цяплца - цяплчны, чамярыца - чамярычны* и др.), *л - л'* (*авал - авальны, валебол - валебольны, зал - зальны, кінжал - кінжалны* и др.), *н' - н/грань* (*граны, дзень - дзённы, длыя - длыны, камень - каменны, рамень - раменны, струмень - струменны* и др.), *г - ж/астрог* (*астрожны, брага - бражны, дарога - дарожны, ланцуг - ланцужны, начлег - начлежны, плуг - плужны* и др.) и др.

Для некоторых мотивирующих основ характерно явление интерфиксации. Однако исследование причин его появления не всегда подтверждает высказывание об интерфиксации как "асемантической (незначимой) прокладке" (Е.А.Земская). Если в производном кантынтальны интерфикс можно объяснить необходимостью избежать нехарактерного для нашего языка сочетания согласных *-ити-* (хотя в ряде случаев имеются и такие, например, *кантынтамент - кантынтаментны, цэмент - цэментны*), то в других возникновение интерфиксов нельзя объяснить наличием ни запрещенных законами морфологии сочетаний фонем, ни нетипичных по структуре слов, например канкулярыны, леташны, танальны и др. Здесь скорее всего преобладают лексические ограничения, поскольку образования с суффиксом *-н-* без наращивания словообразующей основы (одной и той же или омонимичной) уже имеются, сравн.: *летні* "относящийся к лету, связанный с летом, происходит летом" и *леташны* "относящийся к прошлому году; прошлогодний", *х-тонны* "вмещающий х тонн, грузоподъемностью в х тонн" и *танальны* "относящийся к тону; звуковой или цветовой".

В образовании с этим словообразовательным средством встречается и еще одно морфонологическое явление — усечение конечной фонемы, например, -т- (-ц'-), мотивирующей основы, сравн.: ведамасць — ведамасны, вобласць — абласны, капуста — капусны, маёмасць — маёмасны, шэрсць — шэрсны и др. Здесь наблюдается избежание нехарактерного для белорусской фонетической системы сочетания согласных.

Многочисленными являются производные с суффиксом -н-, в которых по сравнению с их исходными одновременно произошло несколько морфонологических изменений. Так, если в мотивирующей основе имеется на конце сочетание различных согласных с -к-, то наблюдается, во-первых, чередование к — ч, а во-вторых, в мотивированной основе появляется гласная — а-, -е- или -о-, сравн.: бэлька — бэлечны, рэдзька — рэдэчны, таблетка — таблетчыны, хустка — хустачны и др.

Наличие перечисленных морфонологических явлений свидетельствует о преодолении формальных препятствий относительно соединения суффикса с мотивирующей основой, в результате чего возрастает его словообразовательная активность. Однако сравнение только двух словообразовательных суффиксов показывает, что наличие или отсутствие при их сочетании с основой морфонологических явлений не следует связывать с понижением их словообразовательной активности.

О.А.МАЛАХОВСКАЯ (Киев)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД МИКОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЙ УКРАИНСКИХ ВОСТОЧНОПОДЕСКИХ ГОВОРОВ

1. Возросший в последнее время интерес к вопросам мотивации названий, принципам и способам номинации ставит целый ряд новых задач и перед диалектной лексикологией, так как решение таких важных общетеоретических проблем, как выявление семантического своеобразия тех или иных тематических групп лексики, проявляющегося в особенностях их номинации, степень закреплённости мотивировочных признаков за определенными тематическими группами, типология характера распределения принципов, способов и средств номинации, с одной стороны, между различными тематическими группами лексики в пределах лексико-

семантической системы одного говора, а с другой – специфика этого же распределения в одной и той же тематической группе лексики, но в различных частных диалектных системах, – невозможно без привлечения широкого диалектного материала.

2. Первым шагом к решению этих задач должно быть систематическое и по возможности исчерпывающее изучение всего относящегося сюда обширного языкового материала по отдельным тематическим группам лексики и по отдельным диалектным системам. Наше сообщение представляет собой попытку исследования особенностей номинации грибов в украинских говорах восточного Полесья.

3. В восточнополесской микологической лексике выделяются мотивированные и немотивированные названия. Последних, немотивированных названий, очень мало: гриб, печуриши, "шампидьон". Преобладающее же большинство названий грибов мотивировано. Эти названия этимологически прозрачны и воспринимаются как номинативные единицы с ясной внутренней формой. Чаще всего основой номинации послужили мотивировочные признаки (МП), отражающие наиболее яркие внешние (реже иные качественные) особенности именуемого вида грибов, характеризующие его с различных сторон, или же подчеркивающие важные для практических нужд человека его особенности.

4. С различными внешними особенностями грибов связаны такие МП: а) цвет: білы гриб "белый гриб"; білякі "грузди"; красногородці, красноголовик, красюкі, красюкі "подосиновики"; сніяк, снігі гриб, заячи гриб "грибы, похожие на боровики и синюющие от прикосновения"; синюки, сніявки, зельонкі, падзельонки, зеленкі "грибы, зеленоватого или синеватого цвета, по форме похожие на опенки"; жавтушкі; сивушкі; черняки, чернушкі; рижки, рижки "рыжик"; лисички; бури гриб "боровики"; б) общий внешний вид: вовнянки, вовнячки, валнушкі "волнушка"; сморшки "строчок"; гриб-горбач; двайчак "сросшиеся грибы".

5. С различными качественными особенностями гриба, в том числе с особенностями воздействия гриба на осязательные или вкусовые органы человека, связаны такие МП: а) физические качества: хрупакі "твердые грибы"; бабка "подберезовик"; б) признаки, указывающие на консистенцию гриба: слизюки "малуй"; малячай "грибы, выделяющие молоко"; в) вкусовые качества: гарчачки, сирюжки, сировіжки "сыроежки"; маслюки, маслята, маслянкі "маслята".

6. В группе названий, мотивированных особенностями произрастания гриба, выделяются такие МП: а) место произрастания: опенки, апята, "опенки"; махавийе грибы, махавики "грибы, растущие в мху"; вересовики, вересави гриб "гриб, произрастающий на вереске"; подорожники "грибы, растущие по дороге"; палэвик, паливийе грибы "грибы, растущие по полям"; лагавийе грибы "грибы, растущие по лугам"; пешчанки "грибы, растущие в песках"; пажаркі, пажарниці "грибы, растущие на местах лесных пожарищ"; смляники "растут возле смолевого пня"; дупляники "гриб, нарост на дуплах"; б) связь места произрастания гриба с определенной породой деревьев: палдубнікі, палдубень, палдубовики, дубовики "грибы, растущие в дубовых лесах"; паласінавік "подосиновик"; палберэзовік "подберезовик"; саснякі, саснячки, хвайвоўныя грибы "грибы, растущие в сосновом лесу"; палтуполнікі "грибы, растущие под тополем"; палвышні, палвышньовка "гриб, растущий в садах"; берэзаві гриб "гриб, произрастающий на березе, губка"; в) время, наиболее благоприятное для произрастания или созревания: выкіданнікі, вяспанікі, пуд колас грибы "грибы, появляющиеся во время колошения ржи"; житнікі "грибы, растущие во время жатвы"; вяснянкі, майські грибы, майовііі гриб "общее название весенних грибов"; асіньныя грибы "общее название осенних грибов".

7. Несъедобные грибы специальных дифференцированных названий для различных родов и видов в говорах не имеют. Для их наименования чаще всего используются общие названия: паганкі, паганайе грибы, шлохі, пегодні, отруйні, вужачкі, ужавкі, гадючкі, жабецыйе грибы, жабыўкі.

8. Рассмотренные выше мотивировочные признаки реализуются различными способами номинации: прямым, когда МП выражены непосредственно основой слова, например: красногаловік, махавік, паласінавік, житнікі, сирожкі, вовнянкі, слязюкі, гарчакі и непрямым (опосредованным), когда МП выражен ассоциативно, через образное сравнение именуемого гриба с какой-либо другой реальей, например, с а) животными: лисичкі, кабіла, свицюшкі; б) с другими растениями: малачай; в) с бытовыми предметами: шалка.

9. В исследуемых восточнополюских говорах преобладает прямой способ реализации мотивировочного признака.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ОСВЩЕНИЯ ГАЛЛИЦИЗМОВ В БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Записи современной белорусской диалектной речи свидетельствуют о том, что в народных белорусских говорах существует немалое количество французских заимствований. В процессе вхождения в говоры они претерпевали своеобразную адаптацию. При этом часто возникали фонетические модификации, связанные с облегчением произношения чуждых звуков и звуковых сочетаний. Это приводило к появлению значительного количества фонетических вариантов французских заимствований в белорусской разговорной речи.

Фонетические варианты слов — это формальные варианты, различающиеся отдельными звуками или группой звуков, но не связанные с семантическим (а зачастую и стилистическим) различием. Фонетическая вариативность выражается в том, что в языке одновременно существует два, а иногда и больше вариантов произношения слов, передающих одно значение.

Формальное разнообразие слов, заимствованных народной речью, объясняется прежде всего тем, что они проникали устным путем. Известно, что при устном заимствовании в отличие от книжного звучание заимствуемого слова обычно приближается к звучанию своего этимона, но нередко освоение такого слова на слух характеризуется более свободным обращением с его звучанием, что приводит к возникновению фонетических вариантов.

Фонетическое варьирование лексики французского происхождения в народных говорах объясняется и тем, что эта лексика проникла из разных источников через посредничество русского и польского языков. Сказалось также и влияние некоторых региональных особенностей произношения.

Отмечаются следующие группы вариантов, возникших в результате:

- 1) утраты начального звука: асартымент — сартымент (Каспяровіч), аграфка — графка (Сцяшковиц), люстэрка — кстэрка (Сцяцко);
- 2) появления начального согласного: азарт — газард (Гарэцкія М. и Г), армія — вармія (Носович);

3) появление гласного а между согласными при сбеге нескольких согласных: літр – літар (Сцяцко), кларнет – каларнет (Юрчанка), метр – метар (Сцяцко);

4) появления согласного в середине слова: бандзіт – бандзіст (Бялькевіч), медаль – мендаль (Шатэрнік);

5) под влиянием субституции: а) в области гласных: берэт – барэт (Сцяшковіч), вінегрэт – вінагрэт (Сцяшковіч) – вінігрэт (Бялькевіч); б) в области согласных: кар’ер – кальер (Шатэрнік), партрэт – палтрэт (Бялькевіч); в) гласных и согласных в одном слове: крэпдэшын – крамдашын (Народнае слова, 1976); магазін – магазын – маказын (Сцяцко);

6) под влиянием таких фонетических процессов, как метатеза: аграном – аграмон (Каспаровіч), ассимиляция и диссимиляция: катлета – каклета (Бялькевіч), плomba – блонба (Шатэрнік), рэвальвер – лівальверт (Бялькевіч);

7) под влиянием дзеканья и дзеканья: артыст – арціст (Бялькевіч), тэатр – цятр (Шатэрнік) – цятр (Юрчанка);

8) под влиянием слоговой ассимиляции: далікатэс – дзілікатэс (Бялькевіч), дэлегат – дзілігат (Бялькевіч);

9) под влиянием упрощения группы согласных: партрэт – патрэт (Сцяцко), вакантны – вакатны (Сцяшковіч);

10) того, что одни и те же французские заимствования проникали и через польский, и через русский языки: атэль – гатэль (Шаталава), бутэлька – бутылка (Бялькевіч).

Рассматриваемый материал показывает, что, принимая в свой состав иноязычное слово, диалектная речь как бы автоматически отталкивает чужие, непривычные для нее звуки и звуко-сочетания. Для галлицизмов в диалектной речи характерно сильное аканье, дзеканье и цеканье. Тот факт, что в процессе освоения часто возникают фонетические модификации, связанные, в основном, с облегчением произношения заимствований, содействует широкому варьированию их в народных говорах.

В.В.МАРТЫНОВ (Минск)

О НОМИНАЦИИ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Известные расхождения в лексике балтийских и славянских языков касаются в равной степени названий диких животных, хо-

тя в этой области переименование проходит по специфическим причинам, возможно, связанным с табуизацией.

В таких условиях прямолинейное соотношение славянских и балтийских лексем лишено смысла. Известный пример: лит. *lo-kyš*, латыш. *lācis*, др.-прус. *clokis* "медведь" при прасл. *medvědb* 'тж' не означает отсутствия славянских параллелей к балтийским формам. Для прус. *clokis* < *tlokis*, указывалось соответствие к последнему в прасл. *dblaka* (*tblaka*) "шерсть животных". Первоначально эта лексема могла иметь значение "медвежья шерсть" (ср. *koža* "кожа" первоначально "козья кожа"). Поэтому *vblkodlakš* "волкулак" получил уже вторично значение "с волчьей шерстью". Заменившее балто-славянское название медведя *medvědb*, возможно, возникло под иранским влиянием, учитывая большую продуктивность сложных слов с первым компонентом *madhu* - в индо-иранских языках. В санскрите, например, существует по крайней мере три названия пчелы с такого рода первым элементом и цельнооформленная лексема *madhuvád* "сладкоежка".

В отличие от названия медведя, для названия волка сохранилось не только балто-славянское, но и индоевропейское название.

По-прежнему загадочным является славянское название лисы. Прасл. *lisъ*, несмотря на все ухищрения не удается соотносить с лат. *volpes*, лит. *lāpė* и др. Более вероятной представляется следующая этимология: прасл. *lisъ* ~ *lisiti* (ср. кашуб. *lēsēc* "идти по следу, следовать"). Тогда эта группа слов соотносима с прагерм. *leisan* "попасть на след" (ср. гот. *lais* "я знаю"), *lisa* "след". Если бы прасл. *lisъ* было исконным, то оно должно было перейти в *lixъ*. Кроме того, общеизвестно, что прасл. *lbstъ* "хитрость" является германизмом. Таким образом, предполагается, что и *lisъ* "хитрый" (ср. серб.-хорв. *lišac* "хитрец"), и *lbstъ* "хитрость" германского происхождения. В результате семантический переход на славянской языковой почве был *lisъ* "хитрый" > *lisъ* "лис", а не наоборот. Номинация лисицы была проведена по наиболее характерному для нее призыву.

О ПРИЧИНАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ БЕЛОРУСИЗМОВ В
ПЕРЕВОДАХ БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

БССР относится к числу республик с наиболее развитой формой близкородственного двуязычия, что предопределено генетическим родством и сходством структур белорусского и русского языков. Широкое распространение белорусско-русского двуязычия обусловило высокую степень владения русским языком белорусскими носителями, попеременное использование белорусского или русского языков в зависимости от ситуации общения; возможны довольно свободные переходы от одного языка к другому. Следствием этих особенностей является наличие взаимных проникновений языковых элементов из одного языка в другой.

Основная проблема, возникающая в связи с изучением двуязычия, сводится к интерференции. Исходя из предложенных А.Е.Супруном моделей порождения текстов на двух языках (модель автономного порождения текстов и модель совмещенного порождения текстов), интерференцию можно определить как неосознанное, бесконтрольное использование элементов одного языкового устройства при построении текстов на другом языке.

Рассмотренные белорусские языковые элементы в переводе романа В.Короткевича "Черный замок Слышанский" (переводчица В.Шедрина) дают основание разделить их на две основные группы:

1) белорусизмы, используемые для создания дополнительной смысловой, эмоционально-экспрессивной нагрузки художественного образа, для речевых характеристик персонажей, для создания национального, исторического колорита (байка, бульба, гомонить, гребля, кутняя башня, Слуцкая брама, молодик, обрыднуть, поплечник, рапуха, спарыш "два глиняных горшочка, соединенные вместе" - см.: Т.Ф.Сцяжковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. - Мн.: Навука і тэхніка, 1972, с. 456; струбить, трохи, трошки, хата, шлях, бывай, батька, примак, нехай). Белорусизмы сохранены в некоторых фразеологических единицах. Это обусловлено желанием передать ритмическую оформленность последних (в храме как в краме) и тем обстоятельством, что фразеологизмы по сравнению со словом слишком своеобразны

явления, находящиеся в более сложных соотношениях, труднее поддаются идентичному переводу (от радости и Кузьму батькой назовешь; коты драть "царапаться"). Группа имен собственных играет большую роль в передаче национального колорита (Антось, Антоська, Вар — кличка собаки, Владак, Игнась, Микола, Михась, Ничипор Рыгор, Тодор, Сальвесь, Юльян).

Вышерассмотренные белорусизмы целесообразно назвать термином "функционально обусловленные белорусизмы".

2) белорусизмы, появившиеся в переводе в результате интерференции, которая в данном случае определяется недостаточно четким противопоставлением особенностей структур обоих языков:

а) не учитывается круг значений, передаваемых белорусской и русской лексемами, напр., бел. акалець "эмерзнуць, мощна азябнуць; памерці" и русск. околеть "умирать, издыхать", в результате находим выражение "ноги околели";

б) не учитывается стилистическая окраска сохраняемых белорусских лексем (загодя, аж), что приводит к известной снижению авторского повествования. Такие словоупотребления относятся к группе функционально необусловленных белорусизмов.

Таким образом, наличие белорусских языковых элементов в переводе можно объяснить двумя причинами:

- 1) белорусско-русской межъязыковой интерференцией;
- 2) осознанным использованием переводчиком белорусизмов.

Г.Н.МОЛОЖАЙ (Брест)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПЕРИФРАЗЫ В БЕЛОРУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗАПИСАННЫХ НА БРЕСТЧИНЕ)

1. Крылатой мудростью народа перифрастически называют устнопоэтические произведения, передающиеся из поколения в поколение как достояние духовной культуры белорусов. Наблюдения над этими произведениями дают интересный материал для исследования сложных проблем становления и функционирования белорусской фразеологической системы, для характеристики образных средств современного литературного языка.

2. Перифраза — активное стилистическое средство белорусской литературы — употребляется и в разговорном языке, и в фоль-

елорных произведениях разных времен. А.Шлюбский в "Матэрыялах да вывучэня фальклэру і мовы Віцебшчыны" (1927) говори́л о том, что первый поезд в Полоцком уезде крестьяне называли "чортавай кабылай". А это строки из песни, которую знают в различных местах Белоруссии: Не пайду за такога, што барадок козе, а пайду за такога, што сеюцца вусы". Преимущество перифразы над обычным словом в том, что она не только называет определенное явление, но и сразу его характеризует через описание особых примет, свойств: друг вячальны – муж, (в)огненная страда – молюня, заплучнуць вочы навекі – умереть, панасці пад мячы галовы – уйти на войну.

3. Если описательное название повторяется в устном или письменном языке, оно становится традиционным; такая перифраза – "потенциальный" фразеологизм. На первый взгляд кажется, что в фольклорных произведениях, которым так свойственны традиционные (постоянные) эпитеты, общепозитивские метафоры, устойчивые сравнения, немало и традиционных перифраз, однако они единичны и преимущественно устарелой характеристичности: бо́жы дар – хлеб, бо́жа пасцелька – могила, лясны хазяін – леший, учыніць славу – прославить, танок весці – танцевать. В закличаниях традиционно употребляются перифразы, семантика которых обуславливается метафорическим значением слова "царь" и прямым значением зависимого прилагательного: цар вадзяны – водяной, цар лясавы – леший, цар палявы – полевой, цар дамавы – домовый; сравн. в литературном языке: цар звяроў – лев, цар пушчы – зубр, цар (король) грыбоў – белый гриб, боровик.

4. Перифраза не одинаково часто употребляется в различных фольклорных жанрах. Перифрастическими выражениями пользовались в закличаниях, причитаниях, погребальных песнях, там, где стремилось выразительно выразить мысль, описательно назвать обычно нежелательные явления жизни. Встречаются перифразы в солдатских песнях, в которых рассказывается о том, как мать (жена, невеста) узнает о смерти сына (мужа, любимого). В песне, записанной Д.Г. Булгаковским на Пинщине "конік воронэнькі, к которому обращается мать, говорит, что ее сын "на місты ожэніўся, узав собі Варшавянку, – в чыстым полію жовту ямку, узав жінку на рыночку, – в чыстым полію могылочку".

Развернутые перифразы, семантика которых определяется метафорическим значением нескольких компонентов, в первую очередь метафорическим значением глаголов "жениться", "обру-

читься, "обвенчаться", свойственны не только белорусскому устнопоэтическому творчеству.

Перифрастическое описание предметов, действий часто бывает в загадках: Вісіць світа, не рукамі звіта; За белым барэзніком талалай скача; На бялянцкай жэрдачцы чырвоны пеўнік едзе. В первой загадке перифрастически называется предмет, который необходимо отгадать (паутина), во второй – перифраза (белы барэзнічок – зубы) способствует додуматься, что говорится о талалае – языке. В третьей загадке перифразе (чырвоны пеўнік – огонек) подсказывает отгадку – лучина. В каждой перифразе содержится также своеобразная загадка.

О.Н.МОРАХОВСКАЯ (Москва)

ЗАДАЧИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ДИАЛЕКТНОМУ ЧЛЕНЕНИЮ

1. Обсуждение проблемы регионов, состоявшееся в ноябре 1982 г. на расширенном совещании Ленинградского отделения Научного Совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, ставит перед лингвогеографами задачу осмысления диалектного членения национальных языков в его отношении к выделению регионов по комплексам признаков материальной и духовной культуры, фольклора, к группировкам населения по антропологическим признакам.

2. На части территории распространения русского языка, для которой разработано диалектное членение по комплексам различительных признаков, относящихся к разным языковым уровням, известны регионы, которые были когда-то выделены как местности, характеризующиеся определенным комплексом этнографических и диалектных черт. Так, к востоку и юго-востоку от Москвы есть регион, известный под названием Мещера. Регион этот привлекал внимание как этнографов (Б.А.Куфтин, Н.И.Лебедева), так и языковедов (А.А.Шахматов, С.С.Высотский, Р.И.Аванесов, В.Н.Сидоров, Т.Г.Строганова, О.Н.Мораховская, Н.Б.Бахилина, В.Т.Ваньшечкин). Последние изучали и говоры отдельных населенных пунктов, и диалектные явления на всем регионе, и характер взаимоналожения ареалов, выделяющих регион Мещеры (см. "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы").

Ред. Р.И.Аванесов М., 1957, сводные карты №№ 20, 27-29). В диалектном членении русского языка (К.Ф.Захарова, В.Г.Орлова) этот регион не нашел отражения, но представляется важным обстоятельством, что выделялся значительным комплексом "экзотических" диалектных черт и яркими особенностями материальной культуры. Языковые данные были суммированы тогда, когда еще не была изучена этническая история Волго-Окского междуречья (см. Е.И.Горонова, 1961), не были подведены итоги археологического изучения этой территории (И.Г.Розенфельд, 1982), не была изучена в достаточной мере ономастика. Поэтому нельзя считать комплексное изучение региона Мещеры завершенным, не получило оно достаточного освещения в печати.

3. Среди многих других регионов, которые могут быть выделены на обширной территории, изученной лингвогеографически (например, чухломской акающий остров или Чухлома, Смоленщина и т.п.) большой интерес представляет часть территории Калужского Полесья. В ряде говоров этого региона прослеживаются некоторые архаические языковые черты, а этнографы отмечают известную архаику в бытовании реалий одежды и другие признаки (Н.И.Лебедева. ИЭА "Русские"). Кроме материалов диалектологических атласов, для указанной территории имеется значительное число магнитофонных записей некоторых говоров, есть и более старые материалы (записи А.А.Шахматова). На факт существования этой местности как особого региона (Брянское, Калужское, Курское Полесье) уже обращено внимание (Ф.Д.Климчук, 1983). Комплексное исследование его представляет большой интерес, его задача давно назрела, собранные материалы требуют детального описания и исторической интерпретации.

А.И.НАРКЕВИЧ (Минск)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В СИСТЕМЕ ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

В живой практике под непосредственным влиянием устной речи параллельно с общеупотребительными литературно-нормативными формами широко распространены региональные, узкодialeктные формы местного падежа, свойственные отдельным группам белорусских говоров.

К числу таких форм относятся:

1. Форма местного падежа на -у, употребляемая спорадически в неличных именах существительных мужского рода с основой на твердые согласные, например: Апавяданне бабкі аб дому пана падлоўчага рабіла моцнае ўражанне на маладога настаўніка (Колас). Затое яму душа і баліць аб ільну (Самуйленок).

Появление формы на -у в этих существительных могло явиться следствием нарушения акцентологических норм в употреблении соответствующих слов, как например: Жыла ў глыбокім савецкім тылу (Ковалев). Партызаны апынуліся ў куту (Мавр).

В поэтических произведениях художественной литературы такая форма допускается иногда требованиями рифмы: Многа лет таму ў гэтым жыў даму (Купала). Нікне сонца ў чорным муту, хмаркі спуджана бягуць, і з мінуты на мінуту свет затопіць тая жудзь (Колас).

Аналогичные явления наблюдаются в словах с основой на г, х. И здесь форма местного падежа на -у выступает в художественных произведениях некоторых писателей как отражение грамматических черт, свойственных определенным белорусским говорам: Ты думаеш толькі аб сваім бярогу (Колас). Крыху ўтаймаваная туга па плугу і сывеньцы паднялася зноў (Бриль).

Значительное влияние на формы падежных окончаний существительных оказывают местные акцентологические особенности в употреблении данных категорий слов: Хаты хаваліся ў сыпучым мёрзлым снягу (Чорный). На лугу касцы сышліся летняй роснай раніцою (Бровка).

Употребление окончания -у в существительных мужского рода объясняется в ряде случаев смысловой дифференциацией определенных слов, ср.: аб поспе (арх., религ.) – на пасту, на вугле зруба – на вуглу вуліц и др. Юрка вунь з сякерай на вугле сядзіць, як сапраўдны работнік (Бриль). У вуглу ад вуліцы стаяў меншы столік (Даниленко).

То же в словах с основами на г, х; ср.: у светлым крузе – у кругу сяброў, на розе аленя – на рагу зруба и др. Нарэшце з'яўляецца ў светлым крузе партрэт самой Евы (Колас). Вечерам застаў я дзеда Мікалая дома ў кругу сям'і (Якимович). На рагу, у завулку, натоўп людзей (Скриган).

2. Формы местного падежа на -у, -ю в неодушевленных существительных мужского рода с основой на затверденье, мягкие согласные и на j: Так у маўчанні і роздуме ... аб міру і вайне мы зноў вышлі да мора (Кравченко). У гарадку на рыначным пляцу конна ехаў вайсковец (Чорный). Фурман, селянін гадоў пад

шасцьдзсят, у парваным салдацкім шынелю, трымае ў руках лейцы і шчыра цмокае каню (Бядуля).

Такие формы встречаются нередко в стихотворных произведениях и обусловлены требованиями рифмы: 1 нават нос той, дуля-груша, відаць, таксама не ў гумору і задзярэцца больш угору (Колас). Сяброў, знаёмых і радню абабяжыць ён дзесяць раз на дню (Крапіва). Трэці сын згінуў у баю за свабоду і зямлю (Купала).

3. Формы местного падежа на -ы, -і в одушевленных личных именах существительных с твердыми и мягкими разновидностями основ: Заўтра навядзеш дакладныя спраўкі аб гэтым рэвалюцыянеры (Колас). Жанчына плакала аб сваім дзіцяці, аб сваім мужы, які загінуў недзе на палях Галіцыі (Самуйленок).

Ср. аналогичные формы в употреблении собственных имен: Яна аддалася ўспамінам аб Рыгоры (Гартный). У Андрэі прачнуўся рэвалюцыяналізатар (Шаховец).

Изредка такие формы личных имен существительных обуславливаются рифмой стихотворного произведения: Двор, прымай ад людзей парагія дары, хлеб, — як добрую памяць аб гаспадары (Кулешов).

4. Форма местного падежа на -е существительных с мягкой основой: 1 марылі астры ў цудоўнаму сне аб зёлках шаўковых, аб сонечным дне (Богданович). Грэі жалеза ў агне, вымай з горына й куі! (Гартный).

5. Формы местного падежа на -э в существительном дворе при обозначении поместий, в дореволюционной Белоруссии или просторства, заключенного между хозяйственными постройками (службу ў панскім дварэ, на калгасным дварэ), и -ы при обозначении им внешней среды вообще (на двары дождж).

Для отдельных белорусских говоров, особенно юго-западных и северных областей, характерны и некоторые другие, более архаичные формы местного падежа типа аб ваўкові (ваўкеві), на лугові, пры братові, на двару, на стазе, однако в современном литературно-письменном языке они практически не встречаются.

Таким образом, процесс взаимодействия общенародных литературных и регионально-диалектных форм местного падежа продолжается и в наше время, однако удельный вес в общей системе грамматических средств языка постоянно уменьшается, и они не имеют перспектив для дальнейшего развития и закрепления в качестве общеупотребительных и нормативных форм современного белорусского литературного языка.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ И РУССКО-БЕЛОРУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ

1. Современный период характеризуется усилением интенсивности языковых изменений, что определяется общим убыстрением развития внешних факторов, определяющих семантику и коммуникативную жизнь языка. Они проявляются в первую очередь как все новая и новая информация в самых разных сферах — научно-технической, социально-общественной, политической, художественно-эстетической, которая требует своего отображения и закрепления в системе языка.

2. Развитый литературный язык обладает гибкой и объемно неограниченной системой, чтобы динамично и безболезненно запечатлеть в своей памяти и вводить в коммуникативный обиход новые знания.

Видимые изменения, отражающие этот процесс в языке, прослеживаются прежде всего на таких участках его поверхностной структуры, как появление новых слов и закрепление новой сочетаемости (ср. кризис доверия, инфляция чувств и под.).

3. В регионах соседства или параллельного сосуществования двух или нескольких языков общие закономерности языковых изменений усложняются факторами их влияния друг на друга. При этом важно не только учитывать влилингвистический фон контакта разных языков, но и исследовать внутренние импульсы, которые могут питаться истоками родного языка, но развиваются в речевой зоне би- или даже три- (как в пограничной зоне Гродненщины) —лингвизма.

4. Возникновения доминанты из двух или нескольких конкурирующих единиц языков-соседей как бы решает вопрос о дальнейшей судьбе тех единиц, которые будто бы уступают доминанте место. Однако здесь важно принимать во внимание не только лингвистическую индивидуальность, но и классификационную принадлежность, специфику коминативной структуры единицы, оттесненной на второй план. Коммуникативно ослабленная единица по отношению к доминанте из другого языка может получить мощную поддержку со стороны других многочисленных факторов структуры и функционирования родного языка, и ее будущая судьба может оказаться вполне перспективной.

5. Прогнозирование возможных изменений должно быть основано поэтому на учете (не)продуктивности, (не)регулярности

всех моделей данного номинативного ряда в каждом из сопоставляемых языков.

Важно учитывать при этом лексическую индивидуальность и другие возможные особенности межъязыкового синонимического ряда. Так русско-белорусский ряд заработок – заработак, заробак (РБС-82) включает и слова, совпадающие в обоих языках по морфемному составу. Однако предположить поэтому вытеснение морфемно одинокого слова заробак (ср. польск. *zarobek*) нет оснований, так как оно включается в “сильную” модель белорусского языка. Ср. с рус.: адпачынак – отдых, будынак – строение, выпадак – случай, занятак – занятие, здабытак (набытак, маёмасць) – достояние, ласунак – лакомство и под.

6. Русско-белорусский параллелизм распространён на большинство частных словообразовательных полей, и поэтому различие их номинативных микросистем обычно имеет второстепенный, чисто фонетический характер. Ср., например, поле “глазник, ушник, легочник... – вочник, вушник, лёгачны...”. Здесь, как и в других подобных случаях, русско-белорусской общности противостоит, в частности, польский язык: ушник – польск. *specjalista chorób usznych* (спецъялиста хоруб ушных). Структурная общность сохранится и в том случае, где будет различие мотивирующих корней. Ср. рус. беспризорник, бел. беспрытульнік, но польск. *bezdomne dziecko* (бездомнэ дзецко).

7. Если исключить факторы вневлигвистического порядка (которые потенциально всегда заключают в себе элемент случайности), то предположительно можно ставить вопрос о доминантном будущем общих для разных языков и наиболее частотных единиц в словообразовательных или семантических гнездах. Так, в белорусско-русской микросистеме “лоботряс – вісус (бездельник), абібок; бездельник – лодар, гультай; лодырь – лодар, гультай” общей единицей оказывается лодырь (лодар). Однако такое предположение не учитывает сопутствующих моментов, например, разговорность и территориальную эпизодичность слова лодырь и мотивирующую образность слова лоботряс в русском, образность и регулярность слова гультай в белорусском.

8. Большой устойчивостью по сравнению со словообразовательными или лексико-семантическими обладают межъязыковые грамматические ряды синонимов. Так, оппозиция типа накіпль – накіп, стель – стэп, полынь – палын, гарь – гар в условиях двуязычия, как представляется, не могут подвергнуться распаденю, и в литературном языке возможность несобственной формы считать доминан-

той исключена, так как это повлекло бы за собой целую цепь грамматических явлений.

9. Если процессы оживления или затухания отдельных единиц в семантических микрополях, словообразовательных гнездах, объединяющих родственные языки в условиях билингвизма, заключают в себе много неясного, то общие явления в развитии сочетаемости (п.2) очевидны. Наиболее зримо проявляется здесь и русско-белорусский параллелизм.

Более детальная и объективная картина тенденций в изменениях сосуществующих языков, которая позволяла бы судить о сохранении или нарушении между ними параллелизма, требует изучения всей совокупности факторов.

Г.Н.НИКОЛАЕВА (Гродно)

О ФОНЕМАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ ГЛАГОЛОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. В русском языке выделяется группа заимствованных глаголов с фонематической вариантностью основ типа дискутировать - дискуссировать, диффундировать - диффузировать, аннектировать - аннексировать и др. Это явление фиксируется всеми пособиями и справочниками нормативного характера и, естественно, вызывает попытки осмысления - как в синхронном, так и в диахроническом плане. В работах обычно констатируется реликтовость, строгая лексикализованность фактов подобного рода, не имеющих регулярной поддержки в системе современного русского языка, и обусловленность их появления особенностями вхождения и адаптации иноязычной лексики, т.е. явление фонематической вариантности может получить объяснение лишь с позиций диахронического анализа.

2. Сопоставление данной группы глаголов в русском языке с аналогичной группой в других славянских языках, во-первых, способствует выявлению общего и отличного в формальном статусе таких глаголов, представляющих интернациональные элементы в близкородственных языках, и, во-вторых, помогает выяснить причины вариантной в одних и/или унифицированной в других случаях их оформленности. Данная группа глаголов рассматривается в русском, белорусском, украинском и польском языках.

3. Варианты, признаваемые одинаково нормативными для русского языка, являются результатом прямого заимствования (т, д, г в основе) или новыми глаголами, образованными от субстан-

знов, выступающих в качестве мотивирующих (с с, з в основе):
дискуссировать – от основы дискуссия, наряду с ранее заимство-
ванным дискутировать; диффузировать – от основы диффузия, наряду
с более ранним диффундировать и т.д.

Вариантность рассматриваемых основ в белорусском, польском,
краинском языках словарями не фиксируется.

4. Природа данного варьирования в русском языке проявляется
наиболее отчетливо на фоне чередований согласных в глаголь-
ных основах в соотношении их с субстантивами.

Такие словообразовательные модели в значительной части вос-
ходят к латинскому языку и отражают чередования в латинских
глагольных основах *infecta* и *supina*. Идентичные чередования
свойственны и другим славянским языкам: пол. *dyskutować* –
lyskusja, бел. дыскуціраваць – дыкусія, укр. дискутувати –
дискусія (от лат. *discutio*, *cussi*, *cussum*)- обсуждать;
итал. *discussio, onis f*).

5. Именно в последовательном сохранении чередований эти-
мологического источника находит себе объяснение отсутствие ва-
риантности глагольных основ в укр., бел. и пол. языках. Основа
может видоизмениться в соответствии с фонетическими особен-
ностями национального языка, как, напр., в бел.: дыскуціраваць, по
сравнению с пол. и укр. языками, сохраняющими в основе *t* ла-
тинского этимона (ср. нем. *discutieren*-*Discussion*, фр. *dis-*
cuter – *discussion*, англ. *discuss* – *discussion*).

6. Наблюдения позволяют сделать вывод о наличии фонема-
тических вариантов в группе глаголов-интернационализмов русского
языка и отсутствии таковых в других славянских языках. Наличие
данной вариантности в русском языке, признаваемой нормативной,
несмотря на тенденцию к унификации основ, свидетельствует о си-
ле традиций, закрепившей в узусе русского языка инносистемные че-
редования.

Д.Д.ПАВЛОВЕЦ (Гомель)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВО- И ФОРМОИЗМЕНЕНИЯ ПРИ- ЛАГАТЕЛЬНЫХ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ

В соответствии с классической грамматической традицией при-
лагательное в "Грамматике словенской" (Вильно, 1596) Л.Зизания,
"Грамматике словенской правильное синтагма" (Евье, 1619)М.Смо-

трицкого и рукописной "Грамматике славянской" (Париж, 1643; Аррас, 1645) И.Ужевича рассматривалось как разновидность существительного. Прилагательному были свойственны грамматические категории рода, числа, падежа, форм степеней сравнения.

В грамматиках Зизания и Смотрицкого приведены парадигмы словоизменения двух типов прилагательных, свойственных книжнославянскому языку, — именных и местоименных, а в грамматике Ужевича — только местоименных.

Система словоизменения кратких прилагательных, представленная в грамматике Зизания, отразила процесс выпадения именных форм из адъективного склонения в дательном и предложном падежах единственного и дательнo-творительном двойственного числа мужского рода, при полном отсутствии парадигмы множественного числа: с(вя)тому, бл(а)гому; с(вя)томь и с(вя)темь, бл(а)гомь и бл(а)земь; с(вя)тыма, бл(а)гима (39). В грамматике Смотрицкого этот процесс отражен в последовательной замене форм кратких прилагательных полными: в творительном падеже единственного: с(вя)тымь (74б), бл(а)гимь (76), нишимь (78); в дательном и предложном множественного: с(вя)тымь, бл(а)гимь, нишимь; дательнo-творительном двойственного числа мужского и среднего рода: б(ла)гима, с(вя)тыма, нишима. Это свидетельствует о том, что формы косвенных падежей кратких прилагательных в функции определения были мало употребительны в местной редакции книжнославянского языка, подверженного влиянию норм народно-разговорной речи.

В системе склонения полных прилагательных заметно противопоставление книжнославянских флексий родительного падежа -аго/-яго (м. и ср.р.) и -ья/-ия (ж.р.), зафиксированных в грамматиках Зизания и Смотрицкого, восточнославянским -ого/-аго и он, известной грамматике Ужевича.

Влиянием народно-разговорной речи обусловлена кодификация параллельных окончаний -ой, -ей в дательном и предложном падежах единственного числа женского рода и -омь, -емь в предложном мужского и среднего: с(вя)той и с(вя)тей, бл(а)гой и бл(а)-зей; с(вя)томь и с(вя)темь, бл(а)гомь и бл(а)земь. При этом на первое место поставлены формы, свойственные старобелорусскому литературно-письменному языку.

Основным средством образования сравнительной степени в книжнославянском языке Зизаний считал суффиксы -ш-, -ейш-: с(вя)тейший (24б), бл(а)женнейший (25), лоучший, менший, злейший, горший (25б). Аналогично образовывалась эта форма в грам-

матике Ужевича: высокий – вышший, широкий – шерший (А., 33); стальной – сталеший, сталший; злый – горший, добрый – лепший, великий – больший (П., 176). Смотрицкий провел последовательную дифференциацию в отношении суффиксов -ш- и -ейш-, -айш-: первый из них использовался для образования сравнительной степени, а -ейш-, -айш- – превосходной (вероятно, влиянием норм грамматики Смотрицкого обусловлено закрепление и использование суффиксов -ейш-, -айш- для образования превосходной степени в современном русском литературном языке). Кроме того, Смотрицкий указывал на возможность образования в книжнославянском языке форм сравнительной степени с помощью суффикса -ей-: креплей, пространней, сильней (216). Отдельные компаративные формы, которые Смотрицкий рассматривал как книжно-славянские, были принадлежностью старобелорусского языка: малый – менший, злый – злейший (236); близкий – близший, низкий – низший, глубокий – глубший (246); дужий – дужший, легкий – легший (24).

При образовании превосходной степени Зизаний использовал приставку пре-, носившую книжно-славянский характер, а также най-, широко употреблявшуюся в старобелорусском языке и составляющую норму современного белорусского: превышший, пресвятейший (246); наименший, найгорший (256). Словообразовательным моделям с приставкой пре- Смотрицкий надавал значение оценки и меры качества: прес(вя)тый бо более может, неже с(вя)тейший; пребогатый, неже богатейший (256). Единственной нормой грамматики Ужевича при образовании превосходной степени было использование форм с приставкой най-: наибольший, найгорший, найзащнейший, найлепший (П., 17); наименший, найбачейший (А., 33).

Сопоставительный анализ слово- и формоизменения прилагательных в грамматиках Зизания и Смотрицкого с одной стороны, и Ужевича, с другой, показывает, что первые кодифицировали грамматические формы местной редакции книжнославянского языка, обусловленные воздействием особенностей народно-разговорной речи. Такой языковой синкретизм был характерной чертой языка профессиональной литературы на Белоруссии и Украине в ХУ1-ХУП вв. Альтернативные парадигмы грамматики Ужевича отразили специфические черты прилагательного и его состояние в литературно-письменном языке, которым пользовались в пределах Белоруссии и Украины в первой половине ХУП в.

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГОВОРАХ ГОМЕЛЬЩИНЫ

В гомельских говорах до настоящего времени широко распространены и интенсивно функционируют старобелорусские заимствования XIУ–XУШ вв. В количественном отношении наиболее распространенные группы составляют полонизмы (казлы, кавадла, гарнец, цэбар, гуз, хустка, булка) и проникшие через посредничество польского языка германизмы (клямар, клямка, бохан, крахмал, смалец, кнут, ворчык, фура, шляя, махляр), литуанизмы (амбар, атоса, клуня, пуня), заимствования с итальянского (жупан, коўдра, матрац), французского (сак) и др. Достаточно разнообразны они и в лексико-семантическом плане. Но, проникая в словарный состав белорусского языка, семантическая адаптация старобелорусских лексических заимствований проходила по-разному, что наиболее выразительно прослеживается на профессионально-производственной и бытовой лексике. Этот лексико-тематический ряд, особенности его функционирования в современных гомельских говорах и послужил объектом исследования.

Семантическое освоение старобелорусской заимствованной лексики в гомельских говорах проходило несколькими путями.

1. Большинство старобелорусских лексических заимствований полностью сохранили семантический объем языка-источника. С эквивалентными значениями они вошли в словарный запас современного белорусского литературного языка: паўроз (паўроза, поўрозка, поўраза, поўраз < стп. powroz "веревка", цэбер < стп. ceber, келіх < стп. kielich < ствн. cheli h < лац. calix "кубок, чаша"; андарак (індэрак) < стп. nderak < ням. Unterrock "юбка", жупан < стп. župan < ит. giuppa, камзеля, камізелька < стп. kamizela < ит. camisole, каптур (каптурок, капур) < стп. kaptur "колпак", магерка < стп. magierka < венг. magyar "шапка", фалда < стп. falda < свн. volde "складка", гак < стп. hak < свн. hāke "железный крюк", жак < стп. žak < лац. saccus "рыболовная снасть", гмах < стп. gmache < свн. gemach "большое строение", гонт (гонта, гантоўе) < стп. gont < свн. gant, клямар < стп. klamer < свн. klamer "скоба", клямка < стп. klamka < свн. klam, klame, стадола < стп. stodoła < свн. stadal "большое здание", пуня (пунька) < лит. punė.

2. Большую группу заимствований старобелорусского языка

Гомельских говорах составляют слова, семантика которых обогатилась новыми оттенками значений, в том числе и переносными: Капшук < стп. *karczuk* < тур. *karzük* ("кисет"): 1. "кисет". Дасып мне капшук табакі, сваю выкурыў да крошкі. 2. "пузырь". Гэта пузыр у нас капшучком завецца; У сярэдзіне ў рыбе е два капшукі. 3. перен. "животное" (ненасытное). Гэта карова як капшук ненасытны. Каўнер < стп. *kołnierz* < стфр. *collier* ("воротник"). 1. "воротник". У гэтай сарочцы каўнер вельмі гразны, дай другую. 2. "манжета". Каўнер прышываецца ў рукаў курты. 3. "пояс (в брюках)". Каўнер каб таўсцейшы быў у штанах, палатно прышываюць. Пас < стп. *pas* ("ремень"). 1. "ремень". Спаў пас з машыны : разарваўся на кукі. 2. "кнут". Ён вельмі добра б'е пасам. В белорусском литературном языке этим словам характерны только заимствованные значения: Дзядзька Антоць спыніўся, дастаў капшук з тытунём, скруціў папяросу, выкрасаў агонь (С.Александровіч); Каўнер ціснуў горла, замінаў гаварыць (Мележ); Глуха застукала турбіна, лягнуў пас, тонка заспяваў ненагружаны генератар (Шамякін). Интересен в этом отношении и тюркизм сундук, пришедший через древнерусский язык и активно функционирующий в гомельских говорах как в прямом (Сундыкоў цпер пасці што німа), так и в переносном значении (Такі маўчун, што слова не выб'еш, празвалі сундук).

3. Определенное место в гомельских говорах занимают заимствования с семантикой языка-источника, но неизвестные белорусскому литературному языку: Гаплічка < стп. *heftlik* < нем. *Heftel* "застежка". Тады на кажухі гаплічкі нашывалі. Кватэрачка (кватэрка) < стп. *kwatera* < свн. *quattier* "оконная рама, форточка". Адкрыў кватэрачку, душна штось. Адчыніце кватэрку, няхай паветра ідзе ў хату. Некоторые старобелорусские заимствования в говорах Гомельщины изменили семантический объем языка-источника в результате метафоризации значений по функции: Карба "палка (измерительная)". Ён атмеціў, колькі засталосу ў бочцы хлеба да вясны, і паставіў у вугал карбу. Германизм же *kērp* через польский язык (сравн. стп. *karb*) был заимствован со значением "зарубка, насечка".

Таким образом, в гомельских говорах сохранилось определенное количество старобелорусской заимствованной лексики. Большинство из заимствований сохранило свой семантический объем без изменений. Некоторые же названия, мало или совсем неизвестные белорусскому литературному языку, в процессе адаптации в общенародной языковой среде частично или полностью изменили лексическое значение. Изучение старобелорусских заимствований дает

возможность проследить пути проникновения их в белорусские говоры, в том числе и гомельские, определить особенности освоения и функционирования в разных языковых регионах.

В.Т.ПISKУН (Мозырь)

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ НОРМАТИВНОЙ КОДИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Кодификация нормы — сложный процесс: являясь объективным, находит свою языковую реализацию в речи людей, а значит в определенной степени субъективно. Среди необходимых условий кодификации нормы значение имеют многие факторы, важнейшими из которых следует признать системность языкового явления, его полное соответствие сложившимся лингвистическим закономерностям, а также характер употребления в народных говорах и в языке художественных произведений мастеров слова. Кроме того, определенная роль принадлежит экстралингвистическим причинам, в частности, осознанию общественной необходимости, исходящей из стремления кодифицировать прежде всего национально особенное, определенной эстетической оформленности того или иного языкового явления.

Отмечая нормированность, кодификационную упорядоченность современного белорусского литературного языка как наивысшей его общенародной формы, следует признать, что в его структуре и сейчас происходит процесс становления отдельных языковых норм. Многие из них, как, например, ассимилятивное смягчение согласных фонем [з'], [с'] в позиции перед мягкими согласными нашли свое отражение в качестве норм белорусской орфоэпической системы. В академическом толковом словаре белорусского языка получили фиксацию его словарный состав, в том числе и варианты лексические единицы. Морфологические и синтаксические разделы грамматики упорядочили морфонологическую и синтаксическую структуру современного белорусского литературного языка.

Однако есть ряд кодификационно не решенных проблем в орфоэпии, деривационной структуре и в отдельных синтаксических конструкциях.

Имеющаяся в языке речевая произносительная вариантность — следствие нечеткости описания орфоэпической системы современного белорусского литературного языка, ее становления и развития,

что влечет за собой наличие параллельных форм, одна из которых под влиянием живых народных говоров становится наиболее употребительной, потенциально кодификационной. Сравн., например, произносительные особенности однослоговых проклитик с согласной фонемой э : н'а быў и н'э быў, б'ас правіл и б'эс правіл. Отмеченные здесь первыми произносительные варианты соответствуют национальной специфике современного белорусского литературного языка, в котором аканье в первом предударном слоге – исторически сложившаяся языковая закономерность. Такой произносительной практики придерживаются многие из говорящих на белорусском языке, в том числе и в народных говорах.

Активно проявляет себя, особенно в последнее время, тенденция употреблять в качестве наименования женщины суффиксальные фемининные номинации типа білецёрка, доктарка, прызёрка. Последнее – результат влияния народного словоупотребления, где все более последовательно практикуются номинации таких деривационных структур. Обращает внимание широкая употребительность их в языке художественных произведений Я. Коласа, К. Чорного, М. Лынькова, П. Бровко, И. Науменко. Что же касается производных лексем типа прызёр, то они, как правило, употребляются по отношению к женщине только в официально-деловой речи, при необходимости назвать профессию, сделать описание возвышенным.

Следует закрепить в качестве нормативной синтаксическую конструкцию "пры + назоўнік у месным склоне" со значением "ка-..."; "сумесна з ...", получившая право гражданства в "Новай зямлі" Коласа, "Палескай хроніцы" Мележа, "Птушках і гнездах" Брыля, в произведениях среднего и младшего поколения писателей. См., например: 1 ужо пры печы з чапялю стаяла маці... (Колас); Каб быў пры хаце... (Мележ); Пры кім або з кім піў малако... (Брыль).

Внимательное изучение тенденций, приведение орфоэпических, орфографических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей в четкую языковую систему, учитывающую их живое проявление в народных говорах, – надежный фундамент кодификации, усовершенствования литературных норм современного белорусского национального языка.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАИМЕНОВАНИЯ ПРОДУКТОВ
ПИТАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Большинство названий продуктов питания в литературных восточнославянских языках имеют совпадение или сходство как по своей форме, так и по содержанию. Все же некоторая часть слов этой лексической группы сохраняет свой региональный колорит, свойственный только определенному языку; часть слов рассматриваемой группы присуща двум языкам и отсутствует в третьем; часть слов имеет различия или в своей форме или значении.

Так, из белорусских слов, отсутствующих в литературных русском и украинском языках, отметим такие, как буюки "голубика", вяндліна "ветчина", груца "перловка", наліснік "блинчик", скавароднік "лепешка из кислого теста" и др. В украинском языке к подобным словам относятся пундик "лакомство, пирожное", ропа "рассол", кніш "род хлеба", борошна "мука", омаста "жир, приправа", печериця "шампиньон" и др. В русском языке — слово пища, лук, клюква, окрошка, рожь, свекла, жаркое и др.

Из слов, присущих белорусскому и украинскому языкам и отсутствующих в русском, отметим шыбуля — шыбуля, бурак — буряк, гарэлка — горілка, ежа — їжа, гарбуз, цукерка и др. В украинском и русском языках имеются слова, не свойственные белорусскому: жир, лапша, перловка, пшено — пшоно и др. В русском и белорусском языках отмечаются общие слова, которые не используются в украинском: творог — тварог, болтушка — баўтушка, заливное — заліўное, клубника — клубніка, кутья — куштя, лой и др.

Некоторые однокоренные названия, имеющие общее значение в восточнославянских языках, различаются между собой аффиксами: козлинка (укр.) — казляціна (бел.), чарніца (бел.) — черника (русс.), брjúква (русс.) — брчка (бел.), морозиво (укр.) — мороженое (русс.), масляк (бел.) — маслюк (укр.) — масленок (русс.) и др.

Часть названий продуктов питания имеет грамматические различия: яблык (бел., м.р.) — яблоко (русс., с.р.), картопля (укр., ж.р.) — картофель (русс., м.р.), овоч (укр., ед.ч.) — овощи (русс., мн.ч.), бабка (укр., ж.р.) — абабак (бел., м.р.) и др.

Некоторые названия в одном языке оформляются словом, в другом — словосочетанием или описательным оборотом: кролятина (укр.) — трусінае мяса (бел.), сачэнь (бел.) — лепешка из пресно-

го теста (русск.), здір (укр.) – нутряное сало (русск.), лёк (бел.) – селедочный рассол (русск.) и др.

Отдельные слова имеют одинаковое значение, но обладают разной внешней и внутренней формой: оденки (укр.) – гушча (бел.), парэчкі (бел.) – смородина (русск.), тістечко (укр.) – пирожное (русск.), солодоши (укр.) – прысмакі (бел.) и др.

Некоторые названия по значению шире, чем в другом (других): укр. сир "творог и сыр" – русск. и бел. сыр, укр. баклажан "баклажан и помидор" – русск. и бел. яровые, ярына и др.

Отдельные слова имеют одинаковую или сходную внешнюю и внутреннюю форму, но различаются значениями: бел. поліўка "похлебка" – укр. поливка "соус", подливка", бел. смятанка "сливки" – русск. сметана, бел. смажанина "жаркое" – укр. смаженя "яичница" и др.

По всей вероятности, аналогичные отношения отмечаются и между словами других лексических групп восточнославянских языков. В этом случае как отмеченные, так и другие виды языковых отношений имеют типологический, константный характер, который может быть положен в основу одного из возможных описаний лексики восточнославянских языков.

Н.К.ПОМЕТЬКО (Гродно)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМИНАЦИИ В ПАМЯТНИКАХ БЕЛОРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XIУ – ХУШ вв.

1. Исследование военной лексики, зафиксированной в памятниках белорусской письменности XIУ–ХУШ вв., свидетельствует о том, что в старобелорусском языке функционировала развернутая система лексических средств, использовавшихся для обозначения понятий военной действительности. Основной базой для формирования старобелорусской военной лексики явился соответствующий разряд древнерусского словаря, включавший общеславянские единицы, а также наименования, возникшие или заимствованные в период восточнославянского единства. Весьма широко в данном предметно-тематическом объединении были представлены военные номинации иноязычного происхождения, заимствованные на этапе самостоятельного существования белорусской, русской и украинской народностей. Ряд военных названий, отмеченных в старобелорусских письменных источниках, могут быть отнесены к собст-

веннобелорусским образованиям, возникшим как на основе собственного, так и заимствованного материала. Единицы такого рода немногочисленны, что в некоторой степени объясняется отличием военной лексики от других систем профессиональной терминологии (напр., строительной или рыболовецкой), в которых областной элемент в значительной степени определяет общее состояние их (Ф.П.Сороколетов). В сообщении обращается внимание на некоторые особенности словообразования собственнобелорусских именных военных номинаций, выявленных в памятниках белорусской письменности XIУ-ХУШ вв.

2. Возникновение собственнобелорусских военных единиц в подавляющем большинстве случаев было вызвано необходимостью номинации понятий военной сферы деятельности человека: губганица "ручное огнестрельное оружие, в котором фитиль заменялся тротом"; валмистр "специалист фортификационного строительства"; кий "тяжелая гаковница, имевшая прямой узкий приклад"; ездные, конные "конница, кавалерия"; нанож "часть доспеха, в виде пластин, защищающих голень"; подделко "небольшое артиллерийское орудие с лафетом"; хоружый "лицо, возглавлявшее единицу шляхетского ополчения". Вместе с тем образование некоторых названий не было обусловлено непосредственно потребностями номинации, поскольку они выступали семантическими эквивалентами уже существовавших в старобелорусском языке обозначений. Подобные наименования, как правило, являлись собственнобелорусскими словообразовательными вариантами а) восточнославянских по происхождению обозначений: ст.-бел. стрелникъ - ст.-бел. стрелець < др.-русск. стрелець; ст.-бел. воинникъ - ст.-бел. воинъ < др.-русск. воинъ, что от прасл. *voj+inъ*; ст.-бел. воинникъ < др.-русск. воинникъ; б) заимствованных названий: ст.-бел. жолдникъ - ст.-бел. жолдакъ < ст.-польск. *żoldak*; ст.-бел. подхоронгевъ ст.-бел. хоронгевъ < ст.-польск. *chorągiew*.

3. Основными способами словообразования в пределах рассматриваемой лексической группы являлись следующие.

1) Лексико-семантический: бардышь "бердышь" - бардышь "металлическая часть бердыша"; древо "древесина" - древо "деревянная часть древкового оружия" - древо "копье; всякое колющее древковое оружие"; кий "палка" - кий "тяжелая гаковница, имевшая прямой узкий приклад"; хоруговъ "хоругвь, знамя (в т. ч. и боевое)" - хоруговъ "подразделение в польско-литовском войске, соответствовавшее роте"; ездный, конный "верховой" -

езданий, конный "конный воин". Данный способ был наиболее продуктивным при образовании военных номинаций исследуемого периода.

2) Морфологический: а) суффиксальный: воевникъ, военникъ, жолдникъ, стрелникъ; б) префиксальный: подделко "лафет", подхоронгевъ, наножь; в) сложение основ: валмистръ, шитоноша.

4. Использование собственнобелорусских военных образований документируется преимущественно письменными источниками делового характера, что позволяет говорить об известности большинства их и живому белорусскому языку того времени.

А.М.ПОПОВСКИЙ (Днепропетровск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

1. Украинский литературно-национальный язык, продолжая развиваться и обогащаться на базе общенародного языка, постоянно пополняет свои лексико-грамматические запасы из диалектов и говоров. Особую роль в этом процессе сыграли лучшие образцы художественной литературы, среди которых видное место занимают и произведения писателей Южной Украины XIX – начала XX века.

2. Региональные особенности южноукраинского народно-разговорного языка ярко отражены в многочисленных художественных произведениях писателей этого края – Г.Бораковского, О.Васюты, Н.Вороного, И.Карпенко-Карого, Г.Кернеренко, М.Комарова, Г.Комаровой, М.Кропивницкого, Н.Кузьменко, И.Манжуры, Н.Мельника, М.Петренко, Ф.Пискунова, В.Поталенко, М.Пулевича, Т.Романченко, М.Шупкого, Н.Чернявского, С.Черкасенко, Днепровой Чайки, Н.Шаповала, С.Шелухина, Д.Яворницкого и др. Для своих произведений они из живой народной речи отбирали то, что обогащало лексику и фразеологию, способствовало упрочению норм украинского литературно-национального языка. Лексико-стилистические возможности диалектизмов мастера художественного слова широко используют для создания в описании местного колорита, индивидуальных особенностей языка персонажей, устранения тавтологии. Лишь незначительная часть диалектных слов употребляется без выразительного стилистического назначения как результат влияния на писателей местных говоров.

3. В словесной ткани произведений писателей этого региона широко используются такие лексические диалектизмы, как крашанка "яйцо", тепера "теперь", хапанець "взятка"; ослобонити "освободить", надоумити "научить, посоветовать", уп'ять, оп'ять, вп'ять "снова", халахур "гультай, праздный человек", вмiстi "вместе, совместно, сообща", оправити "обновить, отремонтировать", морений "копченый", порушитися "потерять рассудок", падькатися "беспокоиться", пайда "удача", оханутися "опомниться", ступляти "обманывать", врехтувати "привести в порядок", плитка "мелкая, неглубокая", опуста "шлюз", пастiвня "пастбище" и др. Они вносят определенный колорит, выступают как синонимические и стилистические средства языка и этим обогащают литературно-национальную языковую норму.

4. С такими же функциями наряду с общенародными фразеологическими единицами в произведениях используются и региональные типа ток напав "горевать, печалиться", лагодити ноги "быть готовым к танцу", тонути на сухому "падать на ровном месте, теряя равновесие", викохатися за пазухою "беззаботно жить", придавити мозок "задуматься над чем-то", провідати бабусю на тiм свiтi "готовиться к смерти, умирать", товчениками годувати, у батоги брати "бить", годувати жданиками "обещать кому-нибудь что-то сделать, но не выполнить обещанного", а также фразеологизмы-синонимы: рота заціпити – загородити рота – на язык заціпки чіпляти; памороки забити – памороки залити – вигнати с памороків и т.п.

5. В фонетической системе художественных произведений отклонений от современных норм немного. Они отражают те фонетические особенности живой народной речи этого региона, которые были свойственны для того времени и функционировали параллельно с основными. Среди них активностью отличаются: а) о,е в закрытом слоге (возьми, крепак) при последовательном отражении чередования о,е с і (дiм, за домом; хвiст, на хвості); б) старый й в позиции после м сохраняется (пам'ять, полум'я, м'ята) или заменяется вставным н (м'ясо, м'нята, вiмня); в) замена і,е на и (знимали, доси, гроши, розриготатись, миnі, гирько, сидайте, стріляй (наряду с основными (гроші, гiрко, речочеця, мeнi, сiдайте, досi) и др.

6. Морфологические диалектизмы также незначительны. Они функционируют параллельно с основными литературными формами: а) окончание – и и і в родительном падеже единственного числа существительных 3-го склонения женского рода: смерти, соли,

вісти, чести и солі, радості, честі; б) параллельно сосуществуют формы существительных мн. числа люде и люди, селяне и селяни; в) окончание ій и ий в именительном падеже единственного числа с основой на к,ш прилагательных мужского рода: молодшій, гарненькій и молодший, гарненький; г) глагольные суффиксы – ова и –ува–: куповили, наповали и випитували, нагодували; д) формы глаголов 1-го спряжения 3-го лица единственного числа настоящего и будущего времени с окончанием –е (робе, носе, суде, задаве) преобладают над литературно-нормативными робить, ходить, судить.

7. То же самое можно сказать и о синтаксических конструкциях. Из них наиболее устойчивыми являются: а) конструкции с предлогом (литературная норма) и без него (диалектная): краще Ганна від всіх и вища всіх другіх вона; перестали боліти у неї ноги и перестали боліти ій ноги; б) при глаголах-сказемых говорить, думати, гадати и др. употребляется конструкция предложного падежа местоимения с предлогом о,об: ... і бог зна о чім говорите; ось хай тільки заікнеться об цім; в) синтаксические конструкции со специфическими диалектными союзами аже, шо: Та я хоч і обізвалась, аже діла свого не кидаю (Бораковский). Пісня то замирала, то знов оживала, то ялось хапала тебе за сердце, шо аж плакати хотілось (Пстапенко).

8. Таким образом, местные формы в языке художественных произведений писателей Южной Украины XIX – начала XX в. не нарушали системности украинского литературного языка. Функционируя параллельно с другими формами, они тем самым не отрицали общего развития литературного языка, а, напротив, способствовали обогащению лексического фонда, стилистической организации и упрочению норм украинского литературно-национального языка.

Н.Г.ПРИГОДИЧ (Минск)

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ КОМПОЗИТЫ: ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

1. Среди способов инновационного словообразования особенной "популярностью" пользуется осново- и словосложение (композиция). Уже в 20-30-е годы, когда молодая белорусская литература "была документом эпохи", отражала обобщенно-романтичес-

кое мироощущение и миропонимание молодого поколения послереволюционного времени" (Дюбайло), появилось большое количество индивидуально-авторских неологизмов-композигов: сонцатканяны словы (Александрович), бурнапеністая завіруха (Зарецкий), шумнавірная кроў (Трус), сонцалісты сад (Хадыка) и др.

Хотя художественно-языковые поиски писателей того времени остались формальными экспериментами и не обогатили словарный запас общенародного литературного языка, авторские новообразования, однако, засвидетельствовали широкие семантико-стилистические возможности родного слова, явились первой попыткой (пусть себе и не совсем удачной) создания потенциально возможных собственнобелорусских номинаций на базе существующих словообразовательных моделей.

2. Индивидуально-авторские композиции широко представлены в произведениях современной белорусской литературы: бурштынашчокая зара (Бородулин), драпежназуба зарагатаў (Брыль), час беззваротнашматдальны (Дукса), адчайдушны чалавек (Короткевич), цытатаражованая лірыка (Танк), узнебны бусладром (Тумас) и др. Как правило, такие лексические единицы не соответствуют общепринятым языковым нормам, характеризуются индивидуальным вкусом творца и обусловлены специфическим контекстуальным окружением. Однако хотя они и появляются в "рабочем порядке", как своеобразный эксперимент, и не претендуют на общее употребление, абсолютное большинство таких неологизмов создано по действующим в языке моделям.

2.1. Особенной продуктивностью отличаются сложные прилагательные так называемого эмфатического значения, которые характеризуют чувства, мысли, состояния, поведение людей в морально-психологическом плане: бязглузда-страсны голас (Короткевич), хітравата-пагардлівыя вочы (Чигринов), задуменна-спакойны твар (Ярошевич) и др. Сложные прилагательные этой группы могут характеризовать не только психологические состояния и чувства людей; но - благодаря метафоризации - также определенные явления и предметы природы: дурманліва-п'янілы пах (Гилевич), пранізіва-трагічны прабліск сонца (Короткевич), скурганела-асенія ночы (Лойко), радасна-ўзрушаны натоўп (Мележ), паважна-спакойная сасна (Науменко) и под.

2.2. Заметно пополняется и такой ранее лексически ограниченный разряд сложных слов, как наречия: шчымліва-адчайна (Буравкин), блакітна-зорна (Верба), ціхазонна (Рудковский), чырава-

нашчока (Свирка) и др.

2.3. Значительное количество индивидуально-авторских неологизмов образовано в результате объединения трех и более самостоятельных слов или их основ: сумнавата-соладка-прывабная краса (Брыль), ап'янела-кыважэрны іканастас (Зуенок), рдзяна-блакітна-сінія аганькі (Кудравец), легкаважна-вяселы Яніс (Короткевич) и др.

3. Индивидуально-авторские инновации-сложения в значительной мере обогащают изобразительные возможности произведения, позволяют с максимальной достоверностью передать авторское миропонимание. Выполняя функцию смысловых и эмоциональных усилителей, такие слова выделяются не только неожиданностью и необычностью своей структуры и общей семантики, зачастую они являются доминантой произведения (особенно стихотворения), его стержневым элементом, выступают как "композиционное средство создания художественного целого" (Тикоцкий).

4. Внешняя легкость, с которой образуются многие неологизмы-композиции, содействует появлению языковых "находок" с недостаточной внутренней мотивировкой, которым присущи искусственность и надуманность художественного образа, словотворческая риторичность и безвкусица: вяла-трывожна падумаў (Дятлов), Дужэў карэннем дзівасіл Пад сонцаверад (Жук), свет ... прамяніста-светлы (Каско) и др.

5. Язык художественной литературы и в дальнейшем будет пополняться новыми средствами выражения. Поэтому актуальной задачей лингвистов является не столько созерцательное описание индивидуально-стилистических инноваций, сколько максимально активное "корректирование" их образования, воспитание у авторов чувства мотивированных художественно необходимых отступлений от нормы.

А.М.ПРИЩЕПЧИК (Минск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОЭМЕ ЯКУБА КОЛАСА "НОВАЯ ЗЯМЛЯ"

Изучение диалектной лексики играет большую роль при установлении закономерностей становления и развития языка вообще. Диалектные слова хранят в себе много тайн прошлого нашего народа. Многие диалектизмы, несмотря на то, что имеют соответ-

ствующие литературные реалии, продолжают жить в произведениях писателей.

Тезисы нашего сообщения посвящаются узкорегionalным глаголам из поэмы Якуба Коласа "Новая земля", которые не были включены в Белорусско-русский словарь (1962).

Отдельные глаголы, если можно так сказать, — полностью диалектные. Но есть и такие многозначные, у которых узкодиалектное только одно или два значения.

К первой группе можно отнести следующие: гуторыць нес-сов. говорить (А круглаверхія асіны Разносяць нейкія навіны і так гутораць, так смяюцца); напішаваць сов. наполнить, набить (— Ты, брат, глядзі не ашукайся: Не надта сраза накідайся. Бо потым шчыра пашкадуеш, калі живот свой напіцеш; Я знаю хітрасць гэту ўсю, — Алесь гаворыць Кастусю); нахахорыцца сов. наохотиться, ошетиниться (Сядзіць звярэ між буралома і знака жыцця не пакажуць, Вароны дзюба не развяжуць, усе нахахорацца, ні зыку — Уладарства холаду вяліка); палюдскавацца сов. пожить хорошо, как следует (— Вось, каб Галонскі тут астаўся! За ім бы, брат, палюдскаваўся: Такі прасцяк, не надзіманы, Ляснічы вельмі б пажаданы).

К частично диалектным можно отнести глаголы, у которых только отдельные значения диалектные или которые употребляются в ином значении, чем их литературные реалии: датыкаць нес-сов. относиться, касаться (Бярэ Міхал свае прылады, Якія стральбе датыкаюць); зачасацца сов. залезть, затесаться (Зайшоў не гоніць і не ловіць, А толькі знае і наровіць, каб як у хату зачасацца).

Следует отметить, что в белорусский язык на разных этапах его развития проникали и полонизмы. В начале XX столетия письменный белорусский язык был еще не нормирован. Возможно, потому в устную речь белорусов проникло много польских слов от польского населения, которое жило на территории Белоруссии. Сюда можно отнести такие глаголы из поэмы "Новая земля", как жычыць нес-сов. желать (Яны па два, па тры сталі Каля паркана і чакалі, Пакуль куды іх не паклічуць, Стаяць і паку раі жычуць); пажагнацца сов. перекреститься (Калі ўсе госці паабраіліся, Ан-тось з Кандратам пажагналіся, узялі і ночы і куродыкі. — Ну памажы святы Мікодым...); патрактаваць сов. угостить (А дзед у илечы іх цалуе і абаранкам патрактуюе) и ряд других.

Отдельные региональные глаголы, не включенные в Белорусско-русский словарь, приобрели права гражданства в "Глумачаль-

ним слоўніку беларускай мовы", например: адвянцаць, гадзіца, замасліць, пацувана ваши с пометой разг. (разговорное слово), катарнуць – обл. (областное слово), а гуляць (в значении "пустовать") – без ограничительной стилистической пометы вообще.

Отдельные диалектные глаголы включены в новое издание Белорусско-русского словаря.

Есть надежда, что и другие диалектные слова не исчезнут бесследно, а получат широкое употребление.

И.С.РОВДО (Минск)

МЕЖУРОВНЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

Контрастивная лингвистика предлагает сопоставление одноуровневых пластов структуры анализируемых языков. Это и понятно, ибо невозможно сопоставлять, к примеру, лексику с грамматикой. Однако системная организация языка в целом манифестируется и в зависимости более сложных в структурном отношении элементов от более простых. В условиях билингвизма такая зависимость вымывается и в пределах не одного, а двух языков, что позволяет рассматривать проблему межуровневых отношений в пределах как одного языка, так и двух сопоставляемых языков, находящихся в контакте. При этом влияние какого-либо элемента одного уровня, например, белорусского языка на элемент другого уровня, например, русского языка происходит косвенно, через посредство взаимовлияния элементов одноуровневых языковых ярусов.

Так, наиболее распространенное и известное влияние бел. р на рус. р' приводит к тому, что в устной русской речи белорусо-билингвы мы слышим ров вместо рѳв. Фонетическая ошибка порождает появление совершенно иного слова (ров вместо необходимого рѳв).

Изменение значения слова может быть вызвано и акцентологической ошибкой. Так, рус. заходить ("идя, по пути бывать где-нибудь, посещать кого-нибудь"), соответствует бел. заходзіць, а рус. махочить ("начать ходить") – бел. захадзіць. Достаточно в одном из белорусских слов изменить ударение, чтобы значение всего слова изменилось. В данном случае интерференция в слове заходзіць, вызванная смещением ударения на последний слог, может возникнуть как под влиянием бел. захадзіць, так и рус. заходить. Это значит, что в условиях двуязычия такую интерференцию можно квалифицировать как межъязыковую и как внутриязыковую.

Акцентологическая ошибка приводит иногда и к изменению лексико-грамматического значения слова, "переводя" его этим самым в разряд другой части речи. Так, отождествление в акцентологическом оформлении слов рус. тепло (в значении сказуемого "о теплоте воздуха, о теплой погоде") – бел. цёпла приводит к тому, что последнее становится существительным: цяло ("нагретое состояние чего-нибудь").

Значение слова может измениться и в результате орфографической ошибки. К примеру, лексемы стлать – слать, визирь – визир дифференцируются лишь одной графемой, отсутствующей и в соответствующих белорусских словах (бел. слаць – рус. стлать, бел. слаць – рус. слать; бел. візір – рус. визирь, бел. візір – рус. визир).

Это лишь некоторые примеры межуровневых отрицательных влияний. В условиях двуязычия следует учитывать и то обстоятельство, что в ряде случаев интерференция может рассматриваться как межъязыковая и как внутриязыковая.

В.И. РОГОВЦОВ (Могилев)

СЕМАНТИКО-ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБСТАНТИВНЫХ ФИНАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С ПРЕДЛОГОМ "З-ЗА + РОДИТЕЛЬНЫЙ" В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Отличительная особенность таких словосочетаний – семантическая ограниченность зависимого компонента: в его роли выступают преимущественно конкретные существительные, обозначающие предметы или вещество. Существительные в этом случае употребляются во вторичной синтаксической функции, поскольку занимают позицию имен пропозитивного значения (названия действий, состояний, свойств и т.д.), и, таким образом, по сравнению со словами абстрактной семантики являются "менее эксплицитными" (Н.Д. Арутюнова). Каузальные номинации, выраженные зависимым компонентом словосочетания, являются семантически неопределенными. Ср.: У мінулым, да вайны, у землякоў быў канфлікт з-за дзяўчыны (Колас) – быў канфлікт з-за таго, каб (першаму пазнаёміцца з дзяўчынай) пасябраваць з ёй) узяць дзяўчыну замуж и т.д.). Несмотря на семантическую неопределенность зависимого компонента дзяўчыны словосочетание канфлікт з-за дзяўчыны не воспринимается как неполноценное, лишенное смысла. Связано это с тем,

что семантическое несоответствие зависимого слова синтаксической функции предопределяет, кроме первичного предметного значения, референтно обусловленного, вторичное, синтагматически обусловленное.

Каузально-информационная недостаточность зависимого слова компенсируется знанием конкретной ситуации — того контекста, содержание которого эксплицировано для говорящего и слушающего.

Словосочетания с зависимой формой "э-за+родительный" выражают, как правило, смешанный, причинно-объектный, тип значения. Об этом свидетельствует тот факт, что зависимое слово в трансформе (придаточной части причины) занимает синтаксическую позицию дополнения. Например: Таго бойка э-за худобы Прывяла ў ныволу... (Колас) — Таго бойка э-за таго, што / хацеў вярнуць ад ворага сваю худобу /, прывяла ў ныволу.

Причинное значение таких словосочетаний выражается преимущественно имплицитно и только изредка эксплицитно-аналитическим способом. В последнем случае абсолютным аналогом каузального антецедента выступает зависимый компонент со структурно или коммуникативно аблигаторным детерминантом при нем. Это можно подтвердить трансформационно — путем преобразования синтаксемы "причина" в каузальную придаточную часть. Например: Не будзе ў нас прастоў э-за нястачы цэглы? (Чорны) — Не будзе ў нас прастоў э-за таго (таму), што нестача цэглы? Или: Але падымашь крык э-за няправільна прышытага гузика... (Шамякин) — Але падымашь крык э-за таго (таму), што няправільна прышыты гузік...

Субстантивные словосочетания, главный компонент которых — существительное — лексически и грамматически соотносится с глаголом и прилагательным, кроме основного, каузального значения, передают дополнительный оттенок атрибутивности. О преобладании в таких словосочетаниях каузального значения над атрибутивным свидетельствует, с одной стороны, невозможность трансформации зависимого компонента в атрибутивный член предложения и, с другой, — возможность преобразования этого компонента в каузальный трансформ (при эксплицитно выраженной причине). Например: памылка э-за няўважлівасці — памылка э прычыны няўважлівасці; но нецэлы: памылка э-за няўважлівасці — няўважлівая памылка. Ср.: спеў птушак — птушыны спеў, клопат бацькі — бацькоўскі клопат. Неходные словосочетания выражают "чисто" определительные отношения и поэтому допускают атрибутивную трансформацию.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Изучение географической лексики, являющейся результатом многовекового наблюдения над природой, может дать очень много важного и нового в тех случаях, когда объектом изучения являются районы, где в течение длительного времени происходили сложные и разнообразные этногенетические процессы, в которых участвовали многие родственные и неродственные народы. В этой связи белорусская географическая лексика – живой неисчерпаемый источник, представляющий большой интерес для лингвистов, географов, картографов, историков.

Изучение диалектной географической лексики проводится в нескольких направлениях: выявление инвентаря лексем, обозначающих различные географические реалии; определение их локализации с последующим построением изоглосс; выяснение семантических процессов, происходящих в этой группе лексики; пересмотр некоторых этимологий, часто с учетом в качестве дополнительного аргумента семантических закономерностей, выявленных для географической апеллативной лексики; выяснение роли местной географической лексики в топонимии определенных областей и т.д.

Сбор и систематизация белорусской народной географической лексики позволяет говорить о региональных особенностях этой группы диалектной лексики.

а) Фонетические особенности

Чередование б // в – драгба – драгва, калдобіна – калдавіна; мена б // м , в // м : бачажына – мачажына, драбналесце – драмняк, мерва – берва – берба; чередование губных и заднеязычных, передне- и заднеязычных: субор – сугор, бурган – курган – гурдан, крокаць – тракавіца, колувацца – колухацца; мена м // н : бом – бон, багма – багна, лунка – лумка; мена б // д : брыгва – дрыгва; мена с // ш : сілега – шылега, зярэмя – жэрэмя, параллельность ударных гласных о – у в формах одного слова: ложа – лужа, бохат – бухтавіца, багон – багун.

б) Семантика апеллативов

Для богатой и разнообразной белорусской народной географической лексики характерны как семантические процессы и изменения, свойственные географической терминологии других языков, так и специфические черты. Семантика отдельных апеллативов

р, гала, яруга, лава, рэмня, чарот, калодзеж и др.) свидетельствует не только об архаике белорусского диалектного материала, представляет интерес и в плане лингвогеографических исследований, поскольку позволяет установить соответствия в географической лексике других языков народов СССР.

в) Словообразовательные особенности

Ведущим способом словообразования является суффиксация. Это встречаются дериваты с суффиксами *-ішч-а/-ьшч-а* (нерасча, дубішча, ярышча, лужышча), *-овішч-а/-авішч-а* (стаговішча, тавішча, кузнявішча). Много образований со сложными суффиксами: *-овічч-а* (альховічча, балатовічча), *-оўнічч-а* (альхоўнічча), *-а* (зыбеча), *-ічч-а* (кляцічча), *-оўнік-* (асакоўнік), *-они-е, -ани-е* (конне, алешанне), *-энь/ынь* (глушчэнь, гушчынь). Встречаются дериваты с суффиксами *-ені-а* (гарадзенка), *-ец/-эц, -іц/-ыц* (асаглушэц, мутвіца, атарыца), *-ніц-а* (каўзніца), *-ар, -эр, -яр* (шар, гусцяр, вішэр), *-в-о, -б-а* (ручво, гарадзьба), *-ат-а* (груза), *-г-а* (дрюзга), *-ш-а* (зыбша), *-уг-а/-юг-а* (яруга, балашчуха), *-ух-а* (каўзуха), *-уган* (пяшчуган), *-адзь* (рачадзь), *-ур-а* (пчура) и др.

Префиксация является непродуктивным способом словообразования, чаще она сопровождается одновременной суффиксацией, т.е. используется префиксально-суффиксальный способ (конфиксация). В образовании географических апеллятивов (в том числе в составе фиксов) принимают участие следующие приставки: *за-* (загай), (кабагна, кабаня), *на-* (населіца), *не-* (немарач), *па-* (пагноі, алак), *паўз-* (паўзлесішча, паўзрэчча), *пры-* (прылучча), *суб-* (бор), *уз-* (узлужжа) и др.

В анализируемом материале имеются немногочисленные приемы словосложения (скасатор, вададзел, аднараль, бурвалак).

Общепризнана активная роль географических терминов в образовании собственных имен. Эта роль, по всей видимости, является более значительной, поскольку многие гидронимы и топонимы России удовлетворительно не объяснены. Фонетические закономерности, выявляемые в апеллятивной географической лексике, действуют и на топонимическом уровне, что позволяет в ряде случаев положить иное объяснение географических названий, раскрывая их истинную природу не путем прямой этимологии, а после предварительного установления закономерностей фонетического, словообразовательного и исторического характера на соответствующей территории.

ПАДЕЖНАЯ ФОРМА ИЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМ ?

В белорусских говорах широко употребляются предложно-именные сочетания, среди которых выделяются формы падежные с обстоятельственными и модальными значениями и фразеологизмы. По формально-лексическим характеристикам эти две группы очень близки: формы косвенных падежей различных лексико-грамматических разрядов существительных (з разбегу, без часу, на жаль — з маху, без роздуму, на смех). И поэтому при анализе в число фразеологизмов довольно часто включаются структурно отличающиеся сочетания (не жартаў, не па сабе — А.С.Аксамитов) или формы, не являющиеся фразеологическими (без паняцца, з віду, з ведама — Г.Ф.Юрченко). Фразеологические единицы (формы-фразеологизмы) отличаются спецификой соотношений планов выражения (предложно-именная форма) и содержания (действие, признак и др., не вытекающие из значения компонентов), а также характером языковых связей (развились новые синтаксические отношения).

Пути образования, происхождение фразеологизмов этой модели очень разнообразны: компрессия (стяжение выражения до одной формы с сохранением значения всего выражения: давесці, дабіць да ручкі — да ручкі, пад гарачую руку — пад руку); метафоризация (падежная форма приобретает переносное значение и выпадает из парадигматического ряда: пад рукой — рукамі); заимствование (на арапа, з кандачка — русск., зарадзі куска (хлеба) — укр., на пашэве — польск.).

Эквивалентность слову и синтаксическая функция соотносят формы-фразеологизмы с различными частями речи: наречием (ад души, ад вуха, на(у) сечку(капусту); прилагательным (у цане, на яць); количественными словами (па горла, да гібелі/пропасці, без ліку/шчоту, меры, прадоння); глаголом (да спадобы, па сэрцу). Некоторые из них могут соотноситься с разными частями в силу разности значений (например, без пуця "не так, как нужно" и "не такой, как нужно"; на нагах "в движении" и "не больной, здоровый"). Иногда употребление таких фразеологизмов не расчленяет значений и позволяет соотносить эти единицы с разными частями речи (сравн.: па души мне "приятно" и "нравиться"; яны на нагах "враги" и "враждовать"; заўсёды ў рамках "сдержанный" и "тактично").

В структурном плане такие фразеологизмы можно разгра-

ничить в зависимости от значения именного компонента: 1) лицо, живое существо (з Адама, на брата; пад мухай, на кані); 2) части тела человека, животного (на вока, з-пад носа, з хвостом); 3) конкретные предметы (да ніткі, з-пад палкі, з паталка); 4) абстрактные понятия (ад веку, без духу, з закон) и формы его: все косвенные падежи единственного и множественного числа (без сэрца, з рук, з-пад палы; на зубок, у руку, па вушы; з рукамі, з языком, з галавой; у гадах, у цане, па сэрцу/ы/). Подобно всем остальным фразеологизмам формы-фразеологизмы изменяются, образуя фонетико-акцентологические (да чорта - чарта, на перун - пярун, пад завязку), морфологические (на носе - насу, пад рукой-рукамі, да ніткі - нітачкі), словообразовательные (на дурницу - дурачка - дурняка, без просу - спросу), структурные (пад носам-самым носам, ад души - усей души, з мухамі - мухамі ў носе) и лексические варианты (з галавой - башкой, без вума - розуму, пад каблуком - абцасам - пятою). Лексические замены обусловлены синонимией (довольно часто межъязыковой): у руку - лапу, на мінуту - хвіліну; семантико-тематической общностью: у мінуту - секунду, да гроба - магілы; ассоциативными связями: са свету - з вуліцы, у свет - людзі.

В семантическом отношении формам-фразеологизмам свойственны полисемия (без просыпу/а/ не просыпаясь" и "постоянно"; у свет "далеко" и "неизвестно куда"), омонимия (без рук "уставший" и "неумелый"; без ног "уставший" и "больной ногами"), антонимия (з галавой "умный, сообразительный" -- без галавы "глупый, тупой"; з руками "умелый" -- без рук "неумелый"), синонимия (з-пад палкі, з-пад бізуна "под принуждением"; па горла, па вушы, да макаўкі "много"). В синонимические отношения вступают и разные формы одного и того же слова: пад рукамі - каля рук "вблизи, рядом"; да души - па души "приятный, нравящийся"; па вушы - да вушэй "весь, полностью". На основе общих элементов значения их можно объединить в тематические и семантические группы. Например, группа со значением "близко": пад бокам, пад носам, за плячыма/спіной, на носе/насу; "выпивший, пьян": пад мухай, пад градусам/градусамі, пад чаркай, у дым/дым-іну, дрызк/дрызину, доску, лоск. Разграничение структурных, семантических объединений таких фразеологизмов адекватно разграничению иных типов фразеологических единиц: варианты сохраняют тождество модели и значения, синонимы допускают отличия в значении, но сохраняют семантическую эквивалентность, а тематические группы объединяют единицы с одним значением, что не ограничивает раз-

личный в сочетаемости их.

В стилистическом плане названные фразеологизмы в основном разговорные, но встречаются книжные (з азоу, у ажурь, на дне), просторечные (на халеру, на трасцу, на чорта/чарта/лысага), иронические, шуточные (на мазі, у точку, на карэньчыкі), неодоб- рительные (у кусты, да гарла).

Очень интересны в лингвистическом отношении узколокаль- ные фразеологизмы, в составе которых отмечаются и устаревшие слова (на/пра/ зязюлю "мало мелких денег", на россыпї "на сно- сях", у загоне "без надзора, внимания", у пер'ї "самостоятельный, не нуждающийся в помощи"; на карон "полностью, до основания", на уведе "в памяти").

Таким образом, анализ подтверждает мысль, что формы- фразеологизмы – это разновидность фразеологических единиц со всеми особенностями устойчивых выражений.

И.В.СЛАДОШ (Ужгород)

ОГ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ

Определенная часть украинских диалектных названий расте- ний этимологически прозрачна (ср. кислянка "*Berberis vulga- ris*", жовтушки "*Helichrysum arenarium*", болотниця "*Caltha palustris*" и т.п.), установление происхождения многих других ботанических номенов требует глубоких историко-этимоло- гических разысканий.

Предметом этого доклада являются украинские диалектные названия растений, соотносительные с названиями животных (на- пример: мишачий горох, вовчі ягоди, волове око, собачки, жура- вельник и т.п.), которые на первый взгляд кажутся этимологиче- ски прозрачными. Очевидно, поэтому ряд исследователей ботаниче- ских названий разных языков в семантической классификации этой лексики выделяют одну группу – названия растений, связанные с названиями животных. На самом деле эта группа очень неоднород- на с точки зрения ее семантических связей с соответствующими названиями представителей фауны. Даже ботанические номены, со- отнесенные с тем же животным, как наименования разных растений могут иметь неодинаковые мотивы номинации, напр., определение гадячий в двусловных или корень гад- в однословных ботанических названиях употребляются при номинации растений: а) ядовитых

разных ягод, гадючки "*Amanita pantheriana*", б) дико-растущих (гадючий горошок "*Vicia cracca*"), в) схожих корнем, стеблем, соцветием, плодом и т.п. со змеей или частью ее тела (гадюча голова, гадючник "*Veronica officinalis*"), г) используемых как противоядие при укусах змей (гадинница "*Primula veris*") и т.д.

Удельный вес наименований растений, соотношенных с названиями животных, в украинской диалектной ботанической лексике значителен, немало из них стало литературной нормой украинского языка, однако в лингвистической литературе им уделялось недостаточное внимание. Может быть, поэтому в этимологических словарях они или вообще не рассматриваются, или нередко подаются со ссылкой на неясность происхождения. Случаются неточные и даже ошибочные этимологии.

Анализ украинских диалектных названий растений по их мотивационным связям с названиями животных представляет возможность выделить следующие основные группы, мотивированные:

1) схожестью какой-либо части растения с частью тела животного: вовча стопа "*Trollius europaeus*", горобине око, горобиниць "*Capsella bursa-pastoris*", баранячий язик "*Anchusa officinalis*", собачий зуб, собачка "*Chelidonium majus*" и многие др. К этой группе примыкают названия дико-растущих растений, схожих с культурными; образованы эти названия путем присоединения к наименованию культурного растения слов кінський, собачий, вовчий, гадячий, свинячий, курячий и т.п., обычная семантика которых выхолошена, в составе ботанических наименований все они имеют одинаковое значение "дикий", поэтому легко взаимозаменяются, ср.: горобиний (журавлиний, воронячий, гадючий) горошок "*Vicia cracca*", жаб'яча цибуля "*Muscari*", собачий (зайців) льон, собачки "*Linaria vulgaris*".

2) чаще всего связанные с волком, собакой (псом), гадюкой: вовчи ягоди, вовшник, пса я вишня "*Paris quadrifolia*", вовшник, псарник "*Euphorbia*", гадючка сороката "*Amanita pantheriana*";

3) кормовой пригодностью растения для определенного животного: заяча капуста, заячки "*Oxalis acetosella*", коначина "*Trifolium pratense*", медведина "*Rubus caesius*";

4) по ассоциации с болотными животными: жабник "*Caltha*"

жаб'яник, жабинець "Alisma plantago-aquatica",
бобряк "Nympha alba";

5) по использованию растения против вредителей, хищников, паразитов, укусов змей, в народной медицине и т.д.: блошник "Origanum vulgare", вовчий корінь, вовкобой "Aconitum excelsus", гыдячник "Filipendula ulmaria", глистник "Tanacetum vulg." ;

6) результатом народной этимологии: гороба, веребина "Sorbus", козодрист, козинка "Galanthus nivalis", дятель, дятлица "Archangelica officinalis";

7) мотивационные связи которых с названиями животных затемнены: дятлина, дятельник "Trifolium", журавлина, журавинник "Vaccinium oxycoccos" ;

8) образовавшиеся как переводы или кальки иноязычных (главным образом латинских) ботанических номенов: блошник "Pulicaria vulgaris", вовконіг "Lycopus", собачий (песій) язык, собачка, псячка "Cynoglossum officinale" .

Для ботанической номенклатуры вообще очень характерно явление универбизации (семантической конденсации), то есть стяжение двулексемных номенов в однолексемные. Особенно активно оно среди исследуемых в этом докладе названий. Вероятно, большинство их по происхождению атрибутивные словосочетания (их немало, напр., в украинских письменных памятниках ХУП в.), которые в ряде случаев со временем стягивались в однолексемные наименования, ср. широкое параллельное употребление таких названий в современных украинских говорах: котячі лапки и котячка "Antennaria dioica", вороняче око и воронець, воронівка "Paris quadrifolia", журавлеві носики и журавельник, журавець "Geranium" и многие др. Подобные варианты были характерны для староукраинского языка 1 половины ХУП в., ср. песии вишні и пси(н)ки "solanum" и др. Утрата определяемого элемента в результате универбизации атрибутивных словосочетаний привела к затемнению мотивационных связей некоторых ботанических номенов с названиями определенных животных до такой степени, что установление характера этих связей сильно затрудняется.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛА
ПЕРЕВОДНЫХ ИЗДАНИЙ СКОРИНЫ

Проникновение местных черт в произведения клерикальной литературы отмечается уже в эпоху древнерусской письменности. Это явление впоследствии получило значительное распространение на территории западных областей и в большей степени было характерно произведениям тех религиозных жанров, которые непосредственно не использовались в богослужении, а предназначались для домашнего чтения и ставили своей целью укрепление основ христианской морали и просвещение верующих.

Ярким свидетельством тому является "Библия" Скорины, изданная им в чешской Праге в 1517-1519 гг. Во всех скоринских изданиях библейских книг находят широкое отражение самые разнообразные особенности лексики, грамматического строя того времени. Сближение грамматических черт "Библии" с живым белорусским языком особенно наглядно проявляется в системе глагола.

Характерной особенностью нетематических глаголов является структурное объединение глаголов *даць*, *ведаць*, *імаць* с тематическими глаголами. Для выражения значений настоящего времени широко употребляются новые формы типа *даю*, *ведаю*, *імаю* (*маю*); *даешь*, *ведаешь*, *імаешь*; *даець*, *ведаець*, *імаець* и т.п. Под влиянием живого языка произошла трансформация форм *есми* и *есмо*.

Созвучны соответствующим глагольным формам белорусского языка того времени формы глаголов 2-го лица единственного числа настоящего времени с окончанием *-шь/-шь*: *жадаешь*, *занимаешь*, *позножаешь*, *прикладаешь*, *питаешь*, *чинишь*. В тексте "Библии", однако, они встречаются реже, чем старые формы на *-ши* типа *жадаеши*, *живеши*, *мниши*, *послушаеши*.

Характерную белорусскую окраску придают текстам Скорины формы 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени с окончанием *-мо*: *кажемо*, *ходимо*, *чтимо*. Это окончание нередко встречается уже в памятниках древнерусского языка. Наличие форм 1-го лица множественного числа с окончанием *-мо* в белорусской письменности XVI в. в сопоставлении с современным диалектным материалом позволяет считать, что на территории Белоруссии выделялась юго-западная диалектная группа, одной из особенностей которой и были такие формы. Они посте-

пенно проникали в памятники, которые создавались и в других областях Белоруссии и приобретали в какой-то мере наддиалектный характер.

Образования на -мо характерны также для форм повелительного наклонения 1-го лица множественного числа: бежимо, биймо, вчинимо, пождимо.

Значительно распространены у Скорины формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа без конечного неударяемого -и, которые возникли в живой речи вскоре после падения редуцированных: встань, выберь, поставь, обрежь. Часто отсутствует -и также в соответствующих формах множественного числа: видьте, выскочте, слышьте, станте. Под воздействием народных говоров в формах повелительного наклонения 2-го лица множественного числа Скорина часто употребляет окончание -ите вместо древнего -ете: идите (вместо идете), несите (вместо несете), ходите (вместо ходете).

В "Библии" еще сохраняется старая система форм прошедшего времени - аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Однако количественно в текстах преобладают формы перфекта, которые в соответствии с нормами живого языка употребляются обычно со связкой в 1-ом и 2-ом лице (86%) и без связки в 3-ем лице (62,5%).

В причастиях с основой на согласный, входящих в состав перфекта, преобладают формы, характерные для народного языка, которые в единственном числе мужского рода не имеют конечного л: донесь, могъ, притекъ, стеръ. Образования такого типа встречаются также и с конечным л: везль, померль, рекль, росль.

Причастия настоящего времени действительного залога в текстах Скорины фактически выполняют функцию деепричастий и употребляются в большинстве случаев с унифицированными суффиксами -учи-/ -ючи-, -ачи-/ -ячи: верячи, несучи, порушаючи, слышачи. Соответствующие деепричастия прошедшего времени выступают преимущественно с общим для всех родов суффиксом -ши- : вышедши, звездавши, падши, исразивши. Под влиянием старобелорусского письменного языка в скорининских изданиях имеет место замена книжнославянского окончания родительного падежа причастий с основой на шипящий мужского и среднего рода единственного числа -аго- /-яго- позднейшим окончанием -ого /-его: видящего, несучего, погледаючого, ходячого. Широко отражена в текстах Скорины и такая особенность, как замена старославянского окончания -ии окон-

маньем -ие в формах именительного падежа множественного числа действительных причастий настоящего времени: живущие, забывающие, сидящие.

Наряду с преобладающими формами инфинитива на -ти иногда встречаются новые формы на -ть: быть, искать, приносить, ароматъ.

Приведенный материал позволяет утверждать, что в системе глагола скорининских текстов "Библии" широко отражены характерные черты живого белорусского языка. Однако параллельно с разнообразными по происхождению новыми формами употребляются церковнославянские варианты.

В.М.СВЕЖИНСКИЙ (Минск)

МАКАРОНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ БЕЛОРУССИИ ХIУ-ХУП вв.

В древности на территории Белоруссии в качестве литературного использовалось несколько языков, наиболее распространенными из которых были старобелорусский, церковнославянский, польский и латинский. Им были присущи разные составы функций, периоды наибольшего распространения, наличие или отсутствие преемственности. В такой сложной языковой ситуации возник ряд разнообразных макаронических текстов.

Поскольку церковнославянский язык очень сильно отличался от живой белорусской речи древнего периода, он очень рано вступил в стадию своего упадка. Уже в ХУ ст. белорусы, переписывая церковнославянские церковные произведения, наиболее чуждые слова и обороты заменяли белорусскими. Так возник белорусский вариант церковнославянского языка. Наиболее ранним образцом этого варианта является Четья 1489 г., переписанная Березой из Новогрудка.

В результате отсутствия достаточной кодификации легко поддался макаронизации в многоязычной среде старобелорусский литературный язык. Иногда сильно макаронизировались старобелорусские тексты при переводе их с других языков. Ярким примером этого может служить "Троянская история", переведенная с польского оригинала в конце ХУ ст. По-видимому, переводчик слабо владел старобелорусским языком по причине отсутствия хороших учебных пособий. Это позволило проникнуть в язык рукописи перевода многочисленным польским словам и оборотам, которые

в большинстве своем отмечены здесь впервые. На качестве перевода сказался, по-видимому, и недостаточный уровень развития старобелорусского языка в то время для адекватной передачи иноязычного текста.

В конце ХУ1 ст. начинается расцвет белорусской поэзии. Ее возникновение и развитие в этот период происходили в значительной степени под влиянием польской поэзии барокко. Белорусская поэзия, как более молодая, черпала в тогдашней польской поэзии не только сюжеты и жанры, но и поэтическую лексику и даже рифмы. В то же время сами тогдашние белорусские поэты писали не только по-белорусски, но и по-польски и по-латински. Создавая же белорусские стихотворения, они ориентировались на утонченные вкусы высшей шляхты, представители которой были зачастую их меценатами. Это приводило к тому, что их белорусские стихотворения представляли собой иногда польские, подправленные только под белорусский язык. Это и создавало макаронический стиль. Характерным примером этого стиля является стихотворение Яна Казимира Пашкевича "Полска квітнет ладною".

Одним из самых макаронизированных старобелорусских памятников являются "Исторические записки" новогрудского подсудка Федора Евлашовского (1546-1617). Автор, выходец из мелкой шляхты, в силу своего зависимого от крупных феодалов положения вынужден был заимствовать их речевую манеру, которая у них, как у полонофилов, была польской. Это привело к превращению его собственной белорусской речевой манеры в белорусско-польский макаронический жаргон. В результате отдельные места "Записок" напоминают скорее записанный кириллицей польский текст.

В ХУП ст. в силу исторических условий (польско-католической агрессии) начинается вытеснение старобелорусского литературного языка польским и латинским из деловой сферы. В обстановке падения престижа белорусского языка писцы, стремясь сделать его более "шляхетным", нередко пересыпали его польскими либо латинскими элементами. Этому способствовал пример Польши, где в результате престижности латинского языка имела место мода макаронизации польского языка латинскими словами и выражениями. В старобелорусских документах рассматриваемого типа основной текст написан, как правило, по-польски с многочисленными латинскими элементами. В результате появился ряд белорусско-польских и белорусско-латинских деловых текстов.

В конце ХУП – начале ХУШ ст.ст. усиливаются контакты Белоруссии с Московским государством. Эти контакты особенно интенсивны были в пограничных с Россией губерниях Витебской и Могилевской. В результате белорусские писцы в этих местностях постепенно усваивали русские слова и выражения, которые попадали в их рукописи. Возникали макаронические белорусско-русские деловые документы. После первого раздела Польши, когда уже в качестве литературного вместо белорусского употребляли русский язык, писцы при отражении в документах местного белорусского быта, который еще оставался прежним, прибегали к белорусским словам и выражениям. Это приводило к возникновению русско-белорусских макаронических текстов.

Таким образом, в условиях сложной языковой ситуации, имевшей место в Белоруссии в древности, возникли многочисленные макаронические тексты – церковнославянско-белорусские, белорусско-польские, белорусско-латинские, белорусско-русские и русско-белорусские. Они являются ценными источниками по истории белорусского литературного языка древнего периода: во-первых, в них содержится интересный языковой материал, во-вторых, они помогают восстановить условия развития белорусского языка в ту далекую эпоху, о которой сохранились только письменные свидетельства. Они являются также источниками по изучению закономерностей взаимодействия белорусского языка с другими славянскими и неславянскими языками.

М.К.СИВИЦКЕНЕ (Вильнюс)

ИСХОДНАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ ЛИТВЫ

Русские говоры на территории Литовской ССР отдельными островками или более компактными группами расположены во многих ее районах. Больше их в восточной части республики: в Зарасайском, Игналинском, Рокишкском, Швянчёнском; из центральных районов – в Ионавском, а также Ужвянтском, Шяуляйском.

Известно утверждение, что носители этих говоров – потомки старообрядцев, пришедшие на территорию Литвы (и соседние с ней) в конце ХУП – в начале ХУШ вв. в связи с расколом русской православной церкви (1667 г.), выходцы из северо-за-

падных областей России (Псков, Новгород, Тверь) и сохранившие до сих пор свой язык (диалект) и обычаи.

Однако, как показывают исторические данные и исследования, переселение сюда русского населения как на раннем этапе, так и позже не было ни кратковременным, ни непосредственным. Бегство старообрядцев на территорию Латвии и Литвы имело место уже в 50-60-ые годы ХУП в. (Подмазов А.А. Церковь без священства. Рига, 1973, с. 34). Русские переселенцы прибывали на территорию Литвы в течение всего ХУШ в. и в XIX в. Большое количество русских переселено на территорию Литвы после подавления польско-литовского восстания 1831 г., а также после 1863 г. (Станкевич А. Очерк возникновения русских поселений на Литве, "Виленский временник" кн. 1У. Вильна, 1909, стр. 1, 1У-У).

Со второй половины XIX - начала XX в. перемещение русского населения в Литве носило двоякий характер: переселение внешнее, извне и внутреннее. Переселение внешнее происходило главным образом из соседних областей: из Курляндии, Латгалии, Псковской, Витебской и частично из более далеких областей: Могилевской, Черниговской (Семеновский А. Этнографический обзор Витебской губернии, Слб., 1872, 16, 19). Переселение внутреннее состояло в том, что из окраин и восточных частей Ковенской и Виленской губерний (Лидского и Тракайского уездов) русское старообрядческое и православное население перемещалось в глубинные районы Литвы (в б. Ковенский, Шяуляйский, Расейский, Тельшайский уезды Ковенской губернии).

Следовательно, время, причины и источники возникновения русских поселений в Литве выявляют значительную неоднородность. Общим для них оказалось иноязычное и иноверческое окружение.

За время длительного совместного бытования в таких условиях могли стереться некоторые исходные различия между говорами разных групп переселенцев. Сохранение диалектных различий связано с более резким их изначальным расхождением и с некоторыми экстралингвистическими причинами.

Фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности характеризуют русские говоры Литвы в целом как западные среднерусские акающие говоры. Многие из них охватывают всю территорию последних и выходят за ее пределы и поэтому являются мало информативными для более точного определения исходной их территории.

Наиболее близки русские говоры Литвы к Псковской группе среднерусских говоров. Ряд их особенностей тяготеет к юго-западной части этой группы. Однако другие явления разрушают эту локализацию, уводя в восточную часть Псковской группы и далее, на территорию Селигеро-Торжковских говоров, а также на север (Гдовские, Новгородские говоры) или на юг (Западная группа Южного наречия).

Полного тождества русских говоров Литвы с определенной диалектной территорией нет.

Это объясняется прежде всего тем, что не было единой исходной территории. Русские переселенцы приходили в Литву из разных мест и в разное время. Об этом свидетельствуют не только исторические факты, но и определенные диалектные расхождения: фонетические и морфологические, например, оформление 3-го лица глаголов настоящего и будущего простого времени. Кроме того, неоднородность в целом характерна для языкового комплекса Псковской группы. Определенные явления в прошлом могли иметь иное распространение.

Прочими факторами, осложняющими локализацию рассматриваемых говоров, являются междиалектное контактирование на пути продвижения переселенцев в Литву, позднейшие междиалектные и межязыковые контакты уже на новой территории их расположения.

Эти обстоятельства обусловили широкое развитие параллелизмов (дублетов) в лексике этих русских говоров, вариантных форм и звучаний на уровне морфологии и фонетики, в том числе и реликтовых.

В.С.СИДОРЦ (Мозырь)

К ИСТОКАМ ВЕРБАНОМИНАТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, в языках современных восточных славян существуют и активно развиваются коммуникативные эквиваленты глаголов — неоднословные наименования с делексикализированным компонентом (вербаноминанты). Эти сочетания характерны, главным образом, для литературно-книжной речи: русск. вести монтаж, осуществлять руководство, принимать участие, чинить суд; бел. весці мантаж, ажыццяўляць кіраўніцтва, прымаць удзел, чыніць

суд; укр. вести монтаж, здійснювати керівництво, брати участь, чинити суд.

При решении вопроса о генезисе вербаноминантов в восточнославянских языках нередко излишне акцентируют внимание на различного рода заимствованиях. Так, отмечается воздействие в этом отношении старославянского и французского языков на русский, русского и польского на белорусский и украинский. Несомненно, многие вербаноминанты в каждом из современных восточнославянских языков — результат иноязычного влияния. Но объяснить этим неуклонное, активное распространение их у восточных славян нельзя.

Об использовании вербаноминантов свидетельствуют древнерусские письменные памятники: личьбу винити, дати славу, дати старшинство, куплю (торгъ) деяти, царство държати, ряд имети, сътворити суд, мовъ створити (Лавр. лет., 1377 г.).

Достаточно широко употребляются вербаноминанты в диалектной речи: русск. брать внимание, дать вину, дать измену, дать бороновку, дать звон, дать отказ, дать послабку; бел. браць помісту, весці гутарку, даць веры, мець ахвоту, мець бяду, мець цяралімаць, рабіць сварку; укр. брати на перепас, давати віру, давати рятунок (порятунок), мати віру, мати клопіт, чинити наругу.

Конечно, и древнерусская речь, и речь диалектная не лишены "инородных" примесей, обусловленных в одном случае старославянским влиянием, в другом — влиянием литературной речи. Однако здесь явственно проступает исконное начало, которое порождено определенным свойством языковой системы — создавать слово или его коммуникативный эквивалент, "когда нет готового слова или когда оно не вполне удовлетворяет цели высказывания" (В.М.Никитевич).

Естественно, активное развитие, распространение вербаноминантов в современных восточнославянских языках имеет свою природную основу.

А.В.СОЛОХОВ (Гомель)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ СТАРОБЕЛОРУССКОЙ НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В ХУ1-ХУП вв. в связи с возникновением и развитием в Белоруссии книгопечатания заметное распространение получили старобелорусские научно-публицистические произведения, представленные

посвящениями, предисловиями и послесловиями к старопечатным книгам. Созданные различными авторами и в разное историческое время, насыщенные разнообразным языковым материалом, они дают возможность определить общие тенденции развития старобелорусского литературно-письменного языка в научно-публицистическом жанре, показать характер взаимодействия между старобелорусским, церковнославянским и польским языками на всех уровнях, в том числе и в морфологической системе глагола.

Так, среди форм глаголов настоящего времени стабильностью употребления выделялись формы 2-го лица единственного числа с новым окончанием -шь: знайдешь (1525, предисловие к "Деяниям апостольским" Ф.Скорины, л.36), повтараешь, тримаешь, палаешь (1646, посвящение "Полуустава", л. 36).

В формах 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени использовалось преимущественно старое, свойственное большинству белорусских говоров окончание -мь, которое нередко заменялось на -мо: не маемь, но маемо (1595, предисловие к "Унии", лл. 76, 5).

Формы 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени в научно-публицистических произведениях ХУ1 в. употреблялись с окончанием -ть, а в текстах конца ХУ1-ХУП вв. под влиянием церковнославянского языка нормой стали образования с конечным -тъ: пребываеть, идуть (1525, предисловие к "Деяниям апостольским" Ф.Скорины, л. 2), ростегаеть, стоять (1588, предисловие к "Статуту Великого княжества Литовского", л. 4), но розсеваеть, соромотять (1595, предисловие к "Унии", л.6), воспоминаеть, поведаютъ (1611, посвящение "Нового завета", л. 10).

В языке старобелорусских научно-публицистических произведений обычными являлись формы 3-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения, которые образовывались путем сочетания глагола настоящего времени с модально-волевой частицей нехай: нехай нас не соромотит (1580, предисловие к "Евангелию" В.Талинского, л. 270б), нехай опеку и чулость высведчать (1646, посвящение "Полуустава", л. 36). Книжнославянская же частица да употреблялась в произведениях Ф.Скорины, в памятниках других авторов — только в составе цитат из Священного писания.

Основной формой прошедшего времени в языке старобелорусской научно-публицистической литературы выступал перфект. Особенностью языка исследуемых памятников при употреблении пер-

факта является отсутствие глагольной связки в 3-м лице единственного и множественного числа: яко властне слова з греческою выкладали; яко мнозства людей к вере з блудов выдвигали (1585, предисловие к "Евангелию" В.Тяпинского, л.269).

В формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа прошедшего времени показательным является влияние грамматического строя польского языка. Так, в 1-м лице единственного числа наблюдаются формы со слитной связкой в виде элемента -емь или -омь: умыслилемь вси тые артыкулы... вократце объяснить и оказати; тотъ пятый артыкуль прыложиломь (1595, предисловие к "Унии", лл. 7,8). В формах 2-го лица единственного числа отмечается слитное употребление сокращенной связки -есь: имя свое вельце славное межы нами рачылись учинити (1588, предисловие к "Статуту Великого княжества Литовского", л. 46), в чере маестности своей манастырь паньскимъ праве накладомь фундавалесь (1609, посвящение "Триоди", л. 26). По типу форм польского языка, но на базе собственного материала образовывались формы 1-го лица множественного числа. При этом к причастию -л присоединялась существовавшая в старобелорусском языке глагольная связка есмо в виде -смо: умыслилисмо об'яснити (1612, посвящение "Диоптры", л. 36).

Особенностью языка старобелорусских научно-публицистических произведений является широкое отражение форм инфинитива с окончанием -ти: учинити рачиль (1562, посвящение "Катехизиса" С.Будного, л. 36), будовати богъ изволилъ (1612, посвящение "Диоптры", л.5). Однако под влиянием живой речи в тексты проникали и формы инфинитива без конечного -и: давать рачили (1562, посвящение "Катехизиса" С.Будного, л.5).

Деепричастия в исследуемых произведениях отличаются устремленностью своих структурных показателей. Так, деепричастия настоящего времени употреблялись с суффиксами -учы/-ючы, -ачы/-ячы, яко же чтучи поразумеешь (1517, предисловие к "Книге Иова" Ф.Скорины, л. 26), о влячное а ласкавое приня(т)е просячы, наимней в том не вонтлим (1615, посвящение "Молитв повседневных", л.9). Деепричастия прошедшего времени использовались преимущественно в форме на -шы: тое трое писание... выдруковавшы, на смялюдем ку чита(н)ю подаем (1585, посвящение "Сборика поучений", лл. 36-4), до руць своихъ оную (скриночку - Л.С.) приняв за годный подарокъ маестатови своему быти осудиль (1641, посвящение "Нового завета", л. 26).

Таким образом, морфологическая система глагола в языке

белорусской научно-публицистической литературы складыва-
лось в основном под влиянием говоров. Однако определенное воз-
действие на нее оказывал и грамматический строй церковнославян-
ского а также польского языков.

В.А.СОРОКА (Минск)

СВЯЗЯХ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ТЕМА- ТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬК- ЛОРА

Наличие в языке слов с тождественным и близким значени-
ем всегда привлекало внимание лингвистов с самых давних времён.
Этому свидетельствуют труды М.В.Ломоносова, Д.И.Фонвизина
и др. Заметная работа по собиранию и упорядочению лексических
единиц литературного и диалектного языка в последние десяти-
летия проводится белорусскими языковедами (Юрчанка Г.Ф. Народ-
нае сінаніміка. Мн., 1969; Клышко М.К. Слоўнік сінонімаў і бліз-
назначных слоў. Мн., 1976). Значительный интерес в плане изуче-
ния лексики, связанной между собой синонимическими отношениями,
предметно-бытовая (строительная) лексика белорусских на-
родных сказок.

Характерной особенностью этого тематического объединения
лексики является то, что отношения между членами в большинстве
тематических групп основываются на идентичности обозначаемых
понятий. Следовательно, слова, выражающие эти понятия, образу-
ют синонимические ряды, которые по количественному составу мож-
но разделить на простые, или двучленные (будка-халупа, ганак -
ворыльцо, стайня - канюшня, пограб - склеп, калодзесь - студня и
др.), и многочленные - с тремя, четырьмя и более компонентами
(воромы - будоўля - будынак, гумно-ток-стадола, стопка-спижар-
ка-кладовая, клець - свіран-маказын-склад, плот - паркан - тын -
пастакол - пляцень - забор - згарода и др.).

При этом некоторые лексические единицы ввиду своей много-
значности отдельными значениями входят в несколько синонимиче-
ских рядов (семантических групп, микросистем). Ср.: двор "по-
стройка для жилья" - хата-дом-гаспода-ізва-святліца-прытулак и
двор "площадка между жилой и хозяйственными постройками" -
надворак-дзедзінец, двор "жилое здание со всем комплексом хо-
зяйственных строений, хозяйство" - хата-дом-гаспода-дым, камо-
ра "жилое помещение, отдельная комната" - пакой-комната-стан-

чая-бакоўка-горніца и камора "помещение, где хранятся разные продукты, припасы" – стопка-спіжарня-кладовая.

Иногда компонентами синонимических рядов выступают терминологические словосочетания (существительное с прилагательным по формуле П + С и С + П): черная хатка –хатка курная, а также терминологические словосочетания и простые термины (по формулам С + П и С; П + С и С): хата курная-курнік, плуот плецяны – пляцень, ветрыны млын –вятрак и др.

Большинство лексических синонимов в языке белорусских народных сказок составляют разнокорневые слова типа пуня-адрына, ёўня-восіць, лазня-баня, вароты-брама, но довольно значительное место принадлежит однокорневым синонимам, образованным посредством различных словообразовательных формантов от одного корня. Последние при тождественности общего значения часто отличаются между собой смысловыми оттенками, экспрессивно-эмоциональной и стилистической окраской: халула-халупка, павець-паветка, камора-каморка, печ-печка, прыпек-прыпечак, свіран-свіронак, крыніца-крынічка, хата-хатка-хатачка, дом-дамок-дамоўка, кут-куток-куточак, яма-ямка-ямачка, свінух-свінушнік-свінічык, прыгуменне-прыгумечэ-пругміень, сені-сенцы-сёнкі-сіенечкі, хлёў-хлявец-хлёўчык-хляўчук и др.

Семантические связи между словарными единицами лексикотематических микросистем, семантических групп в языке исследованного сказочного эпоса нередко основываются на родо-видовых отношениях. Наблюдается это в тех случаях, когда лексические объединения образуются из двух разновидностей названий, одни из которых обобщающие (родовые) названия с широким семантическим объемом, а другие – наименования (видовые) с дифференцированным, конкретным смысловым содержанием. Родовое слово по отношению к видовым выступает в качестве обобщающего, поэтому связь между ними характеризуется как между предметом и его разновидностями, между общим и частным. Например, лексема будоўля является обобщающей к словам хата, дом, хлёў, гумно,адрына, свіран. Вместе с тем, видовое название в семантических группах может выступать как обобщающее к наименованиям с более узким лексическим значением (как видовое к подвидовым), как название целого к его частям. Ср.: хлёў-стайня, канюшны,абора, свінух, аўчарня, гусарнік; млын – вадзяны млын, ветрыны млын, хата-пакой, камора, бакоўка, кухня, сені.

Широкие синонимические связи в языке белорусского фольк-

показатель развитости народного языка, его богатства, точности и способности передавать самые тонкие смысловые оттенки, нюансы разных понятий, характеристик при описании реальных явлений действительности, предметов, вещей.

А.А.СТАНКЕВИЧ (Гомель)

МНОГОЯЗЫЧИЕ И ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

В последнее время в белорусском языкознании все большее внимание уделяется изучению диалектной лексики. Основными проблемами, оказавшимися в центре внимания диалектной лексикологии, являются системность лексики, синонимия и вариантность, семантическая структура народного слова. Не менее актуальным является другое направление исследования – выявление лексического взаимодействия в говорах и его роли в формировании основного лексического фонда.

Отдельные островные (русские, польские, литовские) говоры Белоруссии и нынешнего литовско-, польско-белорусского полиязычия sporadически исследовались в нашем языкознании. Проблема взаимодействия островных диалектов с основным массивом русских говоров не была объектом специального изучения.

Белорусский язык формировался в специфических исторических условиях, которые в значительной мере определила своеобразная языковая ситуация, связанная с билингвизмом и даже полилингвизмом в различные периоды его развития.

В XV–XVIII вв. языковая ситуация на территории Белоруссии определялась поочередным использованием в письменной форме русского, церковнославянского, польского, латинского и русского языков. Такое историческое многоязычие, проявлявшееся в различных формах – активной (польско-русско-белорусское), пассивной (церковнославянско-латино-белорусское) – связано с особенностями развития старобелорусской письменности. В связи с тесной преемственностью между старым и новым белорусским литературным языком, единственным носителем связи между которыми явились народные говоры, в определенной степени сохранившие и влияние исторического письменного многоязычия.

Специфическим является и национальный состав населения Белоруссии. На территории Белоруссии издавна в приграничных эт-

ноконтактных зонах жили представители других национальностей — русские, поляки, украинцы, литовцы. Кроме этих компактных этноэтнических групп, заселявших определенные территории, выделяются дисперсные этногруппы, расселенные по всей Белоруссии, — евреи, татары, цыгане и др. В наше время в национальном составе БССР, где белорусов — 79,4%, среди небелосов в количественном отношении выделяются русские (11,9%), поляки (4,2%), украинцы (2,4%). В плане определения языковой специфики этой проблемы возникают вопросы исследования функционирования островных говоров небелосовских этногрупп и их взаимодействия с основным массивом белорусских диалектов. Это внутреннее диалектное лексическое взаимодействие в определенной степени подкрепляется внешним воздействием современных русского, украинского, польского и литовского языков на белорусские говоры, особенно в пограничных зонах.

Специфику, сложность и многогранность этой проблемы можно проиллюстрировать частично на материале белорусско-польского, литовского лексического взаимодействия.

Длительные и непосредственные контакты населения Белоруссии и Польши в пограничных зонах, их территориальное соседство, особенности исторического развития белорусского языка в условиях продолжительного белорусско-польского двуязычия, наличие островных польских говоров в Белоруссии обусловили значительное лексическое диалектное взаимодействие, интенсивность и диапазон которого изменялись в различные периоды.

Так, лексические полонизмы в количественном отношении, как известно, являлись самой большой группой среди заимствований старобелосовского литературного языка, в гораздо меньшей степени употреблялись в разговорном языке того времени. Значительная часть их сохранилась в говорах с той поры: валаць "звать", вое "много", вэдлуг "по, согласно", гавэнда "разговор", прасцірада "простыня", скрыдлы "крылья", фрэзылі "махры" и др. Основная их масса употребляется в контактных пограничных диалектных зонах, являющихся, как известно, более архаичными. И лишь немногие из них вошли в состав современного литературного языка — блакіты, ганьба, еднась, менавіта, моц, скарга и др.

Значительное количество полонизмов было заимствовано позднее и сконцентрировано в говорах Гродненской и Брестской областей — блэнд "ошибка", гвезда "звезда", цевжар "тяжесть", вайзі "чемодан", дэнтка "камера велосипеда", жалізка "утюг", марынар-

ка "пиджак", пшешюрка "перепелка", ровар "велосипед", столак "табурет", тэчка "сумка" и мн.др.

Северо-запад Белоруссии является также зоной многовековых интенсивных балто-славянских контактов, главенствующую роль в которых занимает белорусско-литовское взаимодействие. На территории белорусско-литовского пограничья располагается группа островных литовских говоров. Это нынешнее соседство и определенные балто-славянские контакты в прошлом обусловили функционирование в говорах Белоруссии значительной группы литуанизмов.

Как отмечают исследователи, в эпоху старобелорусской письменности литуанизмы проникали прежде всего в народно-диалектный, а через него — в литературный язык. Одни из них, сохранившись до нашего времени, получили статус литературной нормы (атоса, зырван, кумляк, пуня, свіран), другие имеют диалектный характер (аруд "засек", бонда "хлеб", клуня "рига", млта "еда из овсяной муки"). Основная же масса литуанизмов, функционирующих в современных белорусских северо-западных говорах, не зафиксирована в старобелорусских памятниках, что свидетельствует о возможном более позднем заимствовании: альсы "болото", бадзюк "игла хвои", баршкулі бот. "звонец", біздрыс "бесхвостый", брузукель "бирка", варжа "рыболовная снасть, верша", вягал "налим", гілос "слепни", грабузда "болотный осот", крушня "груда камней", мелініс "рукоятка ручного жернова" и др.

Прочие закрепившись в лексической системе современных белорусских говоров, заимствования подверглись в них значительной формально-семантической адаптации в соответствии с основными закономерностями народно-диалектного языка-рецептора.

Н.А.СТАРОСТЕНКО (Гомель)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНДЕНСАЦИЯ В СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Семантическая конденсация представляет собой языковой процесс, который активно протекает в структуре славянской диалектной терминологии. Наблюдается как в области терминов, служивших обозначениями реалий славянской материальной культуры, так и в сфере обрядово-мифологической лексики. Процессу конденсации подвергаются словосочетания, фразеологические обороты,

словесные формулы обрядов и пр.

Значительной продуктивностью характеризуется семантическая конденсация в сфере славянской народной терминологии, формирующейся на базе зоонимов. Основные ее разновидности можно представить здесь следующим образом.

1. Широко распространена в славянской диалектной терминологии семантическая конденсация словосочетания с предикатом-зоонимом. Эта терминология служит обозначениями растений (ягод, грибов, трав и т.д.), наростов на организмах, ненормально растущих зубов; людей; созвездий; других животных и пр. Ср. бел. ваўчыя ягады, ваўчыны грыб "любые несъедобные ягоды, грибы" (Туровский словарь), укр. вовчий: горох, трава, ягода и пр., т.е. "несъедобный" (Гринченко), каш. **vilci** "о растениях: дикий, некультурный" (Сыхта) и в этой связи бел. ваўчок "мытник" (Касперович), укр. вовчок "растение заразила ветвистая" (Гринченко); бел. ваўчы сук "выпирающий из ствола стержень" (Туровский словарь) и польск. **wilk** "вертикальный смольный сук в бревне, после выпадения которого остается скошенное отверстие" (Карлович); русск. волчий зуб "уродливый, не на месте зуб" (Даль) и русск. волчок, укр. вовчок, бел. ваўчак и др. "зуб у коня, выросший не на месте" (Словарь русских народных говоров; Гринченко; Стешкович); укр. вовкуватий, бел. ваўкаваты (о человеке) и русск. волк, бел. воўк "нелюдимый, злой человек" (Даль; Гринченко; Туровский словарь). Ср. также русск. утичье гнездо, польск. **kwoka z kurczętami** и укр. квочка, квочка, польск. **kwoka** "Плеяды" (Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. - Новосибирск: Наука, 1980, с. 93; **Gładyszowa M. Wiedza ludowa o gwiazdach. - Wrocław**, 1960, с. 24; Лысенко), болг. кѳстена жаба, карава жаба и жаба "черепаха" (Българска диалектология).

2. В славянских диалектах процессу семантической конденсации подвергаются фразеологические обороты; ср. русск. быки "кушанье из толокна, замешанное на постном масле" и быком пить "есть жид: ое кушанье из горшка без ложки" (Словарь русских народных говоров; Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР), польск. **wilk** "бездельник" и **wilkiem pędzić** "бездельничать" (Карлович).

Наиболее активно этот процесс проявляется в сфере обрядовой и мифологической лексики; ср. слер. "koza "оставшееся несжатом поле" и слав. "остаться на козе "оставаться на несжа-

том участке", русск. козлик "кусочек нерасплавившегося металла в мартеновской печи" (Словарь русских народных говоров) и посадить козла "остудить вагранку, недоплавив чугуна" (Даль), бел. конь "перемота" и каня палажыць "сделать ошибку при сновании кросен" (Словарь белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее пограничья) и мн.др.

3. Значительной активностью характеризуется явление семантической конденсации в области словесных формул обрядов, мифологических представлений, связанных с окружающей человека природой, и пр. Ср. каш. *vilk* "солнечный дождь" и объяснение природного явления кашубами: "*Vilk ma ográžka; Vilka zému trąse; Vilka ogón boli*" (Сыхта) и мн.под.

Большая часть славянской народной терминологии, формирующейся в процессе семантической конденсации словосочетаний, фразеологических оборотов, словесных формул обрядов на базе зоонимов отражает противопоставление животных: аномальный – человеческий. В диалектных терминах противопоставление проявляется через наименование несъедобных или ядовитых растений, грибов, год; не на месте растущих зубов; вредоносных наростов на организмах; угрюмых людей и пр. В сфере терминологии, связанной с духовной культурой славянства, это противопоставление осложняется дополнительным мифологическим наложением на внутреннюю форму термина в соответствии с демонологическими представлениями славян о том или ином животном. Часть семантических конденсатов формируется на базе общих зрительных ассоциаций и отражает особенности крестьянского бытового уклада; ср. наименования созвездий на базе зоонимов, связанные с разведением домашней птицы, охотничьими, сельскохозяйственными интересами крестьян и т.п.

В.И.СТАТЕЕВА (Ужгород)

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ДЕДЕМИНУТИВНОЙ ЛЕКSIКЕ

Среди ледеминутивов украинского языка имеется значительное количество лексем, которые отмечены в других славянских языках, в том числе и в белорусском. Украинско-белорусские параллели найдены нами на основе обработки фактического материала при наличии толковых, исторических, этимологических, диалект-

ных словарей и других материалов украинского и инославянских языков.

В составе дедеминутивов, отмеченных лишь в украинском и белорусском языках, преобладают диалектизмы: укр. диал. бутлик "небольшая бутылка", "стеклянный сосуд, бутель", бел. диал. бутлі "большой стеклянный, оплетенный лозой сосуд для воды, водки и др.", "глиняный кувшин с узким горлом, в котором брали в поле воду"; укр. диал. ваганок "корытце, из которого едят", бел. диал. ваганок; укр. диал. верчик разгов. "сверток, пучок", бел. диал. верчык; укр. городчик, горідчик "палисадник", бел. агародчык, гародчык, диал. гаротчык, гароччык; укр. диал. гарбузик, гарбузики "семена тыквы", бел. гарбузік; укр. диал. (закарп.) чуфладик "ящик в столе", бел. диал. шухлядзік; укр. диал. пугарчик "рюмка", бел. диал. пугарчык; укр. кухлик "глиняная кружка", бел. диал. кухлік фарфоровый кубок; укр. диал. шиток "верхушка растения", бел. диал. шчыток и др.

Значительно меньше среди украинско-белорусских параллелей в дедеминутивной лексике образований литературного употребления: напр.: укр. кожушок "пленка на молоке, киселе", "тонкий лед", бел. кашушак; укр. котик "соцветие вербы и др. растений", бел. коцька; укр. паростак "молодой стебелек растения", бел. парастак; укр. гурток (научный) "вообще группа людей", бел. гурток и др.

Украинско-белорусские параллели в сфере дедеминутивов обусловлены рядом причин:

1. В ряде случаев можно предполагать еще древнерусское происхождение дедеминутивов, что подтверждается и древней фиксацией их в украинских или белорусских памятниках, напр. укр. диал. островок "сухое место на болоте", бел. диал. астровак (ср. ст. укр. островокъ: минувши крыницю и старое греблище аж до сени ти и до островька на болоте (1595).

П. У многих лексем можно предполагать общий характер образования в обоих языках, что может объясняться известными историческими обстоятельствами (общей исторической судьбой украинского и белорусского народа в XI-V вв. и более поздние периоды. Существование украинско-белорусской лексики в отмеченное время обусловлено контактированием и др.) К таким дедеминутивам принадлежат: укр. горщик (ср. ст.-укр. горшиць (XУП в.) и бел. диал. горшчык; укр. збанок (ср. ст.-укр. збанокъ (XУШ в.) и бел. збанок; укр. казанок (ср. ст.-укр. казанокъ (1638) и бел. казанок (отмеч. в рус. (зап.-брян.) диалектах казанок "большая

люля" (СРНГ), очевидно, украинское или белорусское заимствование); укр. хрещик "крестик, крест (напр., на шее)", бел.диал. квачык "ритуальный крестоподобный хлеб"; укр. квачик "кисель", бел. квачык и др.

Ш. Очевидно, отдельные лексемы образовались вследствие параллельной, независимой дедеминутивации в украинском и белорусском языках, напр. укр.диал. пласток "у гончаров кусок разменной глины овальной формы, подготовленный к работе" и бел.диал. пласток "охапка сена"; укр. цапок "устройство для резания" и бел.диал. цапок "жердь, на которую ставят снопы для сушения", бел.диал. царик "вид стола" и бел.диал. царик "балка среди избы", бел.диал. кладина, на которой держится потолок", "столб возле печи, на котором держится чердак"; укр. цепок "цепь" и бел.диал. цепок "часть стенок, вертикальные планки, закрепленные на долгих жердях" и др.

Встречаются, очевидно, и заимствования.

П.В.СТЕЦКО (Гомель)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ СУБСТАНТИВОВ В НАРОДНО-ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

В народно-диалектном языке широко представлена не только формальная, но и семантическая деривация. Под семантической деривацией следует понимать не только образование новых лексических единиц — омонимов, но и обогащение лексем новым значением, т.е. возникновение новых номинативных средств как лексико-семантических вариантов слова.

Данные белорусских диалектных материалов позволяют видеть в народных говорах разнообразные виды переносов значений, основанных на смежности реалий или их сходстве (метонимический и анафорический переносы). Рассмотрим некоторые из них.

Для негативной характеристики человека здесь используются следующие связи лексико-семантических вариантов слов: а) животное (в т.ч. птица, насекомое) → человек: вяпрук "нескладный человек, увалень", дзік "стеснительный, нелюдимый человек", казёл "чужак", цяцера "глухой или рябый человек", дзятлук (молодой человек) "физически слабый, чаще невзрослый человек", хрушч, кашто же"; б) кушанье (вид хлеба) → человек: ляпеш (сырой, невпеченый хлеб) "полный, неуклюжий, некрасивый человек", бн-аравай хлеба) "полная, пышущая здоровьем женщина", булка

"горбатый человек"; в) явления природы → человек: вецер "ветренный человек", буран "крикун, разбойник", прорва "обжора"; г) предметы, орудия труда, вместилища → человек: мянташка "пустомеля", малатарня "то же", памыйница "неряшливый человек", черница "тот, кто жадно и много ест", мяла "увалень", мяшок "неповоротливый, неуклюжий человек", бязмен, лапашь "недалекий, неразумный человек", калауродак (калауротак) "пустомеля", баса и басэтя (бочка) "полная, малоподвижная женщина", качолка (кацёлка) "невысокая, верткая женщина", кураўка (вид керосиновой лампы) "неопрятный человек, неряха"; д) растение, дерево → человек: гарбуз "малый, невысокого роста, чаще ребенок, подросток", камлюк, камёлак "невысокий, но крепкий человек, крепыш", карчак (корч) "крепыш".

С другой стороны названия лиц (по профессиональным признакам) нередко выступают номинациями животных, особенно птиц: каваль "дятел", кравец "птица зуюнок", швачка "вид птицы".

Слова - названия животных, а также человека нередко используются в говорах для номинации: а) видов грибов: алень, баран, голубы, гуси, кабылы и кабылки, казлы, куры, ліскі и лісіцы, ласі; б) деревьев, злаков: казак "вид овса", цыганка "вид груши, яблони с плодами темного цвета и запахом смолы"; в) пищи: гультай "сваренный в разрезанном неочищенном виде картофель", цыганы "лепешки из гречневой муки (каши)".

Довольно распространенным в народных говорах является обозначение предметов домашнего обихода (их частей), а также орудий труда, транспортных средств с помощью субстантивов - названий животных: баран "рубанок", сука, сучка "маленькие вспомогательные сани для транспортировки леса", чайка "лодка", каза "велосипед, санки, приспособление для измерения площади на местности", карась "железная планка под осью в повозке", кабылки "часть ручного ткацкого станка", казёл "соха в колодеже с журавлем", сабачкі "часть ткацкого станка".

Нередки в народных говорах синекдохические отношения при номинации блюд, кушаний, когда название основного продукта переносится на изготовленное из него блюдо, кушанье: бацвинне и буракі "борщ", калушта "щи", пасоля "фасолевый суп", шчавэй (шчаўе) "щи зеленые со шавеля", лебядя "суп из лебеды", гарбуз "тыквенник", морква "суп морковный". Название части выступает как обозначение целого при номинации: а) обрядов: гарэлка "помолвка, сговор", вэчар "вечеринка"; б) транспортных средств: калёсы "повозка", крывулі "вид повозки для транспортизации длинных бревен" гняянкi (боковые доски в повозке) "вид повозки для перевозки

бреней" ("гноя"), драбны "повозка для выезда или перевозки
кожая"; в) строений, бытовых предметов: пакоі "панский дворец,
бняк", батарэяка "фонарик".

Очень распространенными являются метафорические и метони-
мические переносы значений при наименовании географических объ-
ектов - по их сходству или смежности с соответствующими пред-
метами быта, постройками. Например, в народной микротопонимии
используются следующие субстантивы: Батарэя, Грэбень, Дуга, Ка-
рга, К.лн, Кароўнік, Катух, Мяшок, Начаўкі, Ночвы, Псярня, Пад-
ва, Рукавіца, Рушнік, Талерка, Цагельня, Штаны и др.

Л.В.СУДАВИЧЕНЕ (Вильнюс)

ЛЕКСИКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В
СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ХУП В.
(на материале Литовского статута в Московском переводе-ре-
дакции ХУП в.)

Исследуемый памятник - Литовский статут в Московском
переводе-редакции ХУП в. (МПРЛС), отражает в известной степе-
ни специфические черты национального языка, накладываемые на
язык для восточнославянских языков древнерусскую основу.

Памятник представляет научный интерес при изучении мно-
гих аспектов языка этого ценного источника, но на данном этапе
изучения нас интересует лишь лексическая сторона и, в частности,
исследование лексики западноевропейского происхождения, так на-
зываемых латинизмов и германизмов, проникших в русский язык,
в большинстве своем при посредстве польского языка и близкород-
ственных - староукраинского и старобелорусского языков.

Западноевропейизмов в исследуемом тексте немало. По пред-
варительным подсчетам, они составляют более 20% словаря. Сте-
пень освоения их русским языком неодинакова. Большая часть
из них получила распространение в русском языке лишь в петров-
скую эпоху, некоторые позже даже вошли в русский язык на пра-
вах интернационализмов, а отдельные заимствования, часто слу-
чайные, не удержались в лексической системе языка: их русские
эквиваленты вполне передавали то или иное специальное понятие.

В МПРЛС заимствования встречаются в различных лексико-
тематических группах, они присущи почти всем лексико-граммати-
ческим разрядам слов, большинство из них имеет **собственные**

лексические параллели. Например: инструкция – наказ, конституция – уложение, маестат – престол, парсуна – лицо, тестамент – духовная. Введение заимствованного слова при наличии смыслового эквивалента из русского языка составляет особенность исследуемого текста. Такой способ передачи лексических заимствований имел свою традицию и особенно распространенным был в языке ХУП в. Он имеет место и в языке Литовского статута 1588 г., где не заимствованные дублетные пары имеют, как правило, уточняющее значение.

Анализ так называемых лексических рядов или вариантов, цепочек (квит – явка; привилей – грамота, лист, крепость; прокуратор – стряпчий, речник и др.) позволяет установить не только факт заимствования слова, а в какой-то степени проследить те этапы, которые проходило слово по пути усвоения его литературным языком. Кроме того, это, во-первых, указывает на источник перевода – Литовский статут 1588 г., написанный “по руску, литерами и словы рускими”; во-вторых, это интересно для характеристики особенностей языка переводного и оригинального текстов; в-третьих, переводчик, вводя смысловые эквиваленты, стремился приспособить текст к московским порядкам и понятиям, что превращало его переводческую деятельность в работу редактора: отсюда и название – Литовский статут “в московском переводе-редакции” (выделено нами – Л.С.).

Г.К.ТИВАНОВА (Минск)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕЛОРУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ ХУШ ВЕКА

ХУШ столетие – своеобразный период в истории белорусского языка. Правящей верхушкой проводилась политика окатоличивания белорусского населения, насильственно насаждался польский язык. Однако белорусский язык продолжал существовать как разговорный в неофициальной обстановке, а для мелкой шляхты и простолюдинов был единственным средством общения. Образцы тогдашней белорусской речи сохранились только в произведениях художественной литературы так называемого “низкого” жанра (комедии, интермедии, шуточные стихи, басни, песни).

Рассмотрение системы склонения в рукописях ХУШ века предполагает анализ падежных форм существительных и прилагательных в сравнении с письменной традицией старобелорусского

ника и современными диалектологическими материалами.

Анализ грамматических форм существительных показал их соответствие современной системе именного склонения:

а) I ("мужское") склонение, образовавшееся в результате слияния двух парадигм склонения на -о и на -ѣ, имеет некоторые внутренние различия (варианты окончаний -а, -у в формах родительного падежа единственного числа, -е, -и, -у в местном падеже множественного числа, -е, -у в звательном падеже);

б) II ("женское") склонение существительных с основами на -ѣ в процессе исторического развития мало изменилось. Влияние мягкой разновидности на твердую вызывает колебания в форме местного падежа единственного числа;

в) падежные формы существительных женского рода с основами на -і соответствуют современному III склонению;

г) основы на согласный в памятниках представлены немногими примерами; в своем словоизменении они совпадают с одним из трех типов склонения или не склоняются вовсе.

В некоторых рукописях, языковую основу которых составляют полесские и юго-западные говоры, встречаются формы, совпадающие со старой письменной традицией (окончание -ови/-еви в родительном падеже единственного числа и -ы в творительном падеже множественного числа существительных II склонения). Но считать эти формы традиционными нельзя, поскольку они сохранились и в современных говорах.

Формы двойственного числа не употребляются. Только существительное око встречалось в двойственном числе.

Система местоименного склонения широко и полно отражает грамматические особенности живой народной речи. О независимости от старых письменных традиций свидетельствуют формы именительного падежа единственного числа мужского рода на -ѣ-и, родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода на -ого/-его (фонетические варианты -ога, -ага/-ега, -аго/-яго), именительного падежа множественного числа на -ыѣ/-ие.

Противопоставление двусложных и односложных вариантов окончаний имеет место в прилагательных женского рода в родительном падеже единственного числа (-оѣ/-еѣ или -оѣ/-еѣ) и в творительном падеже единственного числа (-ою/-ею или -оѣ/-еѣ). В рукописях, основанных на юго-западном диалекте, преобладают полные формы, а на северо-восточном — полные и краткие представлены поровну. В соответствии с особенностями двух диалект-

ных массивов употребляются и окончания местного падежа единственного числа прилагательных мужского рода (юго-западный — -ом/-ем, северо-восточный — -ым/-им).

Из-за отсутствия сложившихся норм белорусского литературного языка ХУШ века каждый из памятников имеет свои отличительные особенности. В их языке с разной степенью точности отражены определенные народноразговорные особенности, которые соответствуют месту создания памятника. Это обстоятельство является особенно важным, когда место создания памятника точно неизвестно. Так, в интермедии "Ваханалия" 1725 г. существительные на -а встречаются в творительном падеже единственного числа с окончанием -ою, существительные среднего рода и *Pluralia tantum* в винительном падеже множественного числа имеют окончание -а. Качественные прилагательные тут встречаются только в полной форме, что, видимо, послужило причиной употребления и притяжательных прилагательных с двусложным окончанием. Все эти черты свойственны современным говорам Гродненщины.

Определенные различия в языке памятников вызваны и субъективными причинами (степень образованности, языковое чутье, собственный вкус автора или переписчика). Это особенно заметно при сравнении языковых особенностей "Комедии" К.Марашевского и "Доктора поневоле" М.Тетерского, созданных в одном и том же месте — Забельской коллегии (около Волынец Витебской области), а также при сравнении отдельных частей "Комедии" К.Марашевского, написанных разными почерками.

Всестороннее исследование языковых особенностей памятников ХУШ века дает возможность более полно представить своеобразие истоков и условий формирования нового белорусского литературного языка.

Е.И.ТИМОШЕНКО (Минск)

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

1. Сопоставительно-типологическое изучение лексических систем языков в синхронном плане убеждает в наличии определенных соответствий между отдельными лексико-семантическими единицами. Особый интерес в этом смысле представляет изучение лексики родственных и близкородственных языков, поскольку эти языки характе-

изуются (кроме других сходных черт) более или менее высокой степенью близости плана выражения.

2. Соответствия между словами родственных языков (исследование проводится на материале русской и белорусской лексики) характеризуются различной степенью схождения в плане содержания ("внутреннее" схождение) и в плане выражения ("внешнее" схождение): от полного соответствия в обоих планах (межъязыковое тождество) до его отсутствия (нулевое тождество).

3. "Внешнее" схождение, возможное в близкородственных языках, позволяет выделить в них совокупность слов, являющихся общими для изучаемых языков. Наличие же определенных соответствий и в семантике этих слов позволяет говорить об общем лексическом фонде (ОЛФ) исследуемых языков. (Мы употребляем термин "общий лексический фонд", следуя сложившейся традиции; описываемую общность точнее было бы назвать общим лексико-семантическим фондом). Для определения состава ОЛФ необходимо установить предел варьирования как для семантической ("внутренней"), так и для формальной ("внешней") сторон слова.

4. В плане содержания лексемы должны характеризоваться определенной степенью семантической общности. Термин "семантическая общность" указывает не только на полное семантическое тождество (русск. левый - бел. левы, когерентность - кагерэнтнасць), но и на определенное семантическое схождение. (Сравни.: русск. жаба - бел. жаба. В белорусском языке это слово, в отличие от русского, употребляется еще и со значением "лягушка"). Семантическое схождение, таким образом, может быть присуще словам, характеризующимся неодинаковым семантическим объемом в разных языках.

5. Общность плана выражения, необходимая для отнесения слов к ОЛФ, предполагает диапазон от полного морфонологического схождения, которое в русском и белорусском языках возможно в силу близости их родственных отношений (сравни.: русск. сын - бел. сын), до схождения минимального. Между этими крайними пределами внешнего подобия располагаются лексемы, характеризующиеся частичным схождением. Последнее может быть представлено словами с закономерными фонетическими соответствиями (русск. десять - бел. дзесяць, решить - рашыць), наличием в слове одного из языков словообразовательной морфемы, отсутствующей в слове другого языка (русск. дочь - бел. дачка), грамматическими колебаниями (например, отличием в роде: русск. собака (ж) - бел. сабака (м).) и некоторыми др. Спорным представляется ре-

шение вопроса об отнесении к ОЛФ семантически соотносимых слов, оформленных с помощью синонимических словообразовательных аффиксов, не обладающих внешним сходством (например, русск. испить в прямом значении – бел. выпіць, осветитель – освітляльнік). По-видимому, подобные лексемы могут быть квалифицированы как образования, находящиеся на "периферии" ОЛФ.

6. Отдельным аспектом изучения единиц ОЛФ являются их стилистические особенности. В лексических системах русского и белорусского языков имеется ряд слов, которые характеризуются достаточной для отнесения их к ОЛФ степенью "внутренних" и "внешних" соответствий, различаются стилистически. (сравни.: русск. разг. хворать – бел. лит. хварэць). Учет коннотативной характеристики слова представляется необходимым не всем лингвистам. Тем не менее эта характеристика, являясь одним из компонентов структуры значения слова, вносит свои "коррективы" в определение места подобных лексем в составе ОЛФ.

7. Таким образом, изучение актуальной для современного языкового развития проблемы формирования общего лексического фонда предполагает следующие методологические посылки (список может быть дополнен):

исследование соотношенности лексико-семантических единиц в плане содержания и в плане выражения;

выявление обобщенных типовых моделей межъязыковых соответствий;

использование при описании ОЛФ понятий "языкового центра" и "языковой периферии"; опора на принцип "градуальности" или "ступенчатости", в определении типологических особенностей межъязыковых соответствий.

В.В.ТИТОВ (Житомир)

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЫБОЛОГЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ ГОВОРОВ ПРАВОБЕРЕЖНОГО И ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПОЛЕСЬЯ

Восточнославянская лингвистическая география (Атлас украинского языка, Полесский этнолингвистический атлас, атласы Н. Никопчука, В.М.Куриленко, П.Ф.Романюка, И.О.Федоровской, Е.А.Черепановой) засвидетельствовали факт ареалогического противопоставления украинских левобережнополесских и правобережнополесских говоров. Об этом ареалогическом членении полесского

режья и правобережья свидетельствует и рыболовецкая лек-

а лексическом уровне можно отметить следующие примеры синоставлений:

ак, сачок – рыболовный снаряд в виде полукругом согнуто-та с сетчатым мешком, в который загоняют рыбу: п'дхв^ат (ат) п'дхв^атка (подхватка), пидсака (потсака), патсаква, лудсак, комела, комл'а, кломл'а, клумл'а, клдмйа, климн'а, а, клун'а, клбвен' (м.р.), каламейка "вид сака, который ис-гется во время весенней путины", топл'а, кбш (ко^уш, кбш, кобоша, хабоша, хоботн'а, кол'иска, рега, регел'а, звбн, дуб-шерепа, грабель' (м.р.), лата, бекеша, крилач, с'ет' (право-ные полесские говоры) – кавбеша, кавбеха, кобза, бавтуха уха) (левобережные полесские говоры);

"род сака, сплетенного с дубцов, которые вырезаны из ство-молодого дубка в форме пучка и выходят со ствола, а сам образует вершину сака": бовтуха, дубчанка, лата, рега (ре-регел'н'а) (правобережье) – лучанка (левобережье);

"рыболовный снаряд в виде двух сетей, которые разворачи-подобно книге и которую на двух полозках два рыбака тянут у водоема, а третий сзади прижимает к земле": сан'и, реге-югач'е (правобережнополесское), при общем: крига (кр'ига, и);

"рыболовный снаряд в виде черпака из сети, которым ловят способом накрывания": хабоша (правобережье) – накрываха, духа (нак'идушка), соваха, саваха (соваха больше размерами бережье);

"рыболовный снаряд – сеть на нескольких деревянных обру-с приспособлением, задерживающим рыбу в снаряде": сак, жак, а, мережа, бчка, таптуха, бембенюк (ятер, имеющий два вхо-правобережье) – кубар' (кубар'ик) (левобережье);

мотня "средняя углубленная часть бредня, невода": мотн'а н'а), кулик (кул'ил), торба, ворок (ворочок), сак, башлик, в, кл'инок, дно, чп, чашчайа, сердце (сердечко), сердце'ина, к (правобережнополесские говоры) – кул'ма, кул'мач, корма ма), карна, кан'ец, с'ет': (левобережнополесские говоры);

"рыболовная сеть (безотносительно к размеру)": кобила ла), нев'ид, с'ет', забродчик (правобережнополесские говоры) ер'ежа (левобережнополесские говоры);

"снаряд в виде шеста с трубкой, цепью или банкой на конце,

которым ударяют по воде, чтобы загнать рыбу в сети или какой-нибудь другой рыболовный снаряд": бовтур, бовкуи, болдило, балдави'а, стукалка, товкачка, пугач, колот (колото), грабар, ломака, тичка, тичка з цепом, булава, коцуба, росоха (палка з ралцем), хола (правобережнополесские говоры) – гурвак, хропало, хропач (левобережнополесские говоры).

Сопоставляя рыболовецкую терминологию правобережного и левобережного Полесья, мы встречаем противопоставления и на словообразовательном уровне. Например, в полесских названиях сака: та(о)пчанка, топчайка (правобережнополесские говоры) – тапчолка (левобережнополесские говоры); кошица (правобережье) – кошик (левобережье); в названиях шеста, предназначенного для того, чтобы гнать рыбу в нужном направлении: жвор, жворок (правобережье) – журвак, жорвак (левобережье); бовтало (правобережье) – бовталка (левобережье).

При этнографическом сопоставлении рыболовных снарядов правобережья и левобережья Полесья мы видим, что некоторые реалии встречаются только по одну сторону Днепра.

Так, в правобережном Полесье (Новоград-Вольнский район) употребляется снаряд, состоящий из прута с сетчатым мешочком специально для того, чтобы ловить рыбу на быстром течении: хубеша. Только в Любарском районе Житомирской области встречаются рыболовные приспособления в виде корзины, сплетенной из рогазы: регезул'а.

В свою очередь, только на левобережном Полесье употребляется такой оригинальный рыболовный снаряд, как журавл'ица, представляющий собой горизонтальную сеть, опускаемую и поднимаемую с помощью специального приспособления – журавля (аналог. журавль у колодца).

Т.И.ТОМАШЕВИЧ (Гродно)

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ ХУ1–ХУП ст.ст.

1. Исследование фразеологических заимствований в старобелорусском языке имеет исключительное значение для выявления исторических закономерностей развития словарного состава данного языка. Однако свое и чужое в фразеологии разграничить значительно труднее, нежели в лексике. Слово, как известно, – це-

иноформленная единица, а фразеологизм – раздельнооформлен-
ный. Это и составляет определенную практическую и теоретическую
трудность при определении полукалек и неточных фразеологиче-
ских калек, которые в своем составе, в отличие от так назы-
ваемых полных калек и заимствованных фразеологизмов, имеют
компоненты, что на лексическом уровне принадлежат различным
лексическим системам.

2. Под заимствованным фразеологизмом принято называть
лексический оборот, который в качестве готовой воспроизводимой едини-
цы пришел в другой язык и употреблялся в нем (или употреблял-
ся и в настоящее время) в том виде, в каком он известен или
был известен в языке-источнике. Иначе говоря, заимствованный
фразеологизм – это иноязычный по своему происхождению фразеоло-
гизм, который употребляется без перевода (Н.М.Шанский). Обо-
роты данного типа, обнаруженные в текстах старобелорусской
письменности, можно поделить на две группы: фразеологизмы, за-
имствованные из старославянского языка, и иноязычные фразеоло-
гизмы, заимствованные без перевода из западноевропейских
языков.

3. Старославянскими по своему происхождению являются
лексические обороты соль земли "самое главное, самое существенное" (соль
– символ очищения и охрана от порчи) в "Пересопничском еван-
гелии" читаем: "Мейте соль в собѣ". Этот призыв означает "будь-
те всегда морально чистыми, имейте в душе своей качества, обе-
щающие ее от морального опустошения"; камень кинути (вариант:
каменем побивати) "опорочить кого-либо, очернить"; голось
вопиющаго (волающаго, крычачаго) во пустыни "напрасный призыв,
напрасная просьба"; метать бисерь предь свиньями "напрасно го-
ворить что-либо или доказывать что-то тому, кто не может или
не способен понять это"; альфа и омега "начало и конец, осно-
ва, самое главное" и др. Не все обороты, заимствованные из
старославянского языка, сохранились до нашего времени. Неко-
торые из них трансформировались в структурно-грамматическом
плане, изменили свою семантику.

4. Другую группу фразеологических заимствований, как уже
отмечалось, составляют иноязычные обороты без перевода из за-
падноевропейских языков. В отличие от старославянизмов, ино-
язычный характер их очевиден: они часто передаются латинской
графикой, не транслитерируются: латинизмы *ipso facto*
"на самом деле, в действительности"; *violenti invasores*

интрузове "вынужден насильственно занять должность"; *in suspensa* "в подвешенном состоянии, в неопределенности". Отдельные латинские фразеологизмы в старобелорусских текстах дешифрируются. Например, сервусь серворумъ Ден "слуга слуг божьих"; квестнионись кардо "сложный вопрос"; юсь патронатусь "право, по которому церковные приходы отдавались личностям по собственному желанию".

5. В отличие от латинизмов, фразеологические полонизмы определяются значительно труднее, что объясняется активным взаимообогащением польского и белорусского языков в период Великого княжества Литовского. Среди активных в старобелорусском языке и не сохранившихся в современном можно назвать такие фразеологизмы: фохи строить "капризничать", на ме(я)сные ятки выдати "осудить кого-либо на смерть", невыпареная губа "болтун"; до кресу бежати "доживать последние дни, быть в ожидании смерти"; обронной (збройной) рукою "вооружившись", въ нивець обрати "истреблять, уничтожать что-либо" и др.

6. Сравнительно-исторический анализ позволил выявить в старобелорусских текстах фразеологизмы, представляющие полужаимствование чужого фразеологического оборота — полукальки: вступати въ шранки (нем. *in die Schranken treten*); приводити (ставити) на штыхъ (нем. *in Stich lassen*); черезъ (презь) спары смотрети (польск. *przez spary patrzeć*). Неточные фразеологические кальки представлены, например, оборотами на шиху (нем. *gut im Schich sein*); до грунту (нем. *in den Grundfesten*).

7. Определенное количество фразеологизмов белорусского языка ХУ1-ХУП ст.ст. составляют точные кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чужого фразеологического оборота без каких-либо отступлений (Н.М.Шанский): на стрь глаголати; въ пазусь гадину ховати; крокодиловы слезы; огнемь и мечомь (железомь) и др.

8. Исконность многих фразеологизмов белорусского языка ХУ1-ХУП ст.ст. определить с достоверностью не всегда возможно: в современной фразеологической науке недостаточно исследована проблема сравнительного изучения фразеологии разных языков: "учитывающая хронологические границы, в которых можно провести сравнение, и специфические для каждого языка условия формирования фразеологического состава" (А.И.Молотков).

И.И. НОСОВИЧ КАК БЕЛОРУССКИЙ ПАРЕМИОЛОГ

1. Выдающееся место в белорусской дореволюционной паремии принадлежит И.И.Носовичу (1788 – 1877), автору первого в истории восточнославянского языкознания "Сборника белорусских пословиц" (Слб., 1874), указавшему исследователю дальнейшее развитие позднейшей плеяде этнографов и фольклористов. Прошло 110 лет со времени выхода в свет этого внушительного с научной и практической точек зрения труда, но своей значимости он не теряет и сегодня. К нему обращались и обращаются мастера белорусского художественного слова, лингвисты и фольклористы. Думается, однако, что до настоящего времени ученые не могли полно и по достоинству оценить вклад И.И.Носовича в паремологию белорусской паремии и фразеологии в ее широком понимании. В отзывах известных исследователей дается высокая оценка творческому наследию ученого, но имеющиеся в них главы монографических работ освещают в основном отдельные частные вопросы, связанные с работой И.И.Носовича над этим или иной публикацией, методикой подачи материала и т.п. Учитывая во внимание неоспоримые заслуги И.И.Носовича как этнографа, фразеолога и паремолога, нужно отметить тот факт, что результаты его научных поисков все еще не стали предметом пристального изучения и обобщения.

2. В "Сборнике белорусских пословиц" имеется 3715 записей, сделанных в различных районах Белоруссии как самим собирателем, так и (частично) его предшественниками. Материал этот весьма пестрый по своей структуре и семантике. Не все выписки, зафиксированные в сборнике, можно отнести к пословицам. Это и обороты народного календаря (Илья надзелаец гнил – предосторожность убирать сено и полевой хлеб до 20 июля), обороты-приветствия (Здравствуй, лоб красный, а потылица чая – шуточная приговорка при приветствии), и народные вопросы-ответы (Зязюля, зязюля, скажи, сколько мне лет жить?), поговорки (Редко, да едко – говорят, если редкий посетитель или великих издержек, или при посещении гнева божьего), и бесспорно фразеологизмы с точки зрения современной фразеологии (Следом за дзедом – говорят, если жена неожиданно приходит туда, где муж; сморгонская политька – говорят нарушающие правила вежливости в обществе. Сморгонь есть город Вилен-

ской губернии, отличающийся обучением медведей; запала клямка говорят насчет тех, которые лишились расположения чьего-либо и потеряли благоприятный случай навсегда, как бы дверь для них совершенно затворилась). Разумеется, основная масса зафиксированных выражений в сборнике – пословицы (Не подмажешь, и не поедешь без подарка не выиграешь дела; обедая, да живот не ведавай – говорю вроде жалобы на плохую пищу) и др.

3. Как видно из приведенных выше примеров, И.И.Носович в объяснении значения оборотов пользовался различными способами: раскрывал их семантику, обрисовывал ситуацию использования выражений, сопоставлял их с оборотами синонимического характера и др.

4. Неоспорима ценность данного труда в том, что многие выражения получили развернутую этимологическую характеристику, историческую справку. В предисловии автор отмечает: "В белорусских пословицах много есть намеков на исторические факты, как то: Мсцислав не одного счиснув". Многие пословицы и их этимологическая справка дают возможность современным фразеологам объяснить происхождение оборотов, представляющих сегодня реликтовые образования. Например, фразеологизм *ліць ваду на млыц*, активный и в современном литературном языке, восходит к пословице *ўсякі черт на сваё кола ваду цягне*, о которой исследователь замечает: "У белорусов есть поверье, что всякая мельница и даже всякое мельничное колесо имеет своего отдельного покровителя черта". В сборнике дается происхождение около сорока фразеологизмов. Как видим И.И.Носович по существу первым в белорусском языкознании обратился к этимологизации устойчивых оборотов, указав широкие возможности этимологии как весьма важной отрасли лингвистики.

5. Будучи хорошим знатоком старославянского, латинского, греческого, французского и других языков, И.И.Носович счел нужным во многих случаях подавать к белорусским оборотам иноязычные параллели. Сравним: *вовка выгналі из лесу – ленивого заставили принятыся за работу*. Соответствует французской пословице: *La faim fait sortir du bois*; не шкодуешь, хто сердуешь – умеренность во всем весьма полезна. *Media via aurea*. Средний путь золотой.

6. Интересным представляется сопоставление фразеологического материала "Сборника белорусских пословиц" и "Словаря белорусского наречия" (1870). В последнем обнаруживаются несколько иные способы подачи и описания фразеологического материала. Для истории языка также немаловажным будет исследование судьбы устойчивых оборотов, выявление причин трансформации и архив

В. ТРАЙКОВСКАЯ (Минск)

К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ ТКАЧЕСТВА В БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

Интенсивный сбор и обработка лексики живых белорусских народных говоров свидетельствует о большом интересе языковедов к знанию генетических истоков, семантических и структурных особенностей как этой лексики в целом, так и ее отдельных тематических групп, в частности, тех, что связаны с народным промыслом. Исследование подобных групп лексики дает возможность пролить свет на историю материальной культуры народа.

Наличие региональных особенностей в терминологии того или иного вида народного промысла, в данном случае — в ткачестве, может свидетельствовать о том, что само это ремесло имело специфические особенности в разных местах, которые проявлялись и в формах изделия пряжи, ткани, и в изготовлении, конструкции саткацких станков и приспособлений.

Сопоставление лексических фактов современных говоров д. Николаевщины Минской области и ее окрестностей с фактами, зафиксированными в диалектных белорусских словарях XIX—XX вв., а также в Толковом словаре белорусского языка, подтверждают наше предположение.

Значительная часть ткацкой лексики в белорусских говорах исторически восходит к общеславянскому лексическому фонду (ср. ткать, ткаць, часаць, чаўпок, пэўка, бёрда, ніці и др.), часть известна в белорусском и других восточнославянских языках (бел. трасціць "сдвигать пряжу без перекручивания, подготовка ее к сученью; русск. трастить; бел. вочки "петли нитов"; вічка и др.). Эти слова отражают общие предметы ткачества восточных славян; они составляют ядро лексики ткачества белорусских народных говоров.

В говоре д. Николаевщины и ее окрестностей нами отмечены следующие специфические слова: чашуйкі "приспособление для чесания шерсти", катке "продолговатые бруски, на которые подвешиваются нити", разлучнік "колодочка с отверстиями, через которые протягиваются шнурки от поножей, чтобы поножи не соединялись", дыліца "длина в которую вставляется бёрдо", трапалка "деревянное орудие, помощью которого производится трепанье волокна", skut "кусок

полотна в несколько "губ", на которые разрезается вся штора; полотно для удобства дальнейшей обработки" и др. Этот пласт ки в общей системе обозначений предметов и явлений ткацкого мысла сравнительно небольшой по объему. Подобные слова обвалились на базе общеупотребительных слов путем метафорических переносов (хвост "концы основы, остающиеся после отрезания всего полотна; багада "масса пряжи, из которой прядут нити" и также в результате определенных словообразовательных процессов (калаурот - калауротак - карауротка; мячка - мялица - мялка - мяльница - стра - кастрыца и др.). Большинство слов этого пласта так или иначе связано с общеизвестными лексемами. Однако эти региональные слова являются, вероятно, достаточно устойчивыми в говорах, дают довольно четкими значениями, практически не допускают синонимических замен и поэтому представляют большой этнолингвистический интерес.

Всестороннее изучение лексики ткачества позволит установить элементы сходства и различия как в определенных сферах материальной культуры славянских народов, так и в средствах и символических номинации в соответствующих отраслях производства.

А.К.УСТИНОВИЧ (Минск)

ОБЩЕЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ В АНТРОПОНИМИИ ГРОДНЕНЩИНЫ И БРЕСТЧИНЫ XIУ - ХУШ ВВ.

1. Изучение памятников письменности XIУ-ХУШ вв. показывает, что в отличие от категории общих слов, которые выполняют минимативную функцию, антропонимы отражают причастность человека к окружающей среде и различным занятиям, свидетельствуют о состоянии социальной и культурной жизни общества в определенном исторический период, доносят характер взаимоотношений между людьми. В этой связи антропонимы приобретают значение научного источника не только для языкознания, но и для исследований историко-этнографического плана, с которого можно черпать дополнительные, а иной раз уникальные сведения, необходимые при разборе вопросов истории, этнографии и культуры народа.

2. В процессе функционирования языка на различных этапах развития общества из апеллятивной лексики исчезают отдельные слова вместе с исчезновением соответствующих реалий. В антропонимах апеллятивная основа исчезнувших слов продолжает

ть более длительное время. Поэтому на основании изучения топонимов становится возможным реконструировать лексические группы не только более ранних эпох, но и региональных, и тем самым представить словарный фонд белорусского языка в его развитии. Таким же путем можно восстановить многие давно забытые лексические черты языка минувших времен, характерные для отдельных территорий, засвидетельствованные антропонимами.

3. Гродненщина и Брестчина в XIУ–ХУШ вв., как и все другие белорусские земли, переживали единый исторический процесс формирования трехкомпонентной системы наименования. Трехкомпонентность являлась основным признаком общности этого процесса восточнославянских народов. Такой же общностью отличались и другие компоненты: имена, отчества, имена-прозвища и названия мест по месту жительства или по их владению. Личные имена, перешедшие из одного языка в другой, редко оставались неизменными. Напротив, бытуя в другой языковой среде, канонические имена подверглись ее воздействию и претерпели в процессе освоения ряд фонетических и морфологических изменений, степень и характер которых являются случайными, а строго обусловленными. Большинство изменений присуще и другим восточнославянским языкам (например, изменение групп гласных, согласных). Часть изменений отражает специфику белорусского языка в целом (приставные гласные и согласные, удлинение согласных в интервокальной позиции, утрата некоторых гласных и согласных: Катерина < Екатерина, Хима < Евфимия, Голоня < Аполлиария, Ганна < Анна, Иллия < Илия, Патей, < Ипатий).

4. Наконец, обнаружены специфические черты именологической системы, присущие только данному региону, переход гласной и в закрытом слоге, переход согласных д' > д, ж в з и з в ж и т.п. – Авдий, Авдей, Овдей – Авдый, Амброжей – Амброзей и т.п. Морфологические изменения в канонических именах коснулись суффиксов –ий, –ия, которым на данной территории соответствовали суффиксы на согласный, гласный и на –ей: Влас < Власий, Говейно, Говень < Гавиний, Захарья, Захарей < Захария и т.д.

5. Употребление имен-прозвищ вместе с каноническими именами свидетельствует об устойчивости народной традиции сохранить старинные славянские имена. Лексическое значение многих апеллятивных обозначений основ теперь не воспринимаются. Раскрыть их семантику можно только привлекая материалы не только других языков, но и диалектные записи.

6. Отсутствие наименований типа современных фамилий,

недостаточное количество имен по сравнению с нуждами именованных людей и выделения личности в коллективе вызвало необходимость дополнительных средств обозначения личности. Такими средствами были – другое имя, имя-прозвище, отчество, название местности или владения. Существование разных по количеству и в структурном отношении типов наименований обусловлено отсутствием фамилий. Вместе с тем на территории Гродненщины и Брестчины зафиксированы наименования лиц женского пола, в которых личное имя отсутствует. Это свидетельствует о том, что владельцем и юридическим лицом считался отец или муж, поэтому при назывании женщины было указание на их имена.

Такие наиболее существенные общие и региональные черты в антропонимии Гродненщины и Брестчины XIУ-XУШ вв.

И.О. ФЕДЕРОВСКАЯ (Житомир)

ИЗ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ ПОЛЕССКИХ ТЮРКИЗМОВ

Ареальное изучение тюркских по происхождению слов в отдельных восточнославянских языках не только раскрывает порой значительное своеобразие в их семантике, фонетико-морфологической структуре, но нередко проливает свет и на вопрос о путях их проникновения в эти языки. Роль и значение лингвогеографических сведений при изучении заимствованной лексики рассмотрим на примере одного тюркизма.

Слово кутас в русском языке является историзмом: "Кутас – шнур с кистью на кивере". И хотя словарь русских народных говоров отмечает слово кутас и в бытовых значениях, например, в значении металлического колокольчика на шее пасущихся коров, лошадей или кисти пояса, или женского наряда, однако ссылок дают наблюдения, относящиеся чаще всего к прошлому. Следовательно, русские лексикографические данные говорят о том, что слово кутас мало употребительно как в современном русском литературном языке, так и в современных русских говорах. Не случайно Р.А. Юналисва, изучающая русские названия одежды и ее деталей тюркского происхождения, не описывает анализируемого слова.

В словаре украинского языка слово кутас дается с пометой "диалектное": "Кутас – прикраса у вигляді китиці на одязі, тощо".

Такое же значение слова отмечается и в словаре белорусского языка: "Кутас – пучок нітак, звязаных разам на адным канцы, які служыць для ўпрыгожання чаго-н".

нашим наблюдениям, слово кутас употребляется не во украинских и белорусских говорах. Слова не знают в белорусских говорах южнее Припяти, более всего оно распространено в западной части полесского ареала. Граница распространения слова приблизительно по линии Мышанка Петриковского р-на Гомельской обл. – Полесское Полесского р-на Киевской обл. – Жовтківський район Попельнянского района Житомирской обл., причем, в говорах западной части ареала слово было нами зафиксировано, ему свойствен более широкий семантический диапазон: кутас – это и "украшение из разноцветных ниток в виде кисточки на кнуте или конской упряжи". Ассоциация по форме развивает у слова кутас значение "бахрома". Также значение слова отмечают и белорусские диалектологи: "кутас – 'махры у хустцы, настольнику' ". Известно слово и в переносном значении, как "цвет на вербе". Спорадически в украинском языке слово употребляется в значении "половой орган у мальчишки", в связи с чем как следующее звено в семантическом развитии появляется метафорическое значение – "маленький мальчишка", "ребенок": "Ой, ти мій кутас'ік р'ідний". И только однажды оно встретилось в значении "небольшая полочка в углу комнаты, в каком-либо сосуде хранятся иголки, нитки, наперсток и др. мелкие принадлежности", которое могло развиться на основе ассоциации двух слов – иноязычного кутас и общеупотребительного "угол".

Таким образом, лингвогеографический материал показывает, что слово кутас имеет ярко выраженное западное распространение в ареале восточнославянских языков.

Не отражает ли такая лингвогеография слова кутас путь его происхождения в восточнославянские языки?

Ю.А. Лаучюте склонна считать кутас литовским, правда, белорусское происхождение слова кажется исследовательнице недостаточно аргументированным. Она приводит только белорусское кутас в значении "кисть, бахрома", которое соответствует лит. *Kutas*. Но, как мы уже показали, это слово есть не только в белорусских, но и в украинских говорах, причем, довольно часто здесь употребляется в значении, близком к польскому *kuś* – "украшение на голове или шее коня", которое прекрасно соотносится с турецким *kutar*, более того, в украинских говорах отмечены формы, характерные слову в польском – *kuta-k*, *kutar*.

Поэтому более убедительной кажется тюркская этимология

слова кутас, которую разделяют большинство этимологов.

Возможно, турецкое **kutas** проникло в восточноевропейские языки через польское посредство. Не случайно слово встречается в письменных памятниках Западной Руси раньше, чем русских. По наблюдениям А.Н.Булыко, кутас встречается в западнорусской письменности уже в 1516 г., тогда как, по сведениям И.И.Срезневского, в русских памятниках оно употребляется только с 1589 г.

Е.А.ЦЕЛУНОВА (Москва)

"ПРОСТОЙ" ЯЗЫК МОСКОВСКОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ В ХУП в.

1. Разрушение церковнославянско-русской диглоссии в Московской Руси во второй половине ХУП века проявляется как в смешении функций церковнославянского и русского языков (на церковнославянском языке начинают разговаривать), так и в явлении "просторечия" как особой формы литературного языка. Начиная с конца ХУП в., в произведениях некоторых великорусских писателей встречается указание на то, что их сочинения написаны на "простом" языке.

2. Сам факт появления произведений, написанных на "простом" языке, не является оригинальным для Московской Руси: раньше - в середине ХУI в. - в Западной Руси осуществился переход от церковнославянско-русской диглоссии к церковнославянско-русскому двуязычию и в функции литературного языка наряду с церковнославянским языком (западнорусской редакции) использовалась так называемая "простая или русская мова". Во второй половине ХУП - первой половине ХУШ в. великорусская книжная традиция испытывала сильное влияние со стороны книжной традиции Западной Руси, при этом в Московской Руси заставлялась именно языковая ситуация Западной Руси, в том числе понятие "простого" языка как языка, противопоставленного только церковнославянскому языку, но и живой диалектной речи. Связь между двумя "простыми" языками (великорусским и западнорусским) несомненна, однако, ограничивается ли она только именованьем языков или между ними действительно имеется сходство? Сравнение языка двух переводов Псалтыри на "простой" язык (великорусский и западнорусский) поможет нам ответить

вопрос.

3. Псалтырь Авраамия Фирсова, переведенная в Москве в 17 г. и известная в трех рукописях является одним из ранних памятников письменности, написанных на "простом" языке. В предисловии переводчик ставит перед собой задачу: перевести псалтырь на "простой, обиходный, словенский язык". Текстологический анализ Псалтыри Фирсова показывает, что этот текст является компиляцией казенного церковнославянского текста и вставок из нескольких польских текстов Псалтыри. Причем, из польских текстов Фирсов большее предпочтение отдавал Псалтыри Брестской библии 1563 г.

4. Сравнение языка Московского перевода Псалтыри с западным переводом ХУП в. этого памятника, источником для которого послужила Псалтырь из Брестской библии, позволяет оценить отношение великорусского и западнорусского переводчиков польскому оригиналу. В языке обоих переводов Псалтыри встречаются полонизмы, однако характер использования их в этих переводах разный. В западнорусском переводе полонизмов (на разных языковых уровнях) очень много (переводчик зачастую всего лишь "переводит" латинскую графику и кириллическую), они являются своеобразной языковой нормой. Фирсов относится к польскому источнику иначе: он дает именно перевод польского текста на язык, который он называет "простым". Большинство полонизмов, встретившихся в языке его Псалтыри, являются окказионалами, а те полонизмы, которые употребляются в его Псалтыре регулярно (дедичество вм. исл. достояние, неприятель вм. исл. гъ, синтаксическая конструкция инфинитив + спрягаемая форма глагола имети со значением долженствования и др.), на наш взгляд, являются функциональными церковнославянизмами, т.е. принимаются как книжные элементы.

5. В целом сравнение языка западнорусского и великорусского переводов Псалтыри не дает оснований считать, что "простая мова" оказала какое-либо собственно языковое влияние на "простой" язык Фирсова. Этот вывод свидетельствует о том, что Московской Руси заимствовалась из Западной Руси именно языковая ситуация и понятие "простого" языка. Способ же создания этого "простого" языка в Западной и Московской Руси был, по-видимому, разный. Если западнорусские книжники, ориентируясь на разговорную речь грамотных соотечественников, хорошо знавших польский язык, шли по пути полонизации разговорного языка,

то великорусский книжник Фирсов создал "простой" язык прежде всего путем упрощения церковнославянского языка (его лексики, грамматики, синтаксиса).

П.М.ЧАЙКУН (Гомель)

ТРАНСПОЗИЦИОННЫЕ СУБСТАНТИВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭКСПРЕССИИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

При исследовании диалектных словообразовательных систем русского и белорусского языков особый интерес вызывает изучение экспрессивного словообразования, которое обнаруживается преимущественно в сфере производства субстантивов. Особенности экспрессивной деривации в настоящее время стали объектом пристального внимания, однако в данном вопросе остается еще много неизученного.

Закономерности образования региональных субстантивов с экспрессивным коннотативным компонентом в русской и белорусской деривации можно описать только при условии охвата большого объема производных слов, существующих в говорах и созданных на базе как собственно диалектных, так и общенародных производящих основ и словообразовательных формантов. Региональные экспрессивные субстантивы образуются в потоке непринужденной живой речи.

В докладе основное внимание уделяется анализу транспозиционных производных существительных, которые несут яркую экспрессивность и изменяют категориальную семантику производящей лексемы, переводя ее в другой грамматический класс слов. Характерной особенностью таких производных слов является их антропоцентричность, которая выражается в соотношенности экспрессивных дериватов с лицом. В данной группе слов преобладают субстантивные характеристики. Исследование транспозиционных дериватов показывает, что для экспрессивных субстантивов значительно чаще характерно выражение яркой пейоративной окраски и реже присущи мелиоративные коннотации. Русск. баламкало "болтливый человек", тупырь "глупый, тупой человек", бел. вяхала "балбатуя, крыкуня", глушман "глухі чалавек".

Сопоставительное изучение фактов регионального экспрессивного словообразования в русском и белорусском языках выявляет

те тенденции и закономерности в генезисе и функционировании транспозиционных субстантивов, а также устанавливает специфические черты экспрессивов, характерных для русской и белорусско-диалектных систем.

Широко представлены в русских и белорусских народных говорах транспозиционные субстантивы-характеристики отглагольно-отдательного происхождения. Коннотативные оттенки неодобрения, осуждения, пренебрежения характеризуют народно-разговорно-суффиксальный формант -УН, напр., русск. брехун, форсун, варзун, бел. трапятун, плятун, марматун.

Экспрессии иронии, неодобрения, осуждения присуща словообразовательным формантам -л(а), -л(о), -ил(а), -йл(а), русск. бубило, бубило, громила, буркала, бел. боўтала, вякала, бубні-аркала, брахло, варызгала.

Отдательные экспрессивы с суффиксом -ак в русских и белорусских народных говорах в основном характеризуются пейоративной окраской: русск. босяк, кисляк, косак; бел. трусляк, глушабак. Еще более сниженной отрицательной экспрессией обладают отглагольные имена лиц на -ох(а), -ёх(а) типа русск. развалёха, развалёха и бел. забрындоха, гулёха. Такие субстантивы, правильно, выступают только как слова-характеристики и называются по отрицательному для него действию. Образования с формантами -аг(а), -яг(а), -ух(а), -лк(а) и -як(а) в говорах приобретают часто коннотативные оттенки фамильярности, шутливой иронии, грубости и уничижения: русск. боевяга, обжирага, сердяга, умняга, пободяга, боевуха, ворчуха; бел. блудзяга, небаяга, вадзяга, нескладуха, шаптуха, дзеляга, хапуга.

Достаточно представлены в русских и белорусских народных говорах отглагольные экспрессивные субстантивы с суффиксом -ач, обладающие оттенком неодобрения, грубости, иронии: русск. блякач, стукач и бел. зіркач, лупач, лгач, выадач. В значительно меньшей степени обнаруживаются в русской и белорусской народной речи отглагольные и отдательные экспрессивные производные с суффиксами -ик и -ень, обладающими пейоративной коннотацией; русск. лупатик, дохлик, допотень; бел. карузлік, аблезілавоўзік, вышупень, вувалень. Экспрессивные субстантивы с формантом -н(я), характерные для разговорной речи в литературных произведениях, довольно широко используются с оттенками грубости, уничижения в русских и белорусских говорах: русск. брехня, говня, баловня, бегня, возня; бел. гагатня, глушня, балматня,

калатня, маггауня, блутня.

Малопродуктивны и нерегулярны в народных говорах тропозиционные экспрессивные дериваты с суффиксом -ыш, образованные от глаголов и прилагательных типа русск. глупыш и абтропыш).

Специфические черты диалектного словообразования в русском и белорусском языках особенно отчетливо проявляются в наличии региональных словообразовательных формантов, характерных для каждой из деривационных систем. В белорусских народных говорах такими специфическими средствами являются собственно-диалектные белорусские форманты: -ман (лысман), -арб (хударба), -яндз(я) (слепяндзя), -з(а) (валіза) и некоторые другие. Русские народные говоры также располагают набором региональных русских словообразовательных средств: -ол(а) (брышла), -ошк(а) (брыдошка), -ушек (подкладушек), -ом(а) (борма).

Вместе с тем, следует отметить, что состав экспрессивных суффиксальных формантов в русских и белорусских народных говорах во многом совпадает. Иллюстративный материал показывает, что деривационные процессы в диалектной речи значительно богаче и разностороннее по сравнению с литературными языками.

В.ЧЕКМОНАС (Вилья)

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ

1. Пространственная классификация говоров любого языка содержит (зачастую не представленную в явном виде) "временную координату", т.е. указание на определенную последовательность формирования тех или иных ареальных единиц во времени. Это следует хотя бы из того, что при изучении истории отдельных явлений пространственная картина их распространения и разновидностей может быть развернута (обращена) в диахроническую картину этапов их становления.

2. Хронологическая классификация белорусских говоров может быть осуществлена на основе археологии о древнейших периодах заселения восточными славянами территории современной Белоруссии и прилегающих к ней с востока районов; данных языковедов об относительной и абсолютной хронологии развития и путей рас-

рания отдельных явлений и данных истории о ходе ассимиляции пришлыми славянами местного балтийского населения.

3. Славянский период истории территорий к северу от Припяти начинается после VI в. н.э., когда происходит инфильтрация больших групп славянского населения в балтийскую среду (В.Семанович). В последних веках I тыс. н.э. на территории смоленско-полесских кривичей осуществляются процессы этноязыковой ассимиляции местного балтийского населения, в ходе и результате которых закладываются основы изменений, распространявшихся впоследствии на юго-запад, юг и восток. С юга, от Припяти в эту эпоху продолжается активное колонизационное движение славян. В результате столкновения северо-восточных и юго-западных языковых изменений к началу XI в. и сформировался древнебелорусский языковой ареал, северная граница которого проходила приблизительно по линии распространения старокатолического населения (Товмянский, М.Я.Гринблат). Аканье в этом ареале распространилось с северо-востока, и полоса его сужалась по мере продвижения на юго-запад.

4. Новые белорусские говоры, история которых начинается с конца XI в. – начала XV вв., по времени возникновения распались на несколько групп. Большая их часть окончательно сформировалась до начала XIX в., когда в языковом отношении была языцирована основная масса балтийского (литовского и ятвяжского) населения северной Белоруссии. В ряде ареалов на этой территории литовский был окончательно вытеснен к началу XX в., здесь возникли поздние новые белорусские говоры. Наконец, во многих микрореалах постепенная белорусизация литовско-белорусского населения осуществляется еще в наши дни, и здесь возникают новейшие белорусские говоры, в основе которых лежат поздние новоготландские. Обе разновидности белорусских говоров испытали мощное лексическое влияние со стороны полшизны кресовой.

5. В докладе предпринимается попытка картографирования распространения поздних новых и новейших белорусских говоров, анализируются их фонетические и морфологические особенности, обсуждаются проблемы методики их изучения и рассматривается значение наблюдаемых процессов литовско-белорусской языковой интерференции для реконструкции этнолингвистических процессов на территории Белоруссии в древности.

АПЕЛЛЯТИВНАЯ ЛЕКСИКА И МИКРОТОПОНИМИЯ ЧЕРНИГОВСКО-СУМСКОГО ПОЛЕСЬЯ УКРАИНЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

Народная географическая терминология Украины в целом не достаточно хорошо изучена. В настоящее время особое внимание уделяется исследованию географических терминов определенных лектных зон и сравнительному анализу. Важной и интересной темой являются северные районы Черниговщины и Сумщины. Черниговско-сумское Полесье Украины, являясь продолжением Припятского Полесья, сопредельно с белорусским языковым массивом. Апеллятивная лексика и микротопонимия северной Черниговщины и Сумщины собраны автором по довольно густой сетке (в 295 н.п.) и представлены в статье "Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (Ч) (Опыт семантической классификации)" (Черниговский этнолингвистический сборник. М., 1983, с.173-189), позволяющую сравнить данный ареал с диалектной зоной Белорусского Полесья. Для сопоставления использованы по прилегающим с запада горам Белорусского Полесья монография Н.И.Толстого "Славянская географическая терминология" (Т), по другим зонам Белоруссии – работа И.Я.Яшкина "Беларускія геаграфічныя назвы" (Я).

В результате сопоставления выделяем общие для двух сопредельных ареалов местные географические термины. Из 2500 географических терминов Черниговско-Сумского Полесья 644 являются общими для двух сопредельных зон.

1. Самую большую группу составляют термины, имеющие соответствия, например: амшар, амшара, багнише, багно, донья, болотвина, болотяна, веретте, глей, глижа, грузота, грядва, дрібнолісся, жабуриня, казан, калатуша, коловорот, куліся, лізерт, мяреччя, нетра, окраек, округа, осередок, пасунок, печора, прогаль, просвіт, п'ятра, саж, стрижень, сухостой, сутоня, точок, узбереж, узвалля, узлужжя, упруга и др. Как правило, большая часть географических терминов, свойственных двум сопоставляемым зонам, имеют идентичное значение, и только некоторые различны по своей семантике. Ср.: прорыв "овраг, образованный потоком воды" – прорыв "место на плавах, где можно провалиться" (Т., отсюда же Я.); рум "сенокосный остров на болоте", "луг на возвышении" – рум "место возле реки, куда свозят зимой ле...

лесная пристань" (Я.); субор "смешанный лес" – субор
"собранных камней" (Я.); хура "строевой лес с чистыми ство-
лами" – хура "сугроб снега", "куча хворосту, куча дров"(Я.) и др.

2. Сравнительно небольшую группу составляют географиче-
ские термины, имеющие различную словообразовательную характе-
ристику: баерок (Ч.) – баер (Я.); баюра (Ч.) – баюрына (Я.);
гриця (Ч.) – быстрец (Я.); випалина (Ч.) – выпалаянка (Я.);
виз (Ч.) – глазовина (Т.); кринка (Ч.) – крынь (Я.); прыщечок
(Ч.) – прыпеч (Я.); пісчуган (Ч.) – песчуга (Я.); продуховина
(Ч.) – продухавіна (Я.); ржавець (Ч.) – ржавень (Я.); струм (Ч.) –
струмень (Я.) и т.д. Значение сопоставляемых пар одинаково или
почти одно другому, но все же есть и некоторые расхождения: мер-
левица "глубокое место в реке" (Ч.) – мерлевица "старое русло ре-
ки" (Я.); сухмель "выжженное место в поле" (Ч.) – сухмень, "су-
хое место" (Я.), "сухое место среди болота" (Т.); кринка "глубо-
кая и круглая низина" (Ч.) – крынь "криница" (Я.). Как правило,
пары, имеющие разные префиксы, больше отличаются по лексиче-
скому значению, чем соотносимые термины, отличающиеся толь-
ко суффиксом.

3. Несколькими примерами представлены географические
термины, отличающиеся фонетическим обликом: бистра (Ч.) – буй-
стра (Я.); глибина (Ч.) – глабина (Я.); калюжа (Ч.) –
калюжа (Т.); колевина (Ч.) – коловіна, калявіна (Я.). Эти геогра-
фические термины по своей семантике тождественны.

4. Многие географические термины отличаются грамматиче-
ской категорией рода: багно (Ч.) – багня (Я.); баюра (Ч.) – баюр
(Я.); бруд (Ч.) – бруда (Т.); буз (Ч.) – буза (Т.,Я.); закло (Ч.) –
закло (Я.); колтобая (Ч.) – колтобай (Я.); мурага (Ч.) – мураг
(Я.); ревня (Ч.) – рэвень (Т.) и др. Довольно часто колебания по
роду встречаются в одних и тех же говорах. (Ср.: імшара, імшар,
шара, ошар (бел.). В других диалектах отмечены термины толь-
ко женского или только мужского рода (ср.: імшара (укр)).

5. Отдельную группу составляют термины, отличающиеся
грамматической категорией числа: викрутас (Ч.) – викрутасы (Я.);
окно (Ч.) – вокна (Я.); корчі (Ч.) – корч (Я.); роздори (Ч.) –
роздор (Я.); стожари (Ч.) – стажар (Я.); улуси (Ч.) – улус (Я.)
и др. Значения сопоставляемых терминов совпадают, за исключени-
ем: стожари "выжженное место на лугу" (Ч.) – стажар "помост
на месте, где стояли или всегда стоят стога сена" (Я.).

Из списка общих лексем двух смежных территорий отметим
географические термины, зафиксированные только в этих зонах

(всего 107): дрібнолісся, забєга, забєрежнїця, залєж, калатуша, катвїна, крїга, крїнка, лїзєрт, марковнїк, мярсча, окраєк, округа, олес, осєредок, осовок, пасуш, рум, саж, стародревїна, стародревнїця, субор, теклїця, турок, уборок, улусн, уруга, хура, шїбєнїця, штїх и др. Хотя эти термины отсутствуют в работах И.А.Дзєндзєлевского, Т.А.Марусєнко, М.Юрковського, Н.В.Нїкошчука, Ф.Н.Мїлькова, они могут быть зафіксїрованы при болєе тщательном обследованнї и на других смежных территориях.

Приведенный материал дает представление о тесных ареальных связях Чернїговско-Сумского Полєсья Украины и Белоруссин.

Большая часть мїкропонїмов Чернїговско-Сумского Полєсья содержит в своем составе географический термін, и значительное количество апеллативной лєксіки не отмечєно в свободном употребленнї.

Л.М.ШАКУН (Мнїск)

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Словообразовательная система современного белорусского литературного языка – один из тех внутренних компонентов, которые обеспечивают ему возможности функционировать в различных общественных сферах и непрерывно совершенствоваться. Она отличается богатым набором средств, используемых для производства слов, разнообразием способов словообразования, разветвленной словообразовательной типологией. В результате длительного развития в современном белорусском литературном языке выработались широкие словообразовательные связи, так или иначе влияющие на процессы пополнения его лексического состава.

Как и всякие другие уровни современного белорусского литературного языка, его словообразовательная система формировалась разными путями. Решающим фактором, предопределявшим специфику формирования каждого уровня, явилось то, что современный белорусский литературный язык зарождался в условиях отсутствия устойчивых письменных традиций, поскольку он не имел прямой преемственности со старобелорусским литературным языком. Те словообразовательные связи, которые сложились в старобелорусском литературном языке, из-за того, что белорусская письменность некоторое время не развивалась, были во многом нарушены, из активного

отребления выпало значительное количество слов, распались целые словообразовательные гнезда, и, таким образом, старая словообразовательная система не могла трансформироваться и приспособиться к нуждам развивающегося в новых исторических условиях литературного языка.

Словообразовательная система современного белорусского литературного языка складывалась в процессе формирования его лексического состава. По мере освоения и закрепления в нем новых лексических единиц разветвлялись и оформлялись словообразовательные связи, определялись наиболее продуктивные словообразовательные типы, расширялся набор средств и способов словообразования, преимущественно традиционных, сложившихся исторически, также и новых, характерных только для литературной формы белорусского языка.

Так как главным источником формирования современного белорусского литературного языка служили живая разговорная речь белорусского народа, его устно-поэтическое творчество, то этот источник, естественно, лег и в основу развития способов и средств образования слов литературной лексики. В литературном языке утрачивались все наиболее употребительные в народно-разговорной речи аффиксы и словообразовательные типы. Именно прежде всего они и выявляют специфику словообразования современного белорусского литературного языка сравнительно с другими родственными языками.

Современный белорусский литературный язык, разумеется, не отражает полностью всего репертуара словообразовательных средств всего многообразия словообразовательной типологии народно-разговорной речи. Ее характерные особенности используются в литературно-письменной практике строго избирательно. Это особенно по-разному проявляется в наше время, т.е. в условиях наличия разных словообразовательных норм. Однако и писатели XIX — начала XX в., ориентировавшиеся в выборе языковых средств на нормы, которые воспринимались как наиболее типичные, общепринятые по своему характеру, употребляли далеко не все то, что существовало в разных ответвлениях национального языка. Уже в творчестве этих писателей закрепились наиболее существенные черты современного белорусского словообразования, хотя его система еще не была описана и систематизирована, и словообразовательные нормы осознавались скорее всего интуитивно.

Вместе с тем словообразование современного белорусского литературного языка развивалось и под воздействием других язы-

ков, главным образом русского. Воздействие русского языка на систему белорусского словообразования усиливалось одновременно с тем, как белорусский литературный язык, расширяя свои общественные функции, все более нуждался в пополнении лексических средств, особенно в области абстрактных номинаций, терминологии.

Под воздействием русского языка в белорусском литературном языке активизировалось использование ряда аффиксов, общих по происхождению, но утративших со временем в последнем свою продуктивность (преимущественно книжных). Вошли в употребление новые аффиксы и способы словообразования, в частности, интернационального характера, усвоенные вначале русским языком. В развитии словообразования наметились общие для белорусского и русского языков тенденции.

В условиях нашей действительности разного рода словообразовательные инновации распространяются на все формы существования белорусского национального языка. Сближение этих форм под воздействием литературного языка создает еще более широкие возможности для словопроизводства как главнейшего способа обогащения лексического состава.

А.С.ЛАВШУК (Могилев)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ РАЗНЫХ СФЕР УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

1. До Великой Октябрьской социалистической революции геологические исследования на территории Белоруссии носили несистемный характер, поэтому и количество слов, связанных с этой отраслью знаний, было незначительным. В изданиях тех времен можно найти только отдельные слова для обозначения некоторых геологических понятий, наименований и реалий: геология, география, грифельны камень, ляднік, ледниковы перыяд, востраў, высна, затока, заліў (Наша ніва, 1906-1915 гг.).

Научно-терминологической комиссии, образованной в 1921 году постановлением белорусского правительства, было поручено в кратчайшие сроки решить вопрос относительно образования белорусской научной терминологии по всем отраслям знаний. Комиссия стремилась образовать белорусскую геологическую терминологию на основе собственных языковых средств. В связи с тем, что по-

ходимых слов для обозначения геологических понятий в белорусском языке тогда было очень мало, геологические термины образовывались не только на собственном языковом материале, но и путем заимствования. Так, в "Беларуская навуковая тэрміналогія: геалогія, мінералогія, крышталаграфія, вып. 5, Мн., 1924) много рминов – заимствования из других языков: аквамарын, аметыст, бра, галеніт, гідрасфера, даламіт, лейцыт, тапаз, шыркон и др. (около 50%); общераспространенные термины: вапняк, крыніца, адняк, снегазвал, нізіна и др. (около 40%); диалектные слова: відма, глей, твань, намул, чак, раўчук, лупнякі, накапак и др. (около 10%).

3. Первоначально допускалось параллельное употребление собственного и заимствованного слова или двух-трех белорусских, например: абляныца-змышу, абразія, зрэз марскі, брыжняк-брэчкыя, абшчэне-дэнудаша, гара-лёдавая – лёдагор, выпукліца-гарбавіна, шачнік-чалачка-аточак. Тогда отличие терминов от нетерминов было не таким значительным, как на современном этапе.

4. Терминологизация общенародных и диалектных слов приводит к их семантическому переформлению, уточнению, в результате чего изменялось значение. Характер этих отличий можно проиллюстрировать, если сравнить словарные статьи, взятые из толкового и специального словарей белорусского языка: супесак – "осадочная мелко-глинистая горная порода, а также почва этого состава". (Спеціальны слоўнік беларускай мовы, т. V, кн. 1, Мн., 1983); песак – "рыхлые молодые континентальные отложения (грунты), которые состоят примерно из 90-70% алевристо-песчаного материала и 10-30% частиц менее 0,01 мм (1-10 частиц 0,005 мм). Характерным свойством супеска часто считается меньшая, чем у глинок, пластичность (число пластичности 7). Применение термина для древних пород нецелесообразно" (Геологический словарь, 2, М., 1978).

5. Нормализация белорусской геологической терминологии, требовала, чтобы одно понятие обозначалось одним термином, поставила исследователей перед дилеммой: какой термин выбирать – созданный на базе родного языка или заимствованный? Более живыми оказались термины, заимствованные из других языков. Причем, не только слова из синонимических пар (гематыт-чырвоны жалезнік – крывавік, граніт – зярняк), но и произошла замена некоторых слов – терминов, созданных на базе собственных средств (аджылле – апафіза, выдма – бархан, нідасяродак – гіпа-гідр). Такие термины, как чак (коса), выспа (остров), раўчак

(роў), брыла (почва) и некоторые другие остались функционировать только в диалектном языке.

6. Таким образом, возникновение и развитие белорусской логической терминологии проходило в тесном взаимодействии с употребительной, диалектной и заимствованной лексикой.

И. Г. ШКРАБА (Минск)

ВАРИАНТНОСТЬ ГЛАГОЛА С ПОСТФИКСОМ -ся

Тождественность основного лексического значения характеризует глаголы, представленные вариантами с постфиксом -ся (при нейтрализации его грамматической функции) и без него: адбегчы - адбегчыся, адсвечваць - адсвечвацца, адысці - адысціся, бялець - бялецца, вірыць - вірыцца, дачакаць - дачакацца, забруіць - забруіцца, злаваць - злавацца, карагодзіць - карагодзіцца, красаваць - красавацца, курэць - курэцца, мігнецць - мігнецца, мінуць - мінуцца, папытаць - папытацца, пасябраваць - пасябравацца, перці - перціцца, праставаць - праставацца, прыпусціць - прыпусціцца, смуглець - смуглецца, сноўдаць - сноўдацца, спяшаць - спяшацца, церушыць - церушыцца, цэліць - цэліцца, цягнуць - цягнуцца, чарнець - чарнецьца и др. Как видно, большинство глаголов объединены общей семантикой перемещения, движения, изменения состояния и характера качества.

Отсутствие отличия грамматического характера (в данном случае отличия значения залога) не обязательно обуславливает его отсутствие в плане лексическом. Однако при контекстуальном анализе никаких существенных семантических отличий вариантов глагола с постфиксом -ся и без него может не наблюдаться, сравн.: Люся пачырванеўшы, памкнула на свае месца (И. Науменко, Трелетаны дубовой листвы). Яна памкнулася назад, але рукі яго абхапілі (В. Адамчик, Чужае вочына). А ўсё жыццё несталава часу, усё спяшаць, спяшаць трэба было (А. Жук, Прочки). Трэба было спяшацца, інакш уся ягоная вылазка траціла свой сэнс (В. Быков, Дождзь до рассвета). Лексикографические издания также констатируют тождественное семантическое тождество. В ТСБМ указывается, что, например, бруіць то же самое, что и бруіцца, бялець - то же самое, что и бялецца и т.д.

В некоторых случаях возможно выявить неполную идентичность

употребления соотносительных глагольных вариантов. Формальный семантический параллелизм таких образований может нарушаться факторами функционального характера: варианты могут отличаться частотой употребления, а также стилистическими оттенками. При этом выраженность отличий между вариантами зависит от степени близости их к диалектной речи. С этой точки зрения для сопоставления условно выделим три группы:

1. Зірыць – вірыцца, злаваць – злавацца, памчаць – памчацца, папытаць – папытацца, пасябраваць – пасябравацца, чырванэць – чырванэцца и др.

2. Дачакацца – дачакаць, перці – перціся, прыпусціць – прыпусціцца, снаўдаць – снаўдацца, спяшацца – спяшаць и др.

3. Адчуваць – адчувацца, належыць – належыцца, памкнуцца – памкнуць, праставаць – праставацца, цямнець – цямнецца (безличн.) и др.

Вариантные пары 1 группы не имеют отличий ни семантического, ни функционального характера. Они фиксируются словарями как факты литературного языка. Среди вариантных пар 2 группы особенно проявляется разговорная окраска вторых членов, на которую указывает и ТСБМ. Сущность отличия таких вариантов, как, например, адбегчы – адбегчыся, снаўдаць – снаўдацца составляет частота употребления. Особое положение занимают вариантные пары 3 группы, члены которых невозможно взаимозаменять в пределах стилистически неоднотипного контекста по той причине, что ни один из них не является принадлежностью литературного языка (адчувацца, належыцца, памкнуць, праставацца, цямнецца (безличн.)). Эти варианты не отражаются нормативными словарями, тем не менее употребляются в языке художественной литературы. Своё происхождение они ведут из народно-диалектной речи. Вообще, следует отметить, что варьирование глаголов с постфиксом –ся в диалектах более продуктивно, чем в литературном языке. Невозвратные глаголы со значением движения имеют в народных говорах возвратные варианты, употребление которых в литературном языке считается отступлением от нормы: зайсці – зайсціся, забегчы – забегчыся. Разговорная окраска таких вариантов, как грукацца, кружыцца, прыбрацца, снаўдацца (да грукаць, кружыць, прыбраць, снаўдаць) также может быть объяснена их генеалогической характеристикой.

Соотносительные глагольные варианты литературного употребления могут характеризоваться одинаковым управлением и одина-

ковой лексической сочетаемостью, могут употребляться в одних и тех же синтаксических конструкциях и словесных контекстах.

П.П.ШУБА (Минск)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДНОЙ ГРУППЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

1. На юге Белоруссии весьма широко употребительны местоимения некага, нечага и местоименные наречия недзе, некуди, неадкуль, некалі, омонимические соответствующим неопределенным местоимениям (во всех косвенных падежах) и неопределенным местоименным наречиям. Отличить эти омонимы помогает трансформация отрицательных - в сочетания типа няма каго, няма чаго (в остальных косвенных падежах: няма каму, няма чаму, няма кім, няма чым), няма дзе, няма куды, няма адкуль, няма лі і замена неопределенных - синонимами с постфиксом -сьці, -небудзь или с префиксом абы-: кагосьці, чагосьці (в остальных косвенных падежах: камусьці, чамусці, кімсьці, чымсьці), каго-небудзь и под., дзесьці, дзе-небудзь и под., абы-каго, абы-дэ-небудзь и под.

Отличительной фонетической особенностью как отрицательных местоимений так и неопределенных местоимений этой группы является закрытое /e/ в префиксе: на юге Белоруссии оно произносится как /e/ либо как дифтонг /ie/, что может свидетельствовать о происхождении этого /e/ из старого ять.

2. Синтаксический статус отрицательных местоимений так отчетливо отличает их от омонимов - неопределенных местоимений. Отрицательные обычно употребляются в односоставных безличных предложениях в сочетании с инфинитивом (мне некага чакаць, нечым заплаціць), неопределенные же не имеют таких ограничений и употребляются в конструкциях любого типа (ср.: я некага ўбачыў, мне нечага шкада и т.д.).

3. Дискуссионным является определение функции отрицательных местоимений в предложении. В самом деле, признать отрицательные словоформы некага, нечага, нечым, недзе, некалі и под. безлично-предикативными словами (т.е. считать их т.наз. "категорией состояния") на том основании, что они сочетаются с инфинитивом в безличном предложении (ср. мне трэба ісці) препятствовало то, что при переключении безличной конструкции из плана

прошедшего времени в план прошедшего или будущего времени отрицательное местоимение (*resp.* наречие) легко разлагается в связку с отрицанием и относительное местоимение (*resp.* наречие): ср. мне некага чакаць – мне не было каго чакаць, мне будзе каго чакаць; нам некалі сядзець – нам не было калі сядзець – нам не будзе калі сядзець. В конструкциях, построенных в плане прошедшего или будущего времени, единый главный член (имеющий форму сказуемого) определить уже не трудно. Легко установить и функцию относительного местоимения (наречия): это дополнение или обстоятельство.

Однако признать дополнением или обстоятельством отрицательное местоимение (*resp.* наречие) в конструкциях, построенных в плане настоящего времени, препятствует невозможность квалификации одного лишь инфинитива в качестве единого главного члена односоставного предложения. Что же в таком случае представляют собой т.наз. отрицательные некага, нечага, недзе, куды? Приходится признать, что в этой словоформе слиты отрицание не (в сочетании с нулевой связкой), фактически относящееся к глаголу-сказуемому, и относительное местоимение (*resp.* наречие) каго, чаго, калі, дзе и под., выступающее в функции субъекта или обстоятельства.

4. Может показаться, что при таком подходе возникает новое противоречие: относительное местоимение может функционировать как союзное слово в придаточной части сложноподчиненного предложения, между тем как конструкции типа мне некага чакаць, нам некалі сядзець – простые предложения. Это противоречие легко разрешимо. Упомянутые конструкции – в плане прошедшего или будущего времени – легко трансформируются в сложноподчиненное предложение: не было /таго,/ каго нам/трэба было б/ чакаць, не будзе /такого часу,/ калі нам /можно было б/ сядзець и под. Можно предположить, что словоформы типа некага, некалі возникли в результате свертывания сложноподчиненного предложения и превращения его в простое. В таком случае относительное местоимение в отрицательном предложении слилось с отрицанием не. Превращение сложноподчиненного предложения в простое происходит по той причине, что в подобных случаях бывшая главная часть оказывается внутри придаточной, а такой порядок компонентов сложного предложения ни белорусскому, ни русскому языку не свойственен (ср.: ён гаворыць немаведама што $\leftarrow$ няма ведама, што ён гаворыць; лес рэдка калі маўчыць $\leftarrow$ рэдка /бывае такое/,

калі лес маўчыць/. Таким образом, т. наз. отрицательные местоимения некага, нечага и наречия недзе, некуды, некалі и под. и т. д. не было бы квалифицировать как относительные, употребленные в отрицательном безличном предложении. При этом рассматриваемые предложения являются не частноотрицательными, а общеприказательными.

И. А. ШУМСКАЯ (Брест)

СЕМЕЙНЫЕ ПРОЗВИЩА В ГОВОРАХ БРЕСТЧИНЫ

Прозвища как неофициальные имена являются наиболее древней антропонимической категорией. Один из источников их изучения — лексические богатства белорусских говоров. Прозвища бывают индивидуальные и групповые. Среди групповых особое место занимают семейные прозвища. Они разнообразны по своему происхождению и грамматической форме. Образуются чаще от имени, фамилии и прозвища отца, деда, прадеда, матери, бабушки. В них отражается род занятий, социальное положение, внешний вид, черты характера и другие особенности главы семьи. Характерно, что некоторые носители таких прозвищ не продолжают занятий отца, деда или прадеда, а прозвища за ними сохранились (Кавальчыкі, Лазавікі, Лоучыя). Это явление позволяет предполагать, что в языке современной деревни сохранились некоторые следы старого патриархального семейного уклада. Семейное прозвище — это в первую очередь бытовая, неофициальная фамилия. Выделяется несколько типов семейных прозвищ:

1. К первой группе относятся прозвища по имени отца, деда, прадеда. Грамматически это имена существительные в форме множественного числа с различными суффиксами и без суффиксов: Адамчукі (Малодельчицы Пинского района), Захарі, Матеіс кі, Вольські, Сымышыські (Селяхи Брестского), Сідорі (Вартышк Цибановского), Сідорыкі (Луги Лушинецкого), Захарчукі, Сымонкі, Ясі (Подлесье Ляховичского), Праконалы (Скураты Ивацевичского).

Вторую группу составляют прозвища в форме прилагательных с суффиксами -ав-, -ов-, -ев-, -ин-, -ын-: Барыскавы, Васэлікавы (Вулька Пинского), Вашкавы (Заполье Ивацевичского), Паўлюсіаы (Имени Дрогичинского), Васылевы (Ст. Село Жбінковського), Тэрэшковы (Коленковичи Каменецкого, Вулька Пинского), Мыкытыч

огородичи Кобринского), Петьчыны (Равины Дрогиченского), Анд-
шевы, Пилсевыя (Скураты Ивацевичского).

В некоторых населенных пунктах эти неофициальные наиме-
нования имеют форму родительного падежа: Агеевых, Казаковых,
Скаравых (Чудин Ганцевичского).

2. В отдельной группе объединяются прозвища по имени и
имени матери, бабушки: Гальчукі (Огородники Жабинковского),
Летаровчыкі (Малодельчицы Пинского), Дунічы (Подлесье Ляхо-
вичского), Марынічы (Ольшаны Столинского), Барбарохіны, Мар'-
шыны (Скураты Ивацевичского), Оксышытыны (Нелли Брестско-
го). Такой тип прозвищ менее продуктивный. Это объясняется, ви-
димо, тем, что и прозвища, как и фамилии, передаются по муж-
ской линии.

3. Нередко прозвища образуются по прозвищу отца, деда, ма-
тери, прадеда, бабушки. Наиболее продуктивные из них названия,
связанные с родом деятельности, занятием отца, деда, прадеда:
Бондарі (Огородники Жабинковского), Бортнікі (Струга Столинско-
го), Гароднікавы (Имени Дрогичинского), Дударі (Головчицы Дро-
гичинского), Квалевы (Достоева Ивановского, Каленковичи Камен-
ецкого), Кавальчыкі (Клепаши Пружанского), Канавалавы, Цагель-
шкіны (Скураты Ивацевичского), Краўновы (Ольшаны Столинско-
го), Кушніры (Белоуша Столинского), Музычкі (Теребушь Брест-
ского), Ткачовы (Имени Дрогиченского), Табаковых (Чудин Ган-
цевичского).

Отдельную семантическую группу составляют прозвища, ха-
рактеризующие черты характера, поведения: Бараны (Матеевичи
Жабинковского), Ваўкі (Березовичи Пинского), Козлы (Подлесье
Ляховичского), Рухавы, Танчыковы, Шутовы (Клепаши Каменец-
кого), Хвайсі, Хітрая (Подлесье Ляховичского).

Продуктивными являются названия, в которых отражается
внешний вид бывшего носителя прозвища: Бычкі - все поколения
очень крепкие, здоровые люди (В-Литовск Каменецкого), Белкі -
белокурые (Луги Лунинецкого), Качаны - низкие, приземистые
(Иваново), Мядведзевы - сильные (Стригичи Березовского), Пац-
віны - красивые (Скураты Ивацевичского), Цыбукі - высокие
(Подлесье Ляховичского);

особенности языка: Баерскія - прадед на барьер сказал ба-
р (Савица Березовского), Джагалкі - члены этой семьи с при-
лым прозвищем ударные слоги, "джагаюш" (Луги Лунинецко-
го), Пустековы - дед часто употреблял "пустек" вместо "пустяк"

(Каленковичи Камэнецкаго), Шчэкіны – от частого употребления дедом “шчэ” (еще) (Скураты Ивацевичского);

место жительства: Боярчыны – мать с деревни Бояры (Вулька Пинского), Пырысылышы (Лесковичи Березовского), Смальяковы – жили раньше в лесу (Заполье Ивацевичского);

социальное положение носителей прозвища: Багатыровы (Заполье Ивацевичского), Князевы (Скураты Ивацевичского), Куркулі (Сваринь Дрогичинского), Прымакі (Медведичи Лиховичского).

Поскольку семейные прозвища возникают на основании разных признаков, одна и та же семья может иметь несколько прозвищ, например: Жулевы, Томашковы, Лахвэюкы, Цуркіновы, Востусіны, Якоуці (Малодельшицы Пинского), Максымукі, Матышыны, Мышчаншы (Ст. Село Жабинковского), Кавалевы, Калачы (Скураты Ивацевичского).

Т.Н. ШУР (Мозырь)

ДЕРИВАЦИОННАЯ СИНОНИМИКА ОТТОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА

(на материале говоров Мозырского Полесья)

Оттопонимические номинации лиц мужского пола являются неотъемлемой частью словообразовательной системы белорусского языка.

Весьма продуктивными и регулярными для их образования выступают суффиксы –ец/–ац, –анец/–янец, –анін/–янін, –авец/–авяц: –чанін/–чанец: камарынец – Камарын, казялужац – Казялужына, красянец – Краснае, ніўчанец – Ніўкі, ніжнежаровец – Ніжнія Жары, пажаркавец – Пажаркі, слабаджанін – Слабада, спярыжчанец – Спярыжжа, чэрніўчанін – Чэрнеў.

Менее продуктивными в исследуемой группе выступают суффиксы –ук/–юк, –ік, –нік, –чук: замшук – Замошша, забалашук – Забалошце, лагвашчук – Лагвошчы, руднік – Рудня, слабаднік – Слабада, тонешчук – Тонеш.

Типичными являются оттопонимические образования, когда к одной и той же производящей основе топонима присоединяются различные по своему морфологическому составу деривационные суффиксы с разнообразной функционально-стилистической маркировкой.

результате от определенного топонима могут быть образованы и суффиксальные синонимические модификации: забажанин, забажанец, забазянец – Забоззе, захарковец, захарчанец – Захаркі, макшанин, маклішчанец – Маклішча, мазыранін, мазырчанін, мазырац, мазырац, мазырчук – Мазыр, скараднянін, скараднянец, скараж – Скароднаэ. Эти производные номинации образованы от основ-топонимов при помощи суффиксов: –анін/-янін, –анец/-янец, –анц, –чанін, –ац, –чук, –юк. Перечисленные деривационные аффиксы образуют номинации со значением "житель определенной местности", выступают как синонимические, и трудно какой-нибудь из моделей отдать предпочтение. Но анализ дублетных наименований лица мужского пола в говорах Мозырского Полесья показывает, что в кодифицированном языке наиболее продуктивными являются образования с суффиксами –анін/-янін, –чанін: амелькаўчанін – Амелькаўшчына, аравічанін – Аравічы, буднянін – Буда, цідаўчанін – Цідаў, а в народно-разговорном языке – –ец/-ац, –анец/-янец, –чанец: амелькаўчанец, аравічанец, буднянец, цідаўчанец, ямічанец.

Параллельные оттопонимические образования одной и той же номинации обусловлены различными причинами:

а) функционированием нормативного и диалектного наименований: букчанец, букчанец – Букча (Букчэ), калінкавец, каленкавец – Калінкавічы (Каленкавічы), небытавец, небутовец – Небытаў (Небутаў), хойнічанін, хвайнічанін – Хойнікі, (Хвойнікі);

б) морфологическим характером производящей основы: высачанін, высачанец – Высокае, клічанін, клівец – Клівы, однако: глінішчанец – Глінішча, грывіхніец – Грывіхія;

в) стилистической дифференциацией слов: жыткаўчанін, жыткаўчанец, жыткавец, жыткаўчук – Жыткавічы, сіманец, сіманяка, сіманюк – Сіманічы, завайцянец, завайцюк – Завайць;

г) социальными факторами: дзедавец, дзеданіччанін – Дзеданіч, паселянец, пасельчанін – Паселічы, юравец, юравічанін – Юравічы;

д) дифференцированно-семантическими особенностями номинаций: кіравец – житель д.Кирова и рабочий совхоза им.С.М.Кирова, однако: кіраўчанін – только житель д.Кирова;

е) омонимичностью лексем оттопонимических наименований: асаўлякін, асавец – Асавец, будаўніковец, будаўнік – Будаўнік, варацанец, враец – Вараец, рабчанін, рабец – Рабец;

ё) смысловозначительными признаками производных: залючанін, залючанец – Старыя Залюцічы, новазалючанін, новазалюча-

нец – Новыя Залюцічы, хутаранін, хутаранец, хутарац – Хутар Лас;

ж) акцентологическими особенностями: косетаў, касятыв; Косетаў, кротавец, кратавец – Кротаў, ціхінац, ціхінец – Ціхіна;

Синонимические номинации лиц мужского пола по морфологической структуре могут быть а/ простыми, образованными:

– от простых производящих основ топонимов, которые рождаются лишь формообразующими аффиксами: сыродавец, сыродзец – Сырод, хамічанін, хамічанец, хамічовец – Хамічы;

– от любого из компонентов двучленного топонима–основы: валаўчанін, валавец и руднянец, руднік – Валаўская Рудня, буднік, будняк и казіміравец, казімірац – Буда Казіміраўская;

– от одного только компонента сложной топонимической основы: крынчанін, крынчанец – Крынчаная Града, хутаранін, хутарчанін, хутаранец, хутарац – Сяргею Хутар; б/ сложными номинациями, образованными:

– от сложной производящей основы топонима: княжборац, княжборац – Княжбор’е, першамаец, первамаец – Першамайск;

– от всего топонимического словосочетания: верхнежаров, верхнежаравец – Верхнія Жары, кругрудкавец, кругрудкавец – Круг–Рудка, стараіёлчанец, стараялчанец – Старая Іёлча.

Существование синонимических образований в лексико–семантическом разряде наименований жителей по местности – реальный факт народного языка, который развивает и совершенствует лексические средства в соответствии с общими языковыми тенденциями в советскую эпоху.

Л.Г.ЯЦКЕВИЧ (Гомель)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ДИАЛЕКТНЫХ ОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ИХ ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИИ РОДА

(на материале "Словаря русских народных говоров")

Вопрос о типологии категории рода имен существительных является дискуссионным. Неоднородность различных ономастических классов имен существительных в отношении категории рода отражает различные исторические и эволюционно–типологические процессы, происходившие в этой сфере грамматики. Представле-

то они связаны с изменением продуктивности и сферы распространения различных средств и способов грамматического структурирования лексики по категории рода. Исследованные с целью диалектные данные русского языка позволяют нам выделить несколько таких способов.

1. Лексико-грамматическая классификация одушевленных существительных по значению отношения к полу (ЗОП). Морфологические и синтаксические признаки рода у слов рассматриваемого класса однозначно мотивируются ономастиологическим базисом: слово обозначает существо определенного пола – мужского или женского. Значение отношения к полу является обязательным, центральным компонентом структуры лексического значения слова. Семантическая особенность свойственна далеко не всем одушевленным существительным. Ею обладают следующие ономастиологические классы одушевленных существительных: темины родства и свойства (матя, матца, матка, матри, матуха; молодёнка, подиха; мужок, мужан, мужило), наименования только мужских и только женских профессий, занятий, функций (молотобой, наемщик, медведенщик; мытейка, мольщица, меньшанка), наименования мальчиков и девочек (машалка, махоночка, меньшак, мигалка, лутоношка), наименования самцов и самок животных (мужик, пичок – "самец диких животных и птиц", махан, мехряк, лубик; матка, матня, маточка, матуха, матёра, матика, матица – "самки животных"); наименования мифических существ мужского или женского пола (бабай, бадяй, лихоман; лопаста, ломея, ляга, мокша, мора), экспрессивные наименования – характеристики, связанные со значением отношения к полу (нагальник, надорожник, удень; матеруха, махоня, навалуха, набиванка). Данный способ структурирования лексики по категории рода утратил в современном русском языке свою продуктивность, а указанные классы слов в основном редуцировались и исчезли из активного употребления.

2. Словообразовательная (суффиксальная) классификация одушевленных существительных, связанная с категорией рода, характерна для существительных, у которых значение отношения к полу является дополнительным, второстепенным компонентом лексического значения. Следует указать следующие словообразовательные характеризованные классы: наименования общих для мужчин и женщин профессий и занятий (мерильщик – мерильщица, могач – огачка, мировщик – мировщица, метельник – метельница), экспрессивные наименования – характеристики (мяргун – мяргуша,

мякинник – мякинница, мытарь – мытарка), наименования детей (маткин – маткишна, меньшута – меньшутка), наименования самцов и самок животных (лошак – лошачка, лошадёнок – лошица, лось – лосиха, лосина, лосица, мухорко – мухорица), наименования мифических существ (лешак, лешеня, леший – лешачиха, лешачка, лешенка, лешовка). Значение отношения к полу выражается в словообразовательной структуре этих слов модификационными суффиксами, находящимися в отношениях парадигматического противопоставления. Это противопоставление объединяет суффиксальные производные существительные в деривационные пары двух типов: а) при последовательной деривации – пары-цепочки (лызгач – лызгачиха), б) при параллельной деривации – пары-кодериваты (льготник – льготница, магазейшик – магазейшица). В отличие от первого способа данный способ структурирования лексики по категории рода не только не устарел, но все более активизируется. Словообразовательная характеристика по роду становится все более продуктивной в ономаσιологическом классе наименований лиц по профессии.

3. Семантико-синтаксическая классификация, связанная с категорией рода, наблюдается у таких одушевленных существительных, в лексическом значении которых отсутствует значение отношения к полу, то есть у существительных так называемого "общего рода": а) экспрессивных наименований-характеристик (мяха, мяма, мятила, наброда, навяза, мызя), б) наименований общности для мужчин и женщин профессий (молотила, молотыга, мелея). Семантика рода выражается в формах зависимых от них слов.

4. Морфолого-семантическая (конверсивная) классификация одушевленных существительных по категории рода в говорах представлена шире, чем в современном литературном языке, что обусловлено архаичностью данного способа грамматического структурирования по категории рода (внук – внука, наёз – наёза, надёр – надёра, млад – млада, моден – модёна, могут – могута, лев – льва, люб – любя, людин – людина, маз – маза, люс – люса, лю – люха). При конверсии значение отношения к полу выражается только сменой морфологической парадигмы слова.

5. Морфолого-синтаксическая (формальная) классификация одушевленных существительных по роду наблюдается в следующих ономаσιологических классах: наименования детей (набродыш, ден, младыш, лызган, момзик, молыга, мезенька), видовые наименования животных (луныга, лыкас, люгаха), наименования м

ушеств без конкретизации по значению отношения к полу яда). Наличие в составе указанных классов существительного среднего рода объясняется формальным характером рода (лызмазло, максо, мальё, мяло, наглядیشه).

В говорах, в отличие от литературного языка, распространены трехчленные словообразовательные парадигмы рода: общий род мужской род - женский род (назола, назольник, назольница; мямяло, мялуха; миланя, милак, миланька), а также двучленные адигмы: а) общий род - мужской род (мямля, мямлюй, мямлюк; маха, милах; милка, мильш, милок, милко), реже б) общий род женский род (марюка - маряшка, маряха).

И.Я.ЯШКИН (Минск)

БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИЕ ИЗОЛЕКСНЫЕ ЗОНЫ ПО НАЗВАНИЯМ ГРИБОВ

В белорусском языкознании названия грибов обследованы на территории БССР по программе для лексического атласа белорусских народных говоров.

По территории УССР нам известны только некоторые работы, в которых указано место распространения названий грибов, а именно: Волынская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровенская, Тернопольская, Полтавская, Волынская и Закарпатская области.

По названиям грибов выделяются следующие изолексные зоны:

А. Юг БССР (по линии Гомель - верховье Немана) - север Украины (по линии Закарпатская - Полтавская области).

Agaricus edulis. Для говоров УССР характерно название гриба (и варианты: греб, правдивий гриб, гриб добрый, гриб справедливый, гриб-ширак). То же и в Приднепровье. На территории БССР весь юг также знает название гриб. Кроме этого, на этой территории есть такие же варианты, но которые имеют свою локализацию. Итак, название добры гриб распространено на юго-востоке, в треугольнике Гомель - Жлобин - Чечерск. Названия справедливы гриб, праўдзiвы гриб распространены на юго-западе республики, от р. Случь и до верховьев р. Неман.

Agaricusoletus rufus. В украинских говорах наиболее распространенным названием является красноголоу (красноголовец) (и ва-

рианты: красноголовец, красноголойка, красноголовик, краснег-
ловец). Реже выступают другие названия краснюк, красняк. На-
звание краснюк отмечается и на Киевщине. На территории БССР
также самым распространенным выступает название краснагалов-
вец, южнее красцагаловец, краснагаловік. Не распространено это
название на юго-восток от Гомеля и Мозыря. Интенсивность его
бытования отмечается на север и запад от Мозыря и Гомеля по
линии Ветка - Корма - Червень - Жлобин - Глуск - р. Случч -
верховье р. Неман. Название краснюк интенсивно распространено
на правобережье р. Припяти (к границе с УССР) по линии Еланск
(южнее Мозыря) - Брест.

Б. Юг БССР (по линии Мозырь - Минск - верховье Немана)
- северо-запад УССР (по линии Закарпатская - Полтавская облас-
ти). **Boletus scaber.** В говорах УССР отмечается название
бабка ж.р. (и варианты: бапка, бабка жовта, бабка руда, бабка
чорна, бабочка). В белорусских южных говорах распространено
также название бабка, абабка ж.р. по линии Мозырь - Минск -
верховье Немана. Только на Брестчине отмечается еще название
березняк. Название подберезовика с корнем берез- имеет исклю-
чительно интенсивное распространение на территории Закарпатской
области.

В. Юг БССР (по линии Добруш - Гомель - Речица - Мозырь -
р.Лань - верховье Немана - Мосты) - северо-запад УССР (по
линии Закарпатская - Полтавская области).

Agaricus campester. На территории УССР широко известно
название печерица (и варианты: печорица, печерица, пичирница, пичи-
рница, пичирец). В Владимир-Вольнском районе, как отмечает
М.А. Костюк, эти грибы не являются съедобными. На территории
БССР распространено название пичурка (и варианты: пичурка,
пичорка).

Такие изолексные зоны обусловлены природными и историче-
скими факторами.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

А. АКУЛОВ, Г. И. ПОГУДИНА. Калькирование иноязычных идеологически-политически терминов русским и белорусским языками.....	3
А. АНИЩЕНКО. Языковые связи полесского фольклора с русской художественной литературой.....	5
А. АНТОНЧОК. Диалектная лексика в развитии белорусской народной терминологии.....	7
А. БЕВЗЕНКО. К вопросу о критериях разграничения укра- инско-белорусских порубежных говоров.....	10
А. БЕЛОКУРСКАЯ. Региональное и общенародное в лек- сических произведениях Якуба Коласа.....	12
А. БЕРДНИК. Региональные фразеологизмы в творчестве Якуба Коласа.....	14
А. БИШОВА. Язык художественного произведения как ис- точник диалектной лексикографии.....	16
А. БОБРИК. Семантические неологизмы в языке Янки Ку- ры.....	18
А. БРОМЛЕЙ. Региональные особенности восточнославян- ских языков как выражение общих закономерностей их раз- вития.....	20
А. БУКЧИНСКАЯ. Названия радуги в русских говорах (лингвогеографический аспект).....	22
А. БУДЫКО. Однозначные и многозначные заимствова- ния в белорусском языке XVI-XVIII вв.....	24
А. ВАСИЛЬЮК. Названия болот в говорах Брестчины.....	26
А. ВЕНШОРТ. Место диалектной лексики в нормативных словарях.....	28
А. В. ВЛАСОВ. К проблеме вариантности и нормативности лингвистических терминов.....	31
А. М. ВОЗНИЙ. Региональное функционирование деадъектив- ных глаголов в восточнославянских языках.....	33
А. ВОЙНОВА. Особенности белорусского поэтического стиля и их соответствия в русском и украинском языках.....	35

- Т.В.ВОРОБЕЙ, В.И.КОВАЛЬ. К вопросу о происхождении фразем с компонентами-антропонимами.....
- Л.Т.ВЫГОННАЯ. Региональный фактор и становление фонетики русской речи белорусов-билингвов.....
- О.Г.ГЕЦОВА. К вопросу об истории форм творительного падежа множественного числа на -ма в восточнославянских языках.....
- В.А.ГОРПИНИЧ. Общеславянские словообразовательные традиции в адъективных современных восточнославянских языках.....
- Е.И.ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Ю.Ф.МАЦКЕВИЧ, Е.М.РОМАНОВИЧ, Е.И.ЧЕБЕРУК. К характеристике животноводческой лексики.....
- А.Н.НИКОНЧУК. Восточнославянские названия черемухи..
- А.П.ГРУЦО. Формирование фразеологических единиц белорусского языка.....
- О.А.ГУЛИЦКАЯ, Е.А.ЕЛИСЕЕНКО. Из наблюдений над региональной гидронимикой Полесья.....
- Н.Ф.ГУЛИЦКИЙ. Региональные словари белорусско-русского и белорусско-украинского пограничья как источники лексико-семантических исследований.....
- З.П.ДАНИЛЬЧИК. Специфика контекстуальных антонимов в современной белорусской речи.....
- И.А.ДЗЕНДЗЕЛЕВСКИЙ. К изучению тайных языков западного Полесья.....
- М.В.ДОБРЯН. Общеполитическое и региональное в социально-политической лексике белорусского литературного языка XIX в. ....
- Г.А.ДОВГЯЛО. Наблюдения над некоторыми особенностями диалектной синонимии.....
- В.Д.ЕВТУХОВ. Региональные особенности развития лексики гадзіна в белорусском языке.....
- С.А.ЕМЕЛЬЯНОВА. Особенности антонимов-наречий в русском и белорусском языках.....
- В.М.ЕМЕЛЬЯНОВИЧ. Особенности микротопонимии Брестчины.....
- Г.Н.ЖДАНЕНЯ. К вопросу об изучении региональных особенностей функционирования языка межнационального общения.....

КОЗЬ. К вопросу о специфике фразеологического языка.....	70
КРАВСКАЯ. Диалектизмы в русскоязычной литера- турной белоруссии.....	72
КРАВСКИЙ. О соотношении белорусского литератур- ного языка и народных говоров.....	74
КРУДСКИЙ. О сербско-белорусских лексических параллелях П.А.Ровинского.....	77
КУБНИН. Словообразовательная структура омонимов русского языка.....	79
КУЗЬМИН. Явление полисемии и ее использование в дра- матических произведениях.....	80
КУЗЬМИН. Историческая семасиология и ее отра- жение в восточнославянской толковой лексикографии.....	82
КУЗЬМИНОВА. Особенности наименований орудия для молотыбы в русских говорах и ареалы их бытова- ния.....	84
КУЗЬМИНОВА. Из наблюдений над сложными и со- единенными словами в восточнославянских языках.....	85
КУЗЬМИНОВ. К истории слов лядо, новина.....	88
КУЗЬМИНОВА. Синтаксические особенности русской раз- говорной речи интеллигенции Могилева.....	89
КУЗЬМИНОВА. Деривация посессивных адъективов в народных говорах.....	92
КУЗЬМИНОВ. Географическая проекция внутренней фор- мирования "Полесье".....	93
КУЗЬМИНОВА-ХМЕЛЕВСКАЯ. Белорусские региональ- ные элементы в русскоязычных произведениях белорус- ских писателей.....	96
КУЗЬМИНОВ. Семантические дериваты с модификацион- ным значением подобия в русском и белорусском язы- ках.....	98
КУЗЬМИНОВА. Этимологические заметки по полесской лексике.....	100
КУЗЬМИНОВА. Сопоставительный анализ существитель- ного значения отвлеченного действия в русском и белорусском языках.....	102
КУЗЬМИНОВИЧ. Об эквиваленте в русском и бело- русском синтаксисе.....	104

В.А.КОПЫТКО. О вариантности личных собственных имен Гомельщины.....	1
Д.Н.КОРОТИНСКАЯ. Основные особенности омонимических образований в современном белорусском языке.....	1
М.А.КОРЧИЦ. Из наблюдений над русско-белорусскими соответствиями в области деепричастных конструкций с будучи.....	11
В.П.КРАСНЕЙ. Некоторые аспекты анализа белорусской терминологической лексики 20-х годов.....	11
Н.Н.КРИВКО. Региональные особенности оценочной лексики.....	11
Л.П.КУЗЬМИЧ. К вопросу о семантике лексики белорусского фольклора.....	11
В.Б.ЛАМЕКО. Русские лексические заимствования в белорусской литературе второй половины XIX в.	11
В.П.ЛЕМТЮГОВА. Ареалы топооснов "жилище", "жилище-землевладение - тип поселения" в восточнославянских языках.....	1
И.Я.ЛЕПЕШЕВ. Об актуальных вопросах культуры белорусской речи.....	1
В.В.ЛЕПЕШКИН. Милозвучность сочетаний слов в предложении.....	
О.А.ЛЕШИНСКАЯ, Л.П.ПАВЛОВСКАЯ. Об активности словообразовательных средств и морфонологических явлениях	
О.А.МАЛАХОВСКАЯ. Из наблюдений над микологической лексикой украинских восточнополесских говоров.....	
Т.А.МАЛЬЦЕВА. Некоторые особенности фонетического освоения галлицизмов в белорусских народных говорах....	1
В.В.МАРТЫНОВ. О номинации диких животных в славянских языках.....	1
С.В.МАХОНЬ. О причинах употребления белорусизмов в переводах белорусской художественной прозы на русский язык.....	11
Г.Н.МОЛОЖАЙ. Стилистическая роль перифразы в белорусском фольклоре (на материале ус.нопоэтических произведений, записанных на Брестчине).....	11
О.Н.МОРАХОВСКАЯ. Задачи комплексного изучения отдельных регионов в их отношении к диалектному членению	
А.И.НАРКЕВИЧ. Грамматический параллелизм в системе	

ного склонения.....	140
М.НИКИТЕВИЧ. Некоторые тенденции языковых изменений и русско-белорусский билингвизм.....	143
Н.НИКОЛАЕВА. О фонематических вариантах глаголь- формализмов русского языка.....	145
Д.ПАВЛОВЕЦ. Особенности слово- и формоизменения глагольных в восточнославянских грамматиках.....	146
А.ПАРУКОВ. Старобелорусские заимствования в гово- рах Гомельщины.....	149
Г.ПИСКУН. О некоторых тенденциях нормативной ко- дификации в современном белорусском литературном язы- ке.....	151
А.ПЛОТНИКОВ. Об особенностях наименований продук- тов питания в восточнославянских языках.....	153
К.ПОМЕТЬКО. Региональные военные номинации в письменности белорусской письменности XIУ-ХУШ вв.	154
М.ПОПОВСКИЙ. Региональные особенности в языке писателей южной Украины XIХ- начала XX века.....	156
Г. ПРИГОДИЧ. Индивидуально-авторские композиты: наименования и потери.....	158
М.ПРИЩЕЛЧИК. Региональные глаголы в поэме Якуба Коласа "Новая земля".....	160
С.РОВАДКО. Межуровневые отношения контактирующих языков.....	162
И.РОГОВЦОВ. Семантико-трансформационная характе- ристика субстантивных словосочетаний с предлогом "за" + родительный в белорусском литературном язы- ке.....	163
А.Ф.РОГОЛЕВ. Региональные особенности белорусской географической лексики.....	165
В.А.РУДАКОВСКАЯ. Падлежащая форма или фразеологизм? Об одной особенности номинации растений в украинских говорах.....	167
И.САЦУТА. Региональные особенности в системе глаго- лов переводных изданий Скорины.....	169
В.М.СВЕЖИНСКИЙ. Макаронические тексты в Белорус- сии XIУ-ХУП вв.	172
М.К.СИВИЦКЕНЕ. Исходная локализация и особенности русских говоров Литвы.....	174
	176

В.С.СИДОРЕЦ. К истокам вербаноминантов в современных восточнославянских языках.....	17
А.В.СОЛОХОВ. Морфологические особенности глагола в языке старобелорусской научно-публицистической литературы.....	17
В.А.СОРОКА. О внутриязыковых связях некоторых лексико-тематических объединений в языке белорусского фольклора.....	18
А.А.СТАНКЕВИЧ. Многоязычие и лексическое взаимодействие в белорусских говорах.....	18
Н.А.СТАРОСТЕНКО. Семантическая конденсация в славянской диалектной терминологии.....	18
В.И.СТАТЕЕВА. Украинско-белорусские параллели в дедиминутивной лексике.....	18
П.В.СТЕЦКО. Семантическая деривация субстантивов в народно-диалектном языке.....	18
Л.В.СУДАВИЧЕНЕ. Лексика западноевропейского происхождения в системе русского литературного языка ХУП в. (на материале Литовского статута в Московском переводе-редакции ХУП в.).....	18
Г.К.ТИВАНОВА. Особенности системы склонения в произведениях белорусской драматургии ХУШ века.....	18
Е.И.ТИМОШЕНКО. О методологических предпосылках изучения общего лексического фонда близкородственных языков.....	18
В.В.ТИТОВ. Сопоставление рыболовецкой лексики говоров правобережного и левобережного Полесья.....	18
Т.И.ТОМАШЕВИЧ. Заимствованные фразеологизмы в белорусском языке ХУ1-ХУП ст.	18
З.М.ТОМАШЕВИЧ. И.И.Носович как белорусский паремолог.....	20
В.ТРАЙКОВСКАЯ. К изучению лексики ткачества в белорусских говорах.....	20
А.К.УСТИНОВИЧ. Общее и региональное в антропонимии Гродненщины и Брестчины Х1У-ХУШ вв.	20
И.О.ФЕДЕРОВСКАЯ. Из лингвогеографии полесских тюркизмов.....	20
Е.А.ЦЕЛУНОВА. "Простой" язык Московской и Западной Руси в ХУП в.	20

ШКУН. Транспозиционные субстантивы со зна- экспрессии в русских и белорусских народных го-	211
ШМОНАС. К проблеме хронологической классифика- белорусских говоров.....	213
ШЕРЕПАНОВА. Апеллятивная лексика и микротопони- Черниговско-Сумского Полесья Украины в сопостав- и с белорусской географической терминологией.....	215
ШАКУН. Пути формирования словообразовательной си- ы современного белорусского литературного языка.....	217
ШАВШУК. Взаимодействие лексики разных сфер упо- ления при формировании геологической терминологии....	219
ШКРАБА. Вариантность глагола с постфиксом -ся.....	221
ШУБА. Грамматическая характеристика одной группы ательных местоимений.....	223
ШУМСКА АЯ. Семейные прозвища в говорах Брестчины..	225
ШУР. Деривационная синонимика оттопонимических аций лиц мужского пола (на материале говоров Мо- кого Полесья).....	227
ШКЕВИЧ. Ономаσιологические классы диалектных оду- нных существительных в их отношении к категории (на материале "Словаря русских народных говоров")...	229
ШКИН. Белорусско-украинские изолексные зоны по ниям грибов.....	232

Цена 1 р. 80 к.